

Дмитрий Черкасов™

Андрей Воробьев

На Бейкер-стрит хорошая погода,
или Приключения
весёлых мусоров

Bonus!
Главы из нового
романа
Д. Черкасова

«Реглан
для
братвы»

Дмитрий Черкасов
Андрей Воробьев

**НА БЕЙКЕР-СТРИТ
ХОРОШАЯ ПОГОДА,**

или

*Приключения веселых
мусоров*

Скан&OCR [3aH3и6ap](#)

Релиз группы

www.rutracker.org

08 апреля 2010 г.

Санкт-Петербург
«Валери СПД»
2002

УДК 882
ББК 84. (2Рос-Рус) 6
Ч48

Черкасов Д., Воробьев А.

Ч48 На Бейкер-стрит хорошая погода, или Приключения веселых мусоров. – СПб.: Валери СПД, 2002.— 320 с.

ISBN 5-8142-0115-0

Криминальный мир Лондона трепещет! Питерские менты, достойно отметив у себя в «убойном» отделе праздник очередной получки, высаживают десант на берега Темзы. Только почему-то они попадают не в современную Англию, а в Англию времен Шерлока Холмса. А в это время в Питере Дмитрий Черкасов ставит перед оставшимися в меньшинстве «убойщиками» из N-ского РУВД неразрешимую задачу: пить или не пить...

Книга Д. Черкасова и А. Воробьева открывает новую убойно смешную детективную серию, которая так и называется: «Убойно Смешной Детектив».

УДК 882
ББК 84. (2Рос-Рус) 6

© Черкасов Д., 2002
© Воробьев А., 2002
© «Валери СПД», 2002
© Оформление.
«Валери СПД», 2002

ISBN 5-8142-0115-0

Уважаемый читатель!

Рад вам представить новый роман, написанный совместно с моим хорошим знакомым Андреем Воробьевым.

Это произведение не совсем соавторское, в классическом понимании. Каждый из нас вел свою альтернативную линию. Вы легко поймете какую, потому что в тексте для каждого автора был выбран отдельный шрифт.

Этот опыт нам показался интересным, и после этой книги мы написали еще одну, назвав ее «Обреченные эволюцией, или Новые приключения веселых мусоров». На этом мы пока приостанавливаем серию повестей «о веселых мусорах» в ожидании вашей реакции.

В 2002-2003 годах читателей ждет встреча со следующими моими произведениями, которые будут изданы в полном объеме и без цензуры:

- трилогия «Головастики»;
  - роман «Реглан для братвы»;
  - роман «Демократы и капуста»;
  - роман «На острие штыка»;
- и многими другими...

Дмитрий Черкасов

АВТОРЫ КАТЕГОРИЧЕСКИ ГАРАНТИРУЮТ, ЧТО:

при написании книги не пострадал ни один
порядочный мент...

А. Воробьев

...по причине исключительной редкости вида
таковых особей.

Д. Черкасов

Будет так будет, а не будет, так что-нибудь да
будет.

Русская пословица

Правда необычайнее вымысла: вымысел должен
придерживаться правдоподобия, а правда в этом не
нуждается.

Марк Твен

Вышел мусор из тумана,
Вынул фляжку из кармана...

Народная песня

Глава 1

НУ НИ ФИГА СЕБЕ ПЕЛЬМЕШКА...

А как славно все начиналось!..

«День мента» 20 ...ря 2... года (попросту говоря, выдача очередной зарплаты в «убойном» отделе районного отдела милиции) состоялся-таки вовремя. Конечно, в любом празднике главное – не просто начать, как говаривал один из наших президентов, а еще углубить, усугубить и далее по списку.

Вот с этого-то «углубить» все и закрутилось.

Когда сосредоточенный Дукалис в очередной раз засунул свою пухлую руку в сейф, то сумел извлечь наружу под укоризненными взглядами товарищей всего лишь одну жалкую поллитровку, да и то – с плескавшимися на самом донышке ста граммами живительной влаги.

– Послушай, Толян. – Капитан Казанцев, которого все обычно называли просто и ласково – Казанова, не выдержал угрызений совести товарища и вмешался в процесс осмысления ужасного события. – У меня в кабинете среди вещдоков где-то пипетка завалилась. Ты погоди немного, сейчас принесу...

– Из пипетки можешь своих свидетельниц отпаивать, – не оценил предложения хмурый Дукалис и с надеждой глянул на капитана. – Лучше бы организовал культпоход до ближайшего магазина...

Но, услышав такое пожелание, Казанова возмущенно засопел, заявив, что он уже давно не мальчик, чтобы за водкой бегать. Кроме того, инициатива, дескать, наказуема. И не только в армии, но и на флоте, в ФСБ и даже в службе охраны президента. А в МВД и подавно. Поэтому, если уж никто не хочет пострадать ради

коллектива добровольно, то вопрос можно решить с помощью вытягивания спичек.

Спички тут же нашлись, и Анатолию, тянувшему первым, досталась короткая. Сегодня ему явно не везло.

– Нет, это нечестно, – активно запротестовал он, – кабинет мой, за водкой я уже бегал. Лучше, кто первый сюда постучит – тому и бежать.

В этот критический момент в расхлябанном замке на двери кабинета подозрительно осторожно заскрежетал ключ, затем дверь распахнулась и на пороге показался слегка запыхавшийся Ларин.

– Ну что, не ждали? Наливай!..

– Ждали, Андрюша, ждали! Как не ждать! – радостно закивал головой мгновенно повеселевший Дукалис, выплескивая в стакан из бутылки остававшиеся в ней сто граммов и поднося их вошедшему. – Пей на здоровье... Вот, хорошо. – Сорокаградусная жидкость скользнула по пищеводу ничего не подозревавшего гостя и легла поверх съеденного два часа назад гамбургера. Коварный искуститель проследил за движением ларинского кадыка, довольно потер руки и трагически застонал: – Это были последние капли, отобранные у несчастного, но дружного коллектива. Так что теперь тебе сам бог велел бежать за угол...

Еще через несколько минут сопротивление Ларина общими усилиями было сломлено.

Из карманов пиджаков оперативников начали извлекаться мятые купюры, но тут Казанова проболтался, что вообще-то, по справедливости, идти в магазин следовало Дукалису. В результате короткой перепалки решили: Толику и Андрею страдать вместе.

– Я с вами, за компанию, – попытался смягчить ситуацию низкорослый и нескладный Вася Рогов, которого только недавно перевели в от дел. – Тоже прогуляюсь...

– И это правильно, товарищи, – одобрил Казанова, – порядочным ментам следует ходить по трое. А вам, гражданин Рогов, должно быть приятно находиться в компании умных людей... Говорят... – Капитан воздел к бывшему когда-то белым, а теперь серому потрескавшемуся потолку кабинета указательный палец. – Говорят, что Дукалис даже читать умеет...

– Да иди ты, – беззлобно отмахнулся объект постоянных подколов Казановы, натягивая неопределенного цвета плащ,

купленный на барахолке почти за половину месячного оклада. – Мы скоро, мужики...

На том и расстались, даже не подозревая, что через полчаса злодейка-судьба отправит трех наших героев в далекое и полное опасностей путешествие.

* * *

Майор Соловец осторожно выглянул из двери своего кабинета, пошевелил ноздрями, словно вышедший на охоту древний человек, сверкнул маленькими, глубоко спрятанными под мощными надбровными дугами, но в то же время пронизательными серо-стальными глазками, поскреб пятерней трехдневную щетину, должную означать невероятную загруженность делами на протяжении последних суматошных суток и отсутствие в пределах досягаемости начальника ОУРа бритвенного станка, и на цыпочках прокрался по коридору до лестничной площадки, где стоял экспроприированный с проспекта Стачек огромный, выкрашенный серебряной краской бетонный вазон, служивший в отделении пепельницей.

Над вазоном, почти заполненным разномастными хабариками, нестандартной тарой из-под спиртосодержащей продукции, обрывками протоколов допросов и опросов, куда несчастные дознаватели вынуждены были вносить выданные из потока сознания свидетелей и потерпевших бессвязные предложения, стреляными гильзами различных калибров, маленькими полиэтиленовыми мешочками с вещественными доказательствами, подвергшимися быстрой порче, скомканными в тугие бумажные шарики неиспользованными санкциями прокурора на обыск или задержание и всяческим иным мусором, висел полностью израсходованный десять дней назад огнетушитель, не утративший, однако, своего грозного красного вида и могущий еще послужить учебным пособием на занятиях по противопожарной подготовке, которые очень любил проводить лично начальник РУВД.

Возле «пепельницы» в гордом одиночестве стоял изрядно потасканный по засадам и иным служебным мероприятиям Казанова и задумчиво курил длинную коричневую сигарету «Мог». Незнакомый с капитаном человек мог принять погруженного в свои мысли Казанцева за интеллигента с высшим музыкальным или средним искусствоведческим образованием. Но пребывать в сем заблуждении ему пришлось бы недолго, ровно до той секунды, пока Казанова не

извлек бы из кармана свою любимую титановую раздвижную дубинку.

– Этого не видел? – свистящим шепотом осведомился низкорослый начальник «убойного» отдела, компенсирующий нехватку сантиметров трехдюймовыми каблуками своих остроносых «казаков», словно специально сделанных для того, чтобы отбивать чечетку на дискотеке во Дворце культуры имени неизвестного милиционера.

– Кого? – так же тихо спросил вынырнувший из мира невеселых дум капитан, пытаясь сфокусировать взгляд на майоре и отделить его образ от переплетенных в розовый, дышащий страстью клубок обнаженных женских фигур, занимавших более половины ментального пространства оперативного сотрудника ОУРа.

– Мартышкина...

– Нет, – после минутного размышления сообщил капитан Казанцев, так и не избавившийся от своей самой прилипчивой эротической фантазии, в которой его любили все женщины мира в возрасте от семнадцати до сорока девяти с половиной лет.

– Ну вот и хорошо, – Соловец облегченно повысил голос, и его движения обрели уверенность, как и положено досточтимому офицеру милиции, имеющему пятнадцатилетний стаж работы в славных своей историей органах российского правопорядка.

– Задолбал стажер? – участливо поинтересовался Казанова, поймавший наконец суть разговора. – Продыху не дает?

– Не то слово. – Майор вяло махнул испачканной сиреневыми чернилами рукой. – Хуже неопохмелившегося прокурора...

Капитан поправил являвшийся неременной деталью его туалета длинный красный шарф крупной вязки, который обвивал шею Казановы и зимой и летом, понимающе покивал и незтично громко икнул.

Соловец интеллигентно сделал вид, что ничего не заметил.

Чрезмерно ретивый и сильно близорукий младший лейтенант Сысой Бедросович Мартышкин был направлен в районное управление на трехмесячную стажировку сразу после окончания ускоренных милицейских курсов, на которых он учился пользоваться свистком, отрабатывал чеканный строевой шаг, столь необходимый в деле борьбы с организованной, не очень организованной и совершенно дезорганизованной преступностью, писал конспекты лекций на тему «Зачатки неправильного правосознания у российских подростков в пубертатном периоде, и как с ними бороться в свете применения к

малолетним нарушителям специальных средств в виде слезоточивых газов различной степени воздействия и резиновых дубинок разной длины и веса»; участвовал в задержании лектора, оказавшегося знатным педофилом, невесть как проникшим в штат преподавателей школы милиции и охотившимся за привлекательными курсистками и курсистами; вникал в премудрости обращения с плексигласовым щитом и противогазом; изучал устройство пистолета Макарова по большому и красочному методическому пособию, где были допущены три грубейшие ошибки: на рисунке забыли изобразить флажковый предохранитель, двуперую боевую пружину и вместо плоского магазина на восемь патронов нарисовали двухрядный на четырнадцать; чуть не попал под разнарядку в Чечню, в последний момент вычеркнутый спохватившимся окулистом из списков командированных; мечтал работать в уголовном розыске и на деле проявлять свои недюжинные дедуктивные таланты, коими с детства гордился...

В общем, сие чудо, которое мало чем отличалось от подавляющего большинства выпускников достославных милицейских учебных заведений, в один прекрасный погожий денек явилось к начальнику РУВД подполковнику Николаю Александровичу Петренко и положило перед ним грозное предписание из Главка, в котором русским по белому приказывалось немедленно обеспечить новоиспеченному младшему лейтенанту широкий фронт работ и прикрепить Мартышкина к какому-нибудь суперопытному сотруднику отдела уголовного розыска.

Незримо страдающий от острой нехватки личного состава Мухомор поначалу обрадовался пополнению, но через недельку стух и стал избегать стажера.

А всё потому, что Мартышкин оказался излишне резвым и, даже для сотрудника милиции, чересчур принципиальным.

На второй день пребывания в районном управлении глазастый Сысой обнаружил на подоконнике в туалете выброшенные за ненадобностью десятком заявлений о квартирных кражах и угонах автомобилей, самостоятельно обошел нудных и забытых всеми потерпевших и хлопнул об стол Петренко пачкой снятых им объяснений.

Мухомора чуть инфаркт не хватил.

Объективно вредная инициатива чрезмерно активного Мартышкина грозила обернуться для вверенного подполковнику РУВД

последним местом в квартальном соревновании среди райуправлений за самый высокий показатель раскрываемости.

Петренко отобрал у Сыся пачку объяснительных, в запале обозвал стажера «Переростовичем», чуть не подставившим дружный, спаянный многочисленными громкими раскрытиями и не менее известными в узких кругах возлияниями коллектив управления под проверку районной прокуратуры, на глазах у изумленного младшего лейтенанта поджег исписанные корявыми почерками листы и гордо швырнул их перед собой.

В результате сгорели не только бумаги, но и стол подполковника.

А грозивший перекинуться на все ветхое здание райуправления пожар потушили с помощью того самого огнетушителя, что несколько лет ждал своего часа над пепельницей-вазоном на лестничной площадке.

Петренко взял трехдневный бюллетень, дабы поправить расшатанные нервы и успокоить истерзанную душу, а после триумфального возвращения на работу, озаменованного мощным банкетом в близлежащем кафе, в процессе которого был арестован бармен, пытавшийся напоить дознавателя Твердолобова некачественным розовым портвейном «Агдам», представлявшим собой подкрашенное лиловой тушью белое крепленое вино, прикрепил Мартышкина лично к майору Соловцу.

– Ларина не видел? – проникновенно спросил глава «убойщиков».

– Он с Роговым и Дукалисом вышел на полчаса. — Казанова зевнул, поправил шарф и предвкушающе сглотнул.

– Куда, если не секрет?

– Прогуляться, купить сигареток, гамбургер зажевать... – предположил капитан, не желавший расстраивать майора известием о том, что коллеги в третий раз с начала рабочего дня отправились пополнять истощившиеся запасы спиртного.

– А гамбургер, небось, такой прозрачный и вкусный, – съязвил многоопытный Соловец. – И булькает...

– Да брось ты, Георгич. – Казанова хлопнул майора по плечу и задышал начальнику в ухо. – Мужики, когда согреются, работают лучше.

– Только Мухомору пусть на глаза не попадают, – озаботился Соловец, стараясь отстраниться от густого капитанско-чесночного духа. – Ему сверху бумага пришла о борьбе с пьянством на рабочих

местах, так что сам понимаешь... И с завтрашнего дня чтоб в кабинетах – ни-ни! Только за пределами здания. А еще лучше – дома.

– Заметано. – Капитан погрузился и посерьезнел. – Предупрежу... Хотя лично я против таких бумаг. Они, понимаешь, конституционные принципы равноправия граждан нарушают. Вот, например, бандит может на рабочем месте выпить, а мы, получается, нет... Непорядок. В чистом виде дискриминация...

Соловец с уважением посмотрел на юридически подкованного коллегу, хотел было продолжить увлекательную беседу, но не успел.

На первом этаже захрипела рация, взвизгнули несмазанные петли двери на улицу и истошно заблажил запертый с утра в обезьяннике серийный гоп-стопник*, случайно отловленный шедшим на работу бдительным Дукалисом. (Пойман был грабитель в момент завершения нападения на не совсем адекватно воспринимавшего окружающую его действительность вершителя правосудия из Фонтанкинского района, судью с двойной аристократической фамилией Шаф-Ранцев, возвращавшегося под утро из привокзального салона эротического массажа и весело позвякивавшего запонками об асфальт.)

Затем послышалась скороговорка Мартышкина, что-то невнятно толкующающего начальнику дежурной части майору Чердынцеву.

– Всё, я пошел! Дела, сам понимаешь! – Побледневший Соловец быстро пожал вялую длань Казановы и побежал вверх по лестнице на четвертый этаж РУВД, где располагались кабинеты дознавателей и куда сверхактивный стажер по неизвестной причине забредал крайне редко.

* * *

Под ногами оперативников, неспешно бредущих по набережной одного из многочисленных питерских каналов, тихо шуршали присыпанные снегом листья. Хмурый Дукалис двигался, засунув руки в карманы плаща, из которых виднелись горлышки бутылок «Синопской».

– Гляди, Толя, поаккуратнее, а то разобьешь. – Ларин поежился и поднял воротник куртки. – Я второй раз не побегу.

– Не бойсь, у меня как в сейфе, – отозвался задумчивый Дукалис. – Ты сам-то закусь не посеи, советчик... Иначе опять придется одну ириску на пятерых делить.

---

* Уличный грабитель (жарг.).

Андрей хлопнул себя по левой стороне груди, продемонстрировав, что носит закуску у сердца, а для колбасы, особенно когда ее мало, нет лучшего хранилища, чем наплечная кобура...

– Почему одну ириску? – недоуменно захолопал глазами Вася.

– А потому, – нравоучительно пояснил Анатолий, – что после того, как нас перевели на очередное двенадцатичасовое бдение, на «допинг» никаких денег не хватит. Тем более что за сверхурочные, как обычно, заплатить забудут...

– А мне тут Казанцев рассказывал, – подхватил Рогов, – как он шел недавно после дежурства к подруге. Думает, приду, приму ванну, поем и спать, спать, спать... Дошел до лестницы, решает: ну ее на фиг, эту ванну. Главное – поесть и спать, спать, спать... Пока поднимается, говорит, приходит к окончательному выводу: ванну приму завтра, поесть тоже успею. Но сначала обязательно – поспать... Ну, звонит в квартиру...

Васю хмуро перебил Ларин, продолжая ему в тон:

– ...открывает ему его пассия, и тут Казанову осеняет: «Боже, ее же еще и любить придется!» Тоже мне, «Ужасы нашего городка»...

Бум! Бум! Два сухих револьверных выстрела, раздавшихся из парадной метрах в пятидесяти по курсу движения оперативников, спугнули стайку ворон, сидевших на узловатых ветвях тополя.

Оперативники остановились.

Через секунду из парадной выскочил какой-то нескладный человек в длинном темном пальто странного покроя и, срывая с лица темную маску, бросился наутек к ближайшей подворотне.

– Мокруха, Толян! – Ларин сунул было руку в кобуру, но вместо верного «макара», оставленного в кабинетном сейфе, нащупал лишь промасленную бумагу от подозрительно дешевого сервелата, купленного у торговавшей возле метро бабульки. – Берем!..

– Андрюха, проверьте парадную... Я этого сам возьму! – устремившись к подворотне и пытаясь достать на ходу пистолет, сипло крикнул Дукалис.

Ларин, а за ним и Рогов рванули к парадной.

Анатолий скрылся под аркой.

Как назло, в полутьме подворотни он не заметил лужи, натекшей из прохудившейся трубы горячего водоснабжения, в которую и плюхнулся, взметая фонтаны брызг. Но ни пистолет, ни заветные бутылки не пострадали – опытный оперативник при падении успел удержать

их в руках. Эта неожиданная заминка дала возможность незнакомцу юркнуть в подвал, расположенный в дальнем конце двора.

Ларину повезло немногим больше: на лестничной площадке он обнаружил лежащего человека, который зажимал рукой рану на груди. В уголках рта пострадавшего выступила розовая пена.

Оперативник склонился над раненым.

– Кто стрелял? Назови имя!

– I don't understand... I need a doctor* ... – прошептал тот.

– Блин, фирмачей нам здесь еще не хватало. – Ларин закрутил головой, рассчитывая увидеть поблизости оружие, из которого несчастный самоубийца, оступившись на лестнице, только что столь удачно дважды выстрелил себе в грудь, но не увидел. Потом, напрягая память, попытался применить те скудные познания в иностранном языке, которые приобрел до милицейской службы на редких уроках английского в мединституте и в общении со студентами из братских африканских стран. – I'm from criminal investigation department. Please, tell me name of the killer! You must do it!**

– Мо-гі-аг-ту... – с трудом выдавил из себя раненый.

– Это кличка того, кто стрелял? Имя! Назови имя! The name! Tell me the name, white masa!*** – продолжал выпытывать Андрей, в то время как Вася Рогов безуспешно бегал вверх-вниз по лестнице, проверяя, не было ли у убийцы сообщников, которые могли скрыться на чердаке.

Но на дверях чердака красовался огромный, проржавевший от старости замок.

А сквозь выступающие на губах у раненого розоватые пузыри пробивалось единственное: «Мориарти».

– Вася! Давай к терпиле! И звони по квартирам, вызывай «скорую» и опергруппу! – заполошно приказал Ларин. – Я к Толяну... – И, не дожидаясь ответа, опрометью побежал вниз по лестнице.

Под аркой оперативник наткнулся на мокрого и злого Дукалеса.

– Этот козел в подвал прошмыгнул, – попытался оправдаться тот.
– А водку я спас.

---

* Не понимаю, мне нужен врач (англ.).

** Я из уголовного розыска. Пожалуйста, назовите имя убийцы! Вы обязаны это сделать! (англ., стиль – в пределах программы обычного советского образования.)

*** Имя! Назовите мне имя, белый хозяин! (англ.)

– Какая к черту водка? У нас мокруха. И, чувствую, глухарек намечается. – Андрей был настроен решительно. – Давай, пока клиент не ушел, за ним. Может, успеем перехватить... Кстати, кличка Мориарти тебе ничего не говорит?..

Дукалис в ответ лишь недоуменно заморгал и пожал плечами. Оперативники с предосторожностями двинулись к двери подвала, за которой скрылся незнакомец.

* * *

Майор Чердынцев оторвал от своего местами изящно потертого кителя сведенные судорогой пальцы бомжеватого субъекта, приведенного с улицы перевозбужденным Сысоем, с не свойственной стражу порядка ненавистью посмотрел на стажера и грохнул кулаком по деревянной некрашеной стойке перед небольшим окошечком с кроваво-алой надписью «Дежурный».

– Молчать!!!

Задержанный тут же умолк.

Как и Мартышкин.

Трое немного полноватых сержантов из спецназа МВД, коих в народе называют «креплеными беретами»^{*} за их неумную тягу к спиртосодержащим жидкостям, за цвет головных уборов, похожий на бодрящий портвейн, и за непонятную непосвященным гордость за цвет, форму и содержание этих самых беретов, с уважением посмотрели на голосистого майора.

Сержантам было скучно.

Утром их вызвали в РУВД, чтобы помочь арестовать крайне опасного преступника, нападавшего на permanently нетрезвых в конце напряженнейшего рабочего дня участковых и обливавшего несчастных пасечников^{**} зеленкой. В результате этих трагических происшествий половина инспекторов бродила по участкам с розовыми, шелушащимися, отдраенными пемзой лицами и выбритыми наголо головами. Ибо зеленка с волос не выводится никакими средствами. Внешний вид участковых был столь необычен, что их начали избегать даже штатные стукачи.

Намеченная операция по непонятным причинам всё откладывалась и откладывалась, и спецназовцам ничего не оставалось, как

---

^{*} © Дмитрий Черкасов. Выражение принадлежит автору.

^{**} Участковый инспектор милиции (*жарг.*)

грустно сидеть на скамеечке рядом с решеткой «обезьянника», лузгать семечки, незаметно сплевывая ошметки себе под ноги, подремывать и наблюдать за броуновским движением патрульных, оперативников, подозреваемых, дознавателей, потерпевших, свидетелей и просто посетителей.

– Молчать!!! – строго повторил Чердынцев и скрылся за дверью дежурного помещения.

Через несколько секунд в окошечке, именуемом не иначе как «кормушка», показалось его круглое раскрасневшееся лицо.

– А вот теперь, младший лейтенант Мартышкин, – майор со сладострастным удовольствием сделал упор на прилагательное «младший», – доложите как положено...

– Мартышкин?! – загоготал задержанный. – А что ж ты мне Горилловым представился?!

– Да я... – начал было стажер, но осекся и опустил взгляд.

– Бабуинов, твою мать, вот ты кто! – рассвирепел Чердынцев, на секунду ощутив укол совести за произнесенную вслух грубость в адрес младшего по званию.

* * *

Подвал, как в стародавние времена, оказался запущенным и бесхозным, будто до местных дворников так и не довели указание о запираании дверей от блохастых кошек, не менее блохастых бомжей и бородатых горцев-террористов, испытывающих прямо-таки патологическую страсть к городскому жилому фонду. То взрывчатку под дом подложат, то на пассажирском самолете стену прошибить норовят...

Тусклый свет чудом сохранившейся лампочки выхватывал из подвального полумрака обернутые дерюжкой и рубероидом трубы, загаженный всякой неподконтрольной живностью шлак на полу, несколько полусгнивших досок, которые, по всей видимости, должны были изображать мостки, и выведенную на стене надпись серебряной водоземлюсионной краской: «Писатель Андрей Лебедев – импотент. Ха-ха-ха!»

Кто был такой этот «писатель Лебедев» и почему о его импотенции сообщалось не где-нибудь, а в подвале, было неясно.

– Слушай, Андрюха, может, подождем группу? – шепотом осведомился Дукалис. – После этого ведь хрен отстираешься, да и вшей тут наверняка навалом...

– Нельзя, Толян. – Ларин осторожно поднял с пола метровый обрезок водопроводной трубы, чудом избежавший пункта приема металлолома. – Если не пойдем, потом завалят наездами типа «на каком основании было принято решение оставить амбразуру без грудного прикрытия». А так, глядишь, по лишней справке в ДОП* сунем. Давай потихоньку-полегоньку вперед...

Спугнув по дороге пару облезлых кошек, оперативники миновали несколько пустых помещений, но ни затаившегося убийцы, ни запасного выхода из подвала не обнаружили.

– Ты хоть представляешь, где мы? – поинтересовался Дукалис у напарника. – Кажется, мы уже дома два пропахали.

– Тссс! – Ларин предостерегающе приложил палец к губам и показал на узкую вертикальную полосу света в дальнем углу помещения.

Дукалис кивнул; он тоже заметил свет, льющийся из-за не приметной, обшитой нестругаными досками двери, и мелькнувшую в световой полосе тень и направил в ту сторону пистолет.

Затаив дыхание, оперативники двинулись вперед; когда до двери оставалось совсем немного, темноту подвала пронзила яркая вспышка света. Неизвестно откуда ворвалась струя холодного воздуха, запахло озоном, и в тишине прозвучал обрывок странной фразы, сопровождаемой каким-то кашляющим смехом: «Fuck you!»**

Полуослепший Дукалис одним прыжком преодолел расстояние до двери, рванул ручку на себя, выставив пистолет вперед:

– Стоять! Я контуженый афганец! У меня справка есть!

Ответом ему были лишь дыхание Ларина и его голос:

– Ша, Толян, поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились. Тут пусто...

И действительно, в каморке, на пороге которой оказались оперативники, больше напоминавшей размерами платяной шкаф выпуска пятидесятых годов, не наблюдалось ни одной живой души.

– Андрюха, помнишь анекдот? – недоуменно озираясь, поинтересовался Анатолий. – Слон обвалился в муке, смотрит на себя в зеркало и удивляется: «Ох и ни фига себе пельмешка!» Вот и я про то же.

---

* ДОП – дело оперативной проверки.

** Fuck you! (англ.) – этот оборот наши переводчики, озвучивающие американские фильмы, обычно переводят: «Пошел ты!» Не будем спорить и вдаваться в тонкости языка...

Ларин, вслед за Дукалисом посмотрев по сторонам, удивленно присвистнул: в недрах загаженного подвала каморка выглядела нереально чистой. Пол и стены были облицованы светлым кафелем, у стены располагался щиток с непонятными приборами, смутно напоминавшими внутренности командно-штабной машины, которую Андрей когда-то видел на военной кафедре в институте. На встроеном в стену небольшом столике, чуть ниже мерцающего экрана монитора, красовалась компьютерная клавиатура.

Входная дверь, неприметная снаружи, изнутри была покрыта блестящим белым металлом и, похоже, закрывалась надежно, так как была снабжена сложным замком типа «краб», ригели которого одновременно входят в четыре паза со всех сторон.

– Ни фига себе пельмешка! – еще раз задумчиво повторил Дукалис. – Куда же он, гад, делся? Андрюха, здесь должен быть еще выход... Ага, нашел!.. – Он потянулся к большой красной кнопке с надписью «Exit»*.

– Подожди!.. – Ларин не успел закончить фразу, как его напарник уже вдавил палец в кнопку.

Снова – ослепительная вспышка света, легкий запах озона, затем – грохот, темнота, ощущение стремительного полета, будто во сне срываешься с заоблачных высот и летишь в небытие, легкая тошнота, сведенные в судороге руки...

– Андрюха, ты жив?..

* * *

– Бабуинов! – повторил заглушивший голос совести Чердынцев, открывая здоровенный гроссбук, куда вносились данные о происшествиях. – Ну, так что у тебя?

– Слышь, начальник, – бомжеватый субъект засунул голову в окошечко и дружелюбно подмигнул майору. – Ты, это... дурика своего убери...

– Немедленно прекратить! – Тщедушный Мартышкин обеими руками схватился за воротник грязной куртки, болтавшейся на плечах субъекта, для верности уперся ногой в стену и потянул задержанного на себя.

Раздался треск рвущейся материи, и Сысой грохнулся крупом об пол, сжимая в кулаках кусок ткани.

---

* Выход (англ.).

На пышущих здоровьем, круглых и румяных лицах «крепленных беретов», являвших собой элиту войск МВД, возникло некоторое подобие интереса.

Субъект цыкнул зубом, поморщился, передернул плечами, но вылезать из окошечка не спешил.

– Сопротивление сотруднику милиции! – заголосил Мартышкин, сидя в луже грязной воды, натекашей с обуви входящих аккуратно рядом с ковриком, о который, по идее, им следовало вытирать ноги, хотя никто почему-то этого не делал.

Чердынцев горестно вздохнул, упер ладонь в лоб бухарику и вытолкал голову алкаша из проема окошечка.

Стажер отбросил в сторону свой трофей, резво вскочил и повис на спине у задержанного.

С минуту младший лейтенант и пьяница из соседнего дома, вся вина которого заключалась в том, что он решил отлить на угол здания РУВД, молча толкались и пыхтели.

Наконец Мартышкин метким тычком под ребра заставил противника развернуться боком, треснул ему носком ботинка по щиколотке, схватил за грудки и дернул на себя. Пьяница мазнул грязной ладонью по лицу Сыся, смачно плюнул стажеру на брючину и немедленно получил в ответ удар кулаком в грудь, отбросивший его на стойку перед окошечком дежурного.

Затылок алконавта вошел в соприкосновение со стеклом, и на стол Чердынцеву посыпались осколки.

«Крепленные береты» привстали, не желая упускать ни единой подробности из разворачивающейся у них на глазах душераздирающей сцены.

– Скотина! – заорал ошалевший майор, увернувшись от падающего аки лезвие гильотины особенно крупного осколка и напроць забыв о правилах хорошего тона, в теории свойственных всем без исключения офицерам российской милиции. – Ты что наделал, шпрот недодавленный?!

Мартышкин подхватил сползавшего на пол оглушенного бухарика и поставил его вертикально.

– Отвечать, когда тебя господин майор спрашивает! – в манере служяки-ротмистра воскликнул стажер.

Пьяница замычал нечто невразумительное.

– Я не его спрашиваю! – возопил Чердынцев. – А тебя, чудовище!

– А что я?! – удивился Мартышкин.

Входная дверь распахнулась, и в проеме показался подполковник Николай Александрович Петренко, прибывший в родное управление с совещания у начальника ГУВД, где его опять ставили всем в пример как главу подразделения, укомплектованного самыми толковыми сотрудниками в пределах городской черты, и на карачки за невысокий процент раскрываемости заказных убийств, которых на участке Петренко сроду не совершалось.

Петренко вытер подошвы забрызганных грязью ботинок о черный синтетический коврик и окинул печальным взглядом помещение.

Чердынцев, Мартышкин, дежурный сержант в форме восхитительного серого цвета, с автоматом на плече и чуть тронутыми бледно-голубой тушью длинными девичьими ресницами, чье лицо можно было бы смело поместить в музыкальную энциклопедию в качестве иллюстрации к статье «Юность Петра Ильича Чайковского», и три «спецназовца» застыли на месте.

Только задержанный продолжал шевелиться, пытаясь оттолкнуть от себя вцепившегося аки клещ стажера.

– Что здесь происходит? – тихо поинтересовался подполковник.

– Он! – задыхающийся багровый Чердынцев ткнул пальцем в Сысоя. – Он!

– Что «он»? – Мухомор в свою очередь тоже начал наливаясь краской.

– Это всё из-за него...

– Вот это? – Петренко вскинул подбородок и показал на разбитое стекло.

– Да! – Майор зачем-то отдал честь, приложив дрожащую руку к непокрытой голове.

– К утру чтоб было, как раньше, – приказал Мухомор и шаркающей усталой походкой двинулся к лестнице.

– Но... – застонал майор.

– Никаких «но». – Петренко остановился. – Завтра проверяющий придет, к десяти.

– Где ж я такое стекло возьму? – На лице Чердынцева проступила растерянность.

– Забейте фанерой и покрасьте в прозрачный цвет, – посоветовал Мухомор и, погрузившись в невеселые мысли по поводу прошедшего совещания, стал медленно подниматься по лестнице.

* * *

– Я же предупреждал: подожди. – Ларин укоризненно смотрел на выпучившего глаза друга. – Что за манера – неизвестную технику проверять методом тыка?

Оперативники стояли посреди каморки, недоуменно разглядывая друг друга.

Если после внезапной вспышки света и наступившего вслед за тем мрака короткая прическа Дукалис почти не изменилась, ну разве что стала напоминать ёжика, то Ларин вполне мог бы пробоваться на роль Бивиса – его волосы стояли абсолютно вертикально.

– А тебе не кажется, что здесь что-то изменилось? Пол, например? – Анатолий покосился на кафельную плитку, казавшуюся теперь не голубой, а розовой. – И дверь вроде бы другого цвета была...

– Ты бы еще сильнее на кнопки жал, – огрызнулся Ларин. – Вот доберутся до тебя комитетчики, скажут, что их технику испоганил...

– Да я н-ничего. Я п-просто... Я скажу... – заикаясь, начал оправдываться Толян, вызвав дополнительный прилив недовольства напарника.

– Скажу... «Товарищ, верь: зайдет она, звезда разгула гласности. Припомнят наши имена тогда в госбезопасности», – продекламировал Андрей. – Пошли-ка отсюда поскорее, тем более что выход, кажется, все-таки отыскался. Да и убийца где-то рядом бродит.

Дукалис обиженно хмыкнул и первым шагнул за дверь.

Буквально через секунду Ларина, следовавшего за ним, едва не свалило с ног. Это Толян втолкнул в каморку какого-то тщедушного, похожего на бомжа мужичка, который, видимо, торчал снаружи у выхода. Держа незнакомца за широкие лацканы потертого клетчатого пальто, оперативник яростно тряс беднягу, требуя немедленно сообщить, куда тот дел пистолет, и назвать имя заказчика.

– Говори быстро, а не то по стенке размажу! – наседал на незнакомца Дукалис, не желая терять драгоценных секунд, покуда задержанный мало что сообщал с перепугу.

– I don't... I don't...^{*} – пытался лепетать мужичок.

– Толян, тебе кнопки мало? Оставь человека в покое... – Ларин уже оправился после неожиданного вторжения. – Блин, ну я же предупреждал!

---

^{*} Я не... (англ.)

Дукалис пару раз приложил мужичка спиной к стойке с приборами; посыпались искры, свет в каморке погас, лишь где-то под потолком мерцала под слоем пыли тусклая одинокая лампочка.

Задержанный, оставленный наконец в покое, скрючился, сидя на корточках на полу и что-то невразумительно лопоча.

Андрей сообразил, что незнакомец изъясняется по-английски, и, тщательно подбирая оставшиеся в памяти с институтских времен слова, постарался мужичка успокоить. Попутно Ларин проверил у задержанного карманы на предмет спрятанного оружия и убедился в отсутствии такового. Документов у незнакомца тоже не оказалось. Андрей знал, что перед ним не убийца, во всяком случае – не исполнитель, так как человек, скрывшийся в подворотне, и одет был иначе, и ростом был много выше.

Тем не менее старая байка о плохом и хорошем следователях, очевидно, сработала. Перепуганный бомж понемногу стал приходить в себя, речь бедняги приобрела связность. Как понял Ларин из его слов, преступник только что выскочил из каморки и убежал. Куда именно, как ни старался выяснить оперативник, задержанный не сказал.

– Ты где живешь? – по-английски поинтересовался Андрей.

– I live in London, – последовал ответ.

– Да не слушай ты его, – встрял в разговор Дукалис. – Не видишь, он просто издевается? Давай оттащим его в отдел, а там разберемся.

– Ладно, – согласился Ларин, – пошли на выход. Let's go, sir. Big deal wate us*.

Бомж суетливо закивал и поднялся с пола.

Когда вся троица оказалась за дверью, оперативники повернули в сгустившейся тьме подвала налево, но задержанный снова залопотал по-английски, показывая рукой в противоположную сторону.

– Ладно, пойдем, если здесь короче, – милостиво согласился Дукалис. – Но смотри, не вздумай удрать! Шаг в сторону рассматривается как попытка к побегу.

Дверь на улицу действительно оказалась неподалеку.

Выбравшись из затхлого помещения, оперативники буквально оцепенели: прямо перед ними, за низкими, покосившимися строени-

---

* Пойдемте, сэр. Нас ждут большие дела (*институтск. англ.*).

ями, текла широкая река, по которой, дымя трубой, шлепал лопастями колес старинный пароход.

Вдалеке, протыкая шпилем ключья дыма и сырого тумана, тянулась вверх странная башня.

– What's this? – Ларин уставился на открывшуюся панораму. – Что это такое?

– What do you mean, sir?... There's the Thames, the Big Ben... – отозвался незнакомец. – All is as usual. London, sir*...

– Ну ни фига себе пельмешка! – Дукалис третий раз за вечер помянул старый анекдот...

* * *

– Разрешите, товарищ подполковник? – Майор Соловец переступил порог кабинета начальника РУВД и почтительно остановился.

– Проходи, садись. – Петренко снял очки и положил их перед собой на рапорт группы дознавателей, в котором те просили обеспечить их безвозмездной финансовой помощью.

Посредством оной они надеялись дотянуть до следующей зарплаты.

Дознаватели сильно поиздержались, отметив в ресторанчике по соседству юбилей старейшего сотрудника отдела, к пятидесяти семи годам получившего наконец давно заслуженное звание капитана. Банкет, как водится, закончился взаимной дружеской потасовкой, прибытием нескольких немного странноватых с точки зрения национальной принадлежности нарядов ППС** и пустыми карманами наутро, когда юбиляр со товарищи очнулся. Набранным из нелегальных вьетнамских и монгольских эмигрантов патрульным были чужды хорошо известные всем россиянкам выпускникам школ МВД понятия «корпоративная солидарность» и «порядочность по отношению к коллегам».

Они и слов-то таких по-русски не знали...

Так что карманы дознавателей оказались такими же пустыми, как карманы обыкновенных граждан, попадающих в цепкие руки пэпээсников.

---

* Что вы имеете в виду?... Вон Темза, Биг Бен. Все как обычно. Лондон (англ. разг.).

** Патрульно-постовая служба.

Коллективный рапорт содержал сто девяносто три непреднамеренные, а связанные лишь с усталостью составителей грамматические ошибки в ста семидесяти словах текста и блистал отсутствием запятых, в результате чего смысл рапорта, и без того весьма далекий от понимания, был покрыт завесой тайны даже для Мухомора. Единственное, что понял подполковник, – это недовольство дознавателей с фамилиями Удодов, Чуков, Геков и Безродный действиями бармена, подсунувшего им водку с явной примесью жидкости для борьбы с насекомыми, и призыв привлечь наглого трактирщика к уголовной ответственности по статьям 295* и 357** за попытку истребления находящейся под охраной государства популяции милиционеров.

В личной беседе при подаче рапорта Безродный — парламентар от дознавателей — совершенно разошелся, потерял связь с реальным миром и даже начал угрожать Петренко тем, что, в случае неоказания срочной материальной помощи мучающимся с похмелья сотрудникам, они будут вынуждены компенсировать отсутствие средств путем переодевания в форму работников ДПС*** и выходом на соседнюю улицу с целью добычи требуемой суммы «известным способом».

Мухомор пообещал решить проблему и отправил еле державшегося на ногах дознавателя восвояси.

Как оказалось, очень вовремя. Спустя пятнадцать секунд, прошедших с момента окончания беседы в кабинете Петренко, непонятый подполковником парламентар в порыве горестного и справедливого негодования стал громко для всей очереди, собравшейся у паспортного стола, читать лекцию о том, что «пить, господа, вредно, а опохмеляться полезно». После чего сел на колени к какой-то старушке, назвав ее мамой, и сильно захрапел.

Соловец плотно прикрыл за собой дверь, отсекая доносящиеся из коридора возмущенные крики посетителей, пришедших наконец в себя после антиалкогольной лекции Безродного.

– Стажеру надо найти какое-нибудь дело, – с места в карьер начал Мухомор, параллельно обдумывая сказанное предыдущим посетителем и переживая из-за того, что не смог помочь измученным

---

* Статья 295 Уголовного кодекса России: «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование».

** Статья 357 УК России: «Геноцид».

*** Дорожно-патрульная служба Госавтоинспекции.

недостатком наличных средств дознавателям. – Иначе он нам весь отдел разгромит...

– Может, он засланный? – предположил сообразительный не по годам майор.

– Кем? – прищурился многоопытный Петренко.

– ССБ* ...

– А зачем?

– Для профилактики. – Изрядно потрепанный прошлыми проверками, но непобежденный Соловец развил показавшуюся ему интересной мысль.

– Думаешь? – Подполковник нервно побарабанил пальцами по столу.

– А почему нет, Николай Александрович? – Майор шмыгнул носом. – Новый министр... да будет славно имя его и занесено в скрижали истории, — с придыханием изрек Соловец стандартное и утвержденное на самом верху милицейского руководства славословие новому главе ведомства, которое полагалось произносить всякий раз, как в разговоре упоминалось первое лицо МВД, — говорил, что эсэсбэшники теперь будут действовать нестандартно...

– Возможно. – Петренко откинулся на спинку кресла и поднял глаза к потолку. – И у заместителя начальника Главка на мое место уже кандидатура подобрана... Племяш еврейный. Из пожарников, — объяснил подполковник. – Степанидзе его фамилия... Зовут Арон Исакович.

– Ну вот, всё складывается, — уверенно изрек Соловец, втайне недолюбливавший «лиц пархатой национальности» и тщательно скрывавший свои воззрения от окружавших его коллег-интернационалистов, которые совершенно одинаково и очень по-доброму относились и к русопятым выходцам из деревень Нечерноземья, и к ортодоксальным иудеям, и к смуглым рыночным торговцам с Кавказа, и к иссиня-черным туристам из каких-нибудь Замбии или Ганы, и к смотрящим на мир сквозь щелочки узких глаз представителям малых северных народностей.

– Тогда надо принять контрмеры, — спустя минуту проворчал Петренко.

– Какие? – спросил Соловец, предпочитая получать ценные указания от непосредственного руководства, нежели самому прояв-

---

* Служба собственной безопасности МВД.

лять вредную инициативу и вызывать в свой адрес ненужные подозрения в желании казаться умнее начальника.

– Какие, какие! – недовольно бормотнул подполковник. – Что, сам не знаешь? Поручим ему глухарька, пусть копается. Главное, чтобы наш стажер в отделе пореже появлялся...

– У нас сейчас нет глухарей. – Предусмотрительный майор в ожидании проверяющего полчаса назад уничтожил все документы по потенциально бесперспективным делам и теперь чесал в затылке.

– А ты найди...

– Как?

– Мне что, тебя учить? – начальственным козлетоном проблеял Мухомор. – Выбери заявителя понуднее и отдай его Мартышкину. И прикажи без результата не приходить.

Начальник «убойного отдела» пожал плечами.

– Тогда надо изнасилования ждать...

– Ты не жди, а иди и работай! – Петренко начал злиться. – И не зацкливайся на изнасилованиях. Их может и не произойти, если ты сам, конечно, не изнасилуешь кого-нибудь...

Благодаря особенно внимательному отношению сотрудников МВД к заявлениям об изнасилованиях, выразившемуся в намеках пострадавшим о «сугубо добровольном коитусе» и громко высказываемой «уверенности» дознавателей и оперативников в том, что жертва просто хочет «по-легкому срубить денюжат» с обвиняемого, количество обращений такого рода действительно было минимальным, что благотворно сказывалось на статистических данных, лежащих в основе отношения общества к полной опасностей и лишений работе сотрудников правоохранительной системы.

– Поручи ему любое дело. – Мухомор опять напаялил очки, демонстрируя, что разговор окончен. – Сам поработай с заявителями. И чтоб сегодня до вечера этого засланного казачка тут уже не было...

Глава 2

ДРИНК СО СВИДАНИЦЕМ

– Не, ты, Роб, погоди... – Андрей крепко схватил нового знакомого за руку, чтобы тот не успел очередной раз отхлебнуть из открытой оперативниками с горя бутылки. – Давай-ка повтори еще раз. Только медленно. А то ни я, ни мой друг тебя толком не поймем. Давай все по порядку. Understand me?

Роб, а правильнее Роберт Уильям Дьерк, с которым менты грустно сидели на берегу Темзы, понял вопрос и очередной раз, растягивая слова и помогая себе жестами, попытался объяснить ситуацию.

Оперативники не обманулись, заподозрив в нем бомжа.

Роб когда-то работал инженером на ткацкой фабрике, но стал чрезмерно попивать, затем фирма по производству льняных простыней и наволочек вообще обанкротилась, так что Дьерк лишился средств к существованию. Неделью назад домовладелец выставил его на улицу за задержку квартплаты, милостиво пообещав не обращаться в полицию, а компенсировать недоимку кое-каким имуществом, оставшимся в комнате Роба. Новоиспеченный бомж уже обдумывал, что будет легче – утопиться или же, плюнув на все, ночевать под мостом, как вдруг ему улыбнулась удача.

Она оскалилась длинными желтоватыми зубами высокого джентльмена, поймавшего Роба у набережной Темзы и предложившего работу.

Суть ее сводилась к следующему: инженер должен был постоянно находиться около помещения – «ну, того, из которого, господа, вы вышли». Строгий наказ посторонних внутрь не пускать неукоснитель-

но выполнялся, благо двери запирались надежно. В саму каморку до сегодняшнего дня Роб не заглядывал.

В этом месте рассказа он выразительно посмотрел на Дукалеса, кивнувшего головой: все, мол, андестенд, продолжай.

Сегодня днем мистер Мориарти, так представился Роберту работодатель, сказал, что ему необходимо некоторое время побыть в каморке одному. Где-то через час-полтора он выскочил оттуда и как ошпаренный понесся прочь, успев крикнуть напоследок: «Запирай!» Ну а потом (англичанин еще раз выразительно взглянул на Дукалеса) появились гости, с которыми он сейчас и выпивает.

– Друзей, родственников у тебя, разумеется, нет? – осведомился оперативник. – И трудовой контракт с тобой, естественно, тоже не заключали, обещали заплатить завтра? И вопрос с вещами уладить завтра? А потом – и с квартирой?

– Да-а, а откуда вам это известно? – недоуменно захлопал ресницами Роб.

Дукалис только зло сплюнул и указал на бутылку:

– Пей лучше...

Дьерк сделал паузу и приложился к «Синопской», пока его снова не остановили.

– Все, Толян, влипли! – подвел итог Ларин. – Теперь нам точно деваться некуда: это какой-то комитетский канал. Если не МИ-6 или, хуже того, МИ-5*. Не знаю, как это у них получается, но что-то я на эту тему читал! Теле... Теле... В общем, перемещение в пространстве.

– Телепортация? – подсказал Дукалис. – Ты че, Андрюха, такого не бывает. Это ж белая горячка натуральная. Ребятам скажешь – в «дурку» отправят.

– Отправят – не отправят, но одинаковых галлюцинаций у двух людей не бывает, – возразил Ларин, – мне об этом Вася Рогов рассказывал, после того как его с «Пряжки» выпустили**. Давай-ка лучше думать, как отсюда выбираться.

– А фигли тут думать? – возразил Анатолий, отобрав у англичанина бутылку и сделав здоровенный глоток. – Надо по-тихому обратно и на кнопку эту, где «выход», понажимать.

---

* МИ-6 – Служба внешней разведки Великобритании; МИ-5 – Служба контрразведки.

** «Пряжка» – психиатрическая больница в Петербурге; о приключениях там Рогова подробно рассказывается в телесериале «Убойная сила» (сценарий Андрея Кивинова).

Но тут же потупился под хмурым взглядом товарища, вспомнив, что кнопку они уже нажимать пробовали, и без толку. После того как Дукалис впечатал Дьерка в приборы, там, видно, что-то сломалось и в результате путь домой был отрезан.

— Представляю, что сейчас в «конторе» творится, — вздохнул Ларин. — Вместо свежей водяры свежая мокруха. А тут нас ловят посреди Лондона как русских шпионов.

— О, да-да, рашен, — оживился Роб, — мне очень нравится ваш царь Александр. Россия и Великобритания в преддверии нового тысячелетия должны дружить!..

— Наш — не Александр, а Владимир, — язвительно возразил Дукалис. — Просто Во-ва. И отчество тоже такое же. И не царь он. Андрюха, как по-английски будет «президент»?

— Так и будет. — Ларин внезапно насторожился и, старательно вспоминая забытые иностранные слова, обратился к Дьерку: — А скажи-ка, Роб, ты давно... «Бухаешь» — как это по-вашему, «дринкинг», что ли?..

— Нет-нет, — запротестовал бомж, — я теперь сильно не пью. Но неужели я выгляжу, будто пил несколько дней?

— Да не несколько дней, мой друг, а годик как минимум, — возразил Ларин. — Миллениум-то, по-моему, уже давно весь мир отпраздновал. Или у вас в Англии свой календарь?

— Почему свой? — обиделся Роб. — У нас, как во всем цивилизованном мире, счет времени ведется от Рождества Христова. Не думайте, у меня с памятью все в порядке. Сегодня двадцатое октября тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года... Да, а что такое «миллениум»?

— Какого-какого года? — Ларин уставился на бомжа. — Repeat please. But don't quickly.

— Одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого, — подозрительно глядя на собеседников, повторил Дьерк. — А вам, господа, что-то кажется в этом странным?

Андрею удалось незаметно наступить на ногу Дукалису на миг раньше, чем тот начал высказывать свое мнение по поводу состояния мозгов некоторых присутствующих здесь алкашей.

— Нет-нет, Роб, все в порядке. Все о'кей... А у тебя, случайно, не найдется хотя бы корки хлеба на закуску?

Когда Дьерк удалился в ветхое бревенчатое строение за едой, друзья воспользовались моментом, чтобы еще раз разобраться в ситуации, которая представлялась им все более нереальной. В конце концов они решили допить «Синопскую» и попытаться осторожно

вытянуть из нового знакомого еще какие-нибудь сведения, которые могли бы оказаться полезными. В любом случае было решено не выяснять, где находится Скотленд-Ярд: встреча с местными стражами порядка, как справедливо рассудили друзья, не предвещала ничего хорошего. В лучшем случае можно было рассчитывать на пару ударов по почкам и последующую ночевку в «гадюшнике»^{*} – так сказать, до полного вытрезвления.

– Толян, представляешь, что будет, если мы туда сунемся? – поинтересовался Ларин. – Находим местную ментовку, вваливаемся к дежурному: «О, здравствуйте, мы есть два рашен мента... Тудэй мы мало-мало дринк ин Раша. Теперь, нау, по-вашему, не знаем, как добраться домой». Держу пари, что ты на их месте ответил бы что-нибудь вроде: «Йес, конечно, вы есть совсем похожи на иностранных бобби или даже на марсиан. Сейчас марсоход подъедет и вас будет увозить... Ой, простите, у вас оружие, рашен водка... Криминал... Это есть подрывная джоб против нашей Грейт Британ энд Краснознаменной полиис!.. Энди, позвони, пожалуйста, господину Джи Бонду. Да-да, его намбер зироу-зироу-севн». У них же тоже ментовский синдром наверняка есть. Найдется шибко бдительный, и – очередные две палки срублены^{**} ... Нет уж, давай-ка лучше сначала послушаем этого Роба.

Дукалис обреченно махнул рукой.

Через некоторое время на набережной снова появился Дьерк, который притащил пару луковиц и ссохшийся от старости сандвич, завернутый в обрывок газеты. Пока англичанин раскладывал закуску, Ларин молча показал товарищу на газету: мол, смотри, но не падай. Под сохранившейся частью заголовка красовалась дата: «1888, October».

* * *

«Глухарек» для Мартышкина прилетел даже раньше, чем Соловец успел дойти до собственного кабинета.

Когда майор спустился по лестнице на свой этаж, то сразу узрел валяжно рассеявшееся на трехместной скамейке начинающее заплывать жирком тело в длинном кашемировом пальто лилового цвета, занявшее мощным крупом два с половиной сиденья и перегородившее

---

^{*} Гадюшник, аквариум, обезьянник, клетка и т. д. – место содержания временно задержанных в территориальных подразделениях милиции (*сленг*).

^{**} Срубить палку (*проф. сленг*) – здесь: отметить в отчете успешно проведенное мероприятие, раскрытие преступления, задержание.

вытянутыми ногами больше половины ширины коридора. Тело с неподдельным интересом оглядывало окружающий интерьер маленькими выпученными глазками и имело столь задумчивое выражение лица, что Соловец поначалу принял его за своего коллегу из следственного отдела района.

– Э-э-э, – промычало тело, когда майор начал ковырять ключом в замочной скважине, пытаясь отпереть хлипкую дверь кабинета.

– Вы ко мне? – спросил Соловец.

– Да. – Посетитель встал, и майора обдало густым ароматом туалетной воды «Caesar»*, коей незнакомец явно пользовался сверх всякой меры.

– По какому вопросу?

– Мне этот... – посетитель щелкнул пальцами. – Ну, ваш, снизу, сказал, что сюда... Чердачков.

– Чердынцев, – автоматически поправил Соловец. – Проходите.

Незнакомец вплыл в кабинет и уселся на скрипучий стул напротив майорского стола.

– Так что у вас? – Хозяин кабинета расположился в многократно проуженном окурками кресле.

– Я – генеральный директор издательства «Фагот», – значительно молвил посетитель и небрежно кинул на покрывавший стол плексиглас прямоугольник визитной карточки, сплошь усеянный золотыми вензелями, словно этикетка молдавского десертного вина. – Грубецкой...

– И что? – Соловец покрутил в пальцах визитку, отметив, что визитера зовут Василий Акакиевич.

– Человек пропал...

– Что за человек?

– Автор.

– Автор чего?

– Не чего, а чей, – генеральный директор издательства недовольно выпятил нижнюю губу. – Мой автор...

– Тогда вам надо в отдел, занимающийся... – Майор внимательно посмотрел на собеседника. – Нет, отставить. Мы вам дадим молодого, но опытного сотрудника, – Соловец снял телефонную трубку. – Дежурка? Слушай, Чердынцев, Мартышкин еще у тебя?.. И что делает?.. Какую фанеру?.. Ага... Давай его сюда, тут заявитель по его профилю...

---

* Цезарь (англ.).

Грубецкой слегка скривился, услышав фамилию Мартышкин, но из природной воспитанности комментировать не стал.

– Сейчас будет, – сообщил майор, лучезарно улыбаясь директору издательства. – Так когда пропал ваш автор?

– Вот, – Грубецкой покопался в кожаной папке с тисненым золотом вензелем «Fagot» и извлек на свет божий парочку рекламных плакатов, – посмотрите...

– Интересно, – Соловец разгладил глянцевые листы, сообщавшие о том, что некие «авторы бестселлеров» Чушков и Беркасов под общим псевдонимом Б. К. Лысый написали «новый блокбастер» про какого-то «Народного Целителя» и сие произведение издано в серии «Закон жулья». – Это Чушков пропал? Или Беркасов?

– Никуда они не пропадали, – горестно пробубнил издатель. – Пропал другой...

– А зачем вы мне это показываете? – не понял начальник убойного отдела.

– Чтобы вы были в курсе, если на меня будет совершенно покушение, – скрипуче заявил Грубецкой и оглянулся, словно ожидал увидеть у себя за спиной подслушивавшего разговор киллера.

– Кто-то собирается? – Майор взял ручку.

– Один из этих двоих, – страшным шепотом поведал издатель.

– И кто же? – Соловец тоже понизил голос – Скажите, Василий Акакиевич...

– Пока не знаю...

– Но узнаете?

– Обязательно.

– Ну вот тогда и приходите, – облегченно вздохнул страж порядка.

– Я решил сообщить заранее. – Грубецкой ослабил узел аляповатого турецкого галстука в зеленый горошек на розовом поле, приобретенного им у нечистого на руку продавца-албанца возле бутика «Версаче» на площади Святого Петра в Риме. – Проинформировать, так сказать.

– И это правильно, – согласился Соловец. – Тогда, когда вас все-таки убьют, мы будем знать, кого арестовывать.

Генеральный директор издательства «Фагот» обиженно засопел, но поставить на место невежливого майора не успел, ибо за его спиной распахнулась дверь и в кабинет ворвался стажер Мартышкин – штаны измяты, в руке лопата.

– А-а! Вот и наш сотрудник! – непритворно обрадовался Соловец, мечтающий побыстрее выпроводить посетителя. – Познакомьтесь! Младший лейтенант Мартышкин. Сысой... как тебя по батюшке?

– Бедросович, – гордо отвечивал запыхавшийся стажер.

– Человек пропал. Видимо, взят в заложники, – с места в карьер начал майор и добавил заговорщицким тоном. – А вот этот господин...

Но договорить Соловец не успел.

– Колись, сволочь! – Тщедушный младший лейтенант издал крик раненного в ягодицу молодого носорога, отшвырнул в сторону лопату и мертвой хваткой вцепился издателю в глотку. – Колись, а то хуже будет!

Генеральный директор тоненько взвизгнул, когда колено стажера надавило ему на низ живота, и засучил ногами.

Ошалевший Соловец не сразу, но все-таки вышел из ступора и с трудом отодрал разошедшегося стажера от начавшего уже синеть Грубецкого.

– Ты обалдел?! Это же не преступник! Это – заявитель! Василий... как его... Акакиевич! Василий Акакиевич! Вы живы?!

Издатель с трудом поднялся, вновь уселся на стул и покрутил головой.

– Воды?! – Майор поднес к дрожащим губам Грубецкого граненый стакан с мутной водой, на краю которого виднелись отпечатки губной помады. – Василий Акакиевич, не молчите!

– Я... – прохрипел белый как мел генеральный директор. – Я... Да я на вас... Да я в Европейский суд по правам человека... Да я министру...

– Это ошибка! – вскричал Соловец и схватил валявшуюся в углу дубинку. – Не держите на нас зла! Сейчас я все исправлю! – Он двинулся на барахтавшегося среди перевернутых стульев Мартышкина и замахнулся. – Смотрите!

Первый удар «демократизатора» пришелся Сысою по спине.

Стажер охнул и повернулся лицом к напавшему с тыла противнику.

– Видите?! – орал Соловец, молодецки размахивая дубинкой и демонстративно обрабатывая вяло отбрыкивающегося стажера. – Видите?! Сейчас я ему устрою! А теперь – по харе, по харе!..

Полуоглушенный Сысой забрался под стол, а Грубецкой в ужасе закрыл глаза.

Потный и тяжело дышащий Соловец оперся рукой о столешницу и положил дубинку рядом с плакатами, извещающими о новом «блок-бастере» издательства «Фагот».

– Ну вот, – майор одним махом опрокинул в себя стакан с водой, – думаю, инцидент исчерпан... Давайте вернемся к вопросу о пропавшем авторе... Василий Акакиевич, так как его зовут?

* * *

– Такого, Андрюха, просто не может быть, – очередной раз пытался убедить товарища Дукалис. – Понимаю еще, если бы чекисты телепортацию изобрели и втихаря сношались... я, естественно, имею в виду внешние сношения, ну, международные, а не те, о которых постоянно треплется Казанова... Но машина времени – это уж слишком!

– Слишком – не слишком, а выбираться отсюда все равно надо. Это – во-первых... Во-вторых, в любом случае соваться к официальным властям нельзя – в клетку забьют стопроцентно, – начал рассуждать Ларин. – Конечно, поймай мы этого Мориарти, можно было бы и к местным бобби сунуться. Победителей, как говорится, не судят. Но где мы его тут разыщем? А нам он нужен как воздух – этот урод явно должен знать, как починить машину, чтобы обратно попасть...

– Точно, Андрюха, – подхватил Дукалис, – я знаю, что делать. Надо найти частного сыскаря, ну вроде местного Шерлока Холмса, с ним договориться проще. А заодно бомжа прихватить, может, сыскарь с ним общий язык легче найдет, чем мы... Я и так понимаю его через два слова на третье...

– О, мистер Холмс! – услышав знакомое слово, встрял в разговор Роб. – Это замечательный господин. Вы его друзья?

– Друзья, – быстро подтвердил Ларин. – Если он – сыщик. Давай-ка проводи нас к нему.

– Мне нельзя отсюда уходить, – попытался было возразить Дьерк, но, увидев выразительный взгляд Дукалиса, начал суетливо подниматься. – Конечно, это не очень далеко...

Прогулка по городу была удивительной: скудное освещение, полное отсутствие машин и светящихся реклам, две-три подозрительные личности в мятых котелках, торопливо прошмыгнувшие через дорогу подальше от путешественников...

Впрочем, проводник и не старался показать гостям все прелести города или помочь завести приятные знакомства. Более того, пару раз

он менял направление движения, мотивируя это тем, что можно натолкнуться на полицейских. Минут сорок проблуждав по узким и темным закоулкам, троица добралась до более-менее широкой и прямой улицы.

– Бейкер-стрит, – прокомментировал Роб. – Следующий дом как раз тот, который вам нужен.

– Слушай, Андрюха, – снова засомневался Дукалис, – тебе не кажется, что все это сильно смахивает на белую горячку? «Уехала навсегда. Твоя крыша». Лондон, девятнадцатый век, Холмс!.. Помнится, я где-то читал, что никакого Холмса в природе не существовало...

– Вот сейчас это и выясним. – Ларин решительно дернул за шнурок, болтавшийся у входной двери дома с номером 221-Б.

Где-то в глубине раздалось звяканье, затем послышались шаркающие шаги и надтреснутый старушечий голос произнес из-за приоткрывшейся двери:

– Что вам угодно, господа?

– We need mister Holmes, там *. – Андрей старался быть максимально вежливым.

Дверь открылась чуть шире, и в щель просунулось востроносое личико под белым чепцом с выбивающимися из-под него желтоватыми седыми кудряшками.

– Боюсь, джентльмены, что мистер Холмс отдыхает, – вздохнула старушка. – Вероятно, он будет рад вас увидеть завтра утром.

Старушка попыталась было закрыть дверь, но Ларин успел поставить в щель ногу, обутую в нечищенный ботинок.

– Полиция, миссис... извините, запомнил ваше имя... о, миссис Хадсон! Да, виноват, но у нас правда срочное дело к мистеру Холмсу...

Дукалис утвердительно закивал головой.

Слово «полиция» возымело действие, и путешественники были удостоены чести войти в помещение. Воспользовавшись потерей бдительности гостей, Роберт Дьерк сначала осторожно отступил на пару шагов назад, затем попросту задал стрекача. Дукалис хотел было рвануть следом, но был остановлен товарищем.

– Сейчас мы его все равно не поймаем, а дело он свое уже сделал, – резонно заметил Ларин.

Откуда-то сверху, из глубины дома, доносилась довольно странная мелодия. Казалось, кто-то водит металлической пилой по

---

* Нам нужен мистер Холмс, мэ (англ.).

стеклу. Андрей, которого мама в детстве безуспешно пыталась обучить музыке, непроизвольно поморщился, словно у него разболелись зубы.

– Я же предупреждала вас, господа, что мистера Холмса лучше было беспокоить завтра...

Но друзья уже устремились наверх.

* * *

– Итак, как же его зовут? – участливо поинтересовался Соловец, наливая частично пришедшему в себя Грубецкому чаю.

В кабинете ничто не напоминало о случившемся четверть часа назад конфузе. Разве что у заявителя был помятый и испуганный вид, да чинно восседавший возле стены Мартышкин зажимал нос большим колом гигроскопической ваты.

Тихо бормотал радиоприемник «Vitec», позаимствованный из хранилища арестованного имущества, над вскипевшим чайником поднимался парок, все бумаги на столе были аккуратно сложены, опрокинутые стулья расставлены в обычном порядке, дубинка отправлена в угол, пальто генерального директора издательства «Фагот» вычищено и повешено на заменяющий вешалку гвоздь, кожаная папочка с золотым вензелем положена на тумбочку рядом с засохшим фикусом в треснувшем горшке.

– Мне бы еще вспомнить! – фыркнул издатель, опасливо скосив глаза на Мартышкина. – Особенно после всего произошедшего...

– Это немного осложняет процесс поисков. – Вернувшийся в свое кресло майор горестно покачал маленькой и сплюснутой с боков головой. – А узнать как-то можно?

– Позвоните моему секретарю, – промямлил Грубецкой. – Она должна знать.

– А эти, – Соловец придвинул к себе рекламные плакаты, – Чушков и... Беркасов... не имеют ли они отношения к исчезновению вашего уважаемого автора?

– Это, я думаю, вы должны выяснять... – осторожно намекнул Василий Акакиевич.

– Если они авторы боевиков или детективов, – встрял очухавшийся Мартышкин, – то у них может быть опыт.

– Да-да-да, – согласился начальник «убойного» отдела. – Они детективы пишут?

– Я-то откуда знаю? – Лицо Грубецкого приобрело напряженное и слегка грустное выражение. – Я книги издаю, мне читать некогда.

– Совершенно с вами согласен, Василий Акакиевич, – поспешноотреагировал Соловец. – Если всё читать, никакой жизни не хватит... А эти? – Майор осторожно ткнул пальцем в плакаты, извещающие о выходе книг про приключения «Народного Целителя». – Может быть, вы краем уха слышали о том, что в них написано?

– Мне докладывали, – надулся генеральный директор.

– И о чем они? – через минуту молчания осведомился Соловец.

Грубецкой наморщил лоб и попытался вспомнить, что же ему докладывали. Но не смог.

Будучи последним бастионом издательства на пути рвущихся в высокую литературу графоманов, генеральный директор выслушивал по два десятка докладов в день и просто физически не мог помнить их все.

– Это... В общем, про воров в законе, – наконец нашелся издатель, с трудом одолевающий перед сном рассказик на полстранички в любимых им эротических журналах, заменивших перегруженному работой Василию Акакиевичу личную жизнь. – Сильная вещь...

– Вот! – опять встрял младший лейтенант. – Чушков и Беркасов сговорились со знакомыми ворами и похитили автора. Чтобы самим писать продолжение этих бестселлеров... И зарабатывать миллионы. Или даже десятки миллионов... Или сотни... Или миллиарды...

Грубецкой напустил на себя горестный вид и мелко затряс головой, изображая полное согласие со словами стажера.

– Да! Вероятно, так всё и произошло... Беркасову, например, я никогда не доверял. Он, знаете ли, скользкий такой типчик. Да и Чушков не лучше...

– Ну, Василий Акакиевич, тогда можно считать, что дело почти раскрыто, – заявил Соловец. – Осталось путем наружного наблюдения за этими двумя субъектами выяснить, где они держат заложника...

Дотоле тихо бубнивший приемник произвольно увеличил громкость, и бодрый голос диктора популярнейшей радиостанции «Азия-минус» радостно произнес:

– А вы поменяете пять пачек обычного порошка на один грамм необычного?

Вопрос застал Грубецкого врасплох, и он глубоко задумался.

Из состояния прострации генерального директора вывел хозяин кабинета, предложивший не откладывая приступить к осуществлению операции «Слежка», для чего Мартышкину вместе с издателем следовало отправиться к последнему в офис, взять у секретаря адреса Чушкова и Беркасова и начать их «выпасать».

– Да-да, – промолвил Грубецкой и выразительно посмотрел на стажера. – Пусть приступает...

Дверь в кабинет резко открылась, и на пороге возник капитан Казанцев.

Лицо Казановы было напряжено:

– Георгич, у нас труп...

* * *

– Чем могу быть полезен, джентльмены? – бережно откладывая скрипку, осведомился у гостей высокий худошавый мужчина в шелковом халате. – Вам известно, что мои гонорары достаточно высоки, да и заказов я сейчас не беру?

– Но вы же сыщик? – успел спросить Ларин, прежде чем из соседней комнаты послышалось какое-то утробное рычание. – А мы из полиции.

– При чем здесь полиция? – переспросил хозяин. – У меня все в порядке, а там, – он махнул рукой на закрытую дверь, из-за которой снова послышалось рычание, – там отдыхает мой друг и коллега, доктор Джон Уотсон. Правда, он мучается похмельем и немного мешает мне играть... А вы ведь не из Скотленд-Ярда. Хотя физиономии у вас точно полицейские...

Друзья попытались объяснить, что им необходимо срочно разыскать некоего господина, имеющего имя или кличку Мориарти. Но сыщик лишь замахал руками, заявив, что даже и не подумает браться за такое дело.

– Во-первых, джентльмены, это будет очень дорого стоить, а денег, как я понимаю, у вас мало. Во-вторых, вы, кажется, не представляете, в какую авантюру пытаетесь меня втянуть. Люди вы приезжие, так что можете не знать наших реалий, а лондонцам они, к сожалению, хорошо известны. Впрочем, послушайте...

По словам Холмса выходило, что столицу крепко держит в руках некая девонширская преступная группировка, получившая свое название потому, что ее основатели родились не далее чем в паре сотен миль от этого города. Лидером же девонширских братков считается именно господин Мориарти. Шайка славится своей жестокостью и

полным пренебрежением ко всем правилам, включая законы преступного мира. Так, некоторое время назад девонширцы решили взять под контроль один из «блошинных» рынков, который прежде опекали «шотландские». Как это принято среди злоумышленников, сначала решили собраться на ленч за городом и там обсудить проблему. Но «девонширские» приехали не в трех кэбах, как это водится в таких случаях, а в десяти. Кроме того, вопреки традициям, они оказались вооружены.

Когда же «шотландские» попытались объяснить, что рыночная торговля – их бизнес, шайка Мориарти просто перестреляла всех конкурентов, получив за это прозвище «фризеры»...

– Я бы перевел это как отморозки, – более образованный Ларин подсказал значение слова задумчивому Дукалису.

– Точно, отморозки, Андрюха. – Дукалис нахмурился. – Быкуют не по понятиям. Мочат друг друга без разбора...

– Поэтому, господа, помочь вам ничем не смогу. – Холмс поднялся, демонстрируя, что разговор окончен. – Желаю удачи.

В этот момент внизу послышался настойчивый звонок, зашаркали шаги миссис Хадсон.

– Иду-иду! Перестаньте же трезвонить на весь дом!

Затем раздались грохот, будто в дверь со всей силы пнули ногой, испуганный писк старушки, топот сапог по лестнице, и вот уже в комнату ворвался посетитель, внешним видом напоминающий разъяренного орангутанга.

– Кто здесь Холмс?! – прямо с порога заорал он и, угадав в сыщике искомого субъекта, ткнул в его сторону толстым волосатым пальцем, более напоминающим баварскую сардельку. – Ты!.. Если ты будешь совать свой длинный нос в мои дела... я... я тебе отверну голову!..

– Простите, сэр, – ответил Холмс, на всякий случай отступая за кресло с высокой спинкой, – мы, кажется, незнакомы... С кем имею честь?..

– Ни хрена ты не имеешь, придурок! – взревел гость. – А я тебя иметь буду, чтобы ты не переходил дорогу дядюшке Ройлотту!.. Ты, педофил недоделанный! Попробуй-ка еще раз пристань к моей племяннице! Я тебя тогда... – Страшно вращая глазами, Ройлотт подскочил к камину и, схватив оттуда кочергу, начал связывать ее в узел. – Я тебя тогда, полицай паршивый, точно так же узлом завяжу.

Холмс испуганно начал опускаться за кресло.

Слово «полицай», а точнее «бобби», понял даже туго соображающий по-английски Дукалис. Переводить же эпитеты он не счел нужным: интонация и действия непрошеного гостя говорили сами за себя.

– Эй, камрад, – оперативник шагнул к Ройлотту, – положи-ка железку, пока из тебя «ласточку»^{*} не сделали...

Громила из всего сказанного Дукалисом, кроме фамильярного «камрад», ничего не понял, но, почувствовав угрозу, грузно повернулся всей тушей к оперативнику.

– Это что еще за придурок?! – рыкнул Ройлотт, замахиваясь кочергой на Дукалиса.

Наверное, в Великобритании в конце прошлого века лишь избранные имели хотя бы отдаленное представление о термине «рессора от "тойоты"». Во всяком случае, когда дебошир очнулся лежащим на полу, он мог лишь тупо косить глазами по сторонам, вопрошая: «What's the matter with me?»^{**}

Ларин, перед тем душевно разбив стул о голову хулигана, лишь сокрушенно разводил руками и пытался объяснить сыщику, что действовал исключительно в пределах необходимой обороны, а не имел намерения причинить вред имуществу мистера Холмса. Что же касается Дукалиса, то он лишь удовлетворенно хмыкал, любуясь кочергой, которой были аккуратно связаны руки Ройлотта.

– Что это, Андрюха, за криминальная столица такая? – не переставал удивляться Дукалис. – «Шотландские», «девонширские», теперь вот этот обнаглевший вконец бычара...

– Yes, they're, – поддакнул Холмс, услышав в чужом языке знакомые слова. – Я же говорил, что преступники совсем обнаглели. Впрочем, джентльмены, вы мне нравитесь, и я, будь что будет, наверное, помогу вам. Не затруднит ли вас вывести мистера Ройлотта на улицу... я потом объясню суть его наглых претензий... и немного выпить за знакомство?

– Да-да, выпить – это хорошо! – послышался новый голос, и друзья увидели, как из соседней комнаты высунулась всклокоченная голова с отпечатком тростниковой циновки на щеке.

– А, вот и наш Уотсон проснулся! – прокомментировал это явление Холмс.

---

^{*} «Ласточка» – специфический и весьма неодобряемый прокуратурой способ связывания задержанных, при котором заведенные за спину руки за запястья соединяются с лодыжками.

^{**} Что со мной? (англ.).

– Джентльмены, – продолжал доктор, занимая место у стола и пододвигая к себе стакан, – мне только что пришла в голову гениальная идея: я обязательно опишу победу мистера Холмса над негодяем Ройлоттом... Рассказ будет называться... ну, скажем, «Пестрая лента». – Он замолк, нашел на столе забытую кем-то из посетительниц цветастую подвязку от чулка и забросил ее в дальний угол.

– О боже! – вскричал великий сыщик. – Умоляю вас, Уотсон, бросьте вы свои графоманские замашки, а то опять все перепутаете, как обычно!

Но доктор в ответ справедливо возразил, что в «паблик рилейшенз» важны не действия, а конечный результат.

– Победителей не судят, – цинично заметил он, – главное, что пипл^{*} хахает. Посмотрите, я из вас чуть ли не национального героя сделал, а вы опять за свое... Да будь у того же Лестрейда пресс-секретарь, хоть чуть-чуть напоминающий меня, – инспектор давно бы в палате пэров заседал или, на худой конец, возглавил бы Министерство внутренних дел...

– Да будь у Лестрейда такой пресс-секретарь, – парировал Холмс, – бедняга уже давно бы спился или отправился в психиатрическую клинику...

---

* От англ. «people» – народ.

Глава 3

МЕТОД ДЕДУКЦИИ

Вообще-то история с Ройлоттом оказалась достаточно банальной: к сыщику наведни обратилась Ройлоттова племянница, сообщившая о своих сомнениях по поводу смерти сестры. Холмс обещал разобраться с этой историей и потому не хотел впутывать полицию.

– Надо только не забыть рассказать Уотсону все подробности сегодняшнего визита, – спохватился великий сыщик, когда его летописец отлучился из комнаты, чтобы умыться и причесаться. – Доктор верно заметил, что делает мне рекламу и отвечает за паблик рилейшенз. Так сказать, на условиях бартера. Врет, конечно, но врет красиво. Рекомендую поговорить с ним – заслушаетесь. Впрочем, – поправился Холмс, – про меня он пишет все точно. Только свои подвиги приукрашивает. Но все писатели такие. А пипл наш любит экшн. Бестселлер без мордобоя, крови и трупов ни за что не купят. Так что о Ройлотте я непременно Уотсону расскажу.

Друзья были вполне довольны тем, что Холмс решил не впутывать полицию в историю с дебоширом.

– Я сам выведу этого негодяя на чистую воду, – заявил великий сыщик, – у меня есть один испытанный метод. Он не раз помогал мне успешно раскрывать самые запутанные преступления. Не знаю, как у вас, в Америке... Тсс!.. Я никому не проговорюсь, что догадался, откуда вы, джентльмены! А в Лондоне полиция постоянно пользуется услугами частных детективов... Ну-ка, попробуйте быстро определить, кем работает во-он тот господин...

И Холмс, ткнув пальцем в окно, указал на человека с огромными бакенбардами.

Штаны этого обитателя туманного Альбиона были украшены широкими золотыми лампасами, китель поблескивал начищенными

металлическими пуговицами. А на согнутой руке прохожего висел длинный коричневый плащ.

– Вы, конечно, думаете, что это какой-нибудь генерал, – продолжал развивать свою мысль великий сыщик, горделиво поглядывая на гостей. – Ничего подобного! Вы ошиблись. Это – обычный швейцар: генералы не носят в руках гражданской одежды – это удел их денщиков. Кроме того, военные предпочитают украшать свои мужественные лица усами, а не бакенбардами... Ну, господа, каково? Думаю, добавить к сказанному вам нечего...

– Почему же? – обиделся Дукалис – Болтать – не мешки ворочать... Рот закрыл – рабочее место убрано. Могу и дополнить. Этот человек, думаю, вор. А форму натянул для маскировки.

– С чего вы это взяли, мистер Дюк? – поинтересовался сыщик. – Приведите хотя бы один аргумент.

– А посмотрите, висит ли внизу ваше пальто, Шерлок? – отозвался Дукалис. – Думаю, что именно его и уносит сейчас этот господин...

Холмс выглянул в окно, потом резво сбежал в прихожую, и тут же снизу раздался его возмущенный крик, который в более-менее приемлемом переводе на русский язык звучал бы как: «Убью падлу!» После этого хлопнула наружная дверь, и наши герои увидели долговязую фигуру великого сыщика, с проклятиями несущегося вдоль улицы за удаляющимся «швейцаром».

– Слушай, Толян, – удивился Ларин, – я что-то не до конца понял твою мысль. Ну, про вора еще куда ни шло: где это видано, чтобы швейцары в ливрее в двенадцатом часу ночи шлялись по улицам? Они же у себя в кабаках переодеваются. Да и местные рестораны в такое время, как утверждает доктор Уотсон, еще открыты. И вообще, порядочный мент должен знать: честные люди в такую пору шмотки по улицам не таскают. Сколько «палок» мы срубили с помощью наших бдительных пэпээсников*?..

Дукалис утвердительно кивнул.

– А вот каким образом ты сообразил, что пальтишко принадлежит Холмсу? Что-то я не въезжаю.

– Ничего я не соображал, – буркнул Анатолий. – Я просто так, прикололся, чтобы он не умничал. А такое же пальто, кажется, и

---

* Речь идет об обыкновенных милиционерах (*проф. сленг*). ППС – патрульно-постовая служба.

правда у входа висело. Наверное, Уотсон, когда за выпивкой бегал, дверь запереть забыл...

– Ну ты даешь! – только и смог вымолвить Андрей. – Голова!..

Минут через пятнадцать Холмс вернулся со слегка разбитым, но весьма довольным лицом.

– Видели бы вы, как я ему врезал! – хвалился он, тряся перед гостями спасенным пальто. – Хук слева, затем апперкот, а он мне, дескать, я генера-а-ал! Ну и получил от меня в ответ свинг правой! Блестяще!..

– А ваше лицо? – попытался выразить сочувствие Ларин.

– Пустяки! – отмахнулся великий сыщик. – Это он не захотел свой мундир отдавать в качестве компенсации за причиненный мне моральный ущерб. Но я ему все-таки задал трепку!..

Продолжая описывать подробности своего подвига, Холмс вновь спустился в прихожую, чтобы повесить пальто на место.

– Что за черт? – услышали друзья его голос.

Ларин осторожно высунул голову за резные перила лестницы, затем вопросительно взглянул на Дукалиса:

– Знаешь, Толя, боюсь, тебе придется придумать какое-нибудь другое обоснование на тему: «Почему я решил, что пальто принадлежит Холмсу». – И в ответ на недоуменный взгляд товарища добавил: – Видишь ли, теперь там, внизу, не одно пальто, а *два*...

Еще через полчаса под окнами квартиры Холмса послышались какие-то крики и грохот.

– Эй ты, подлый трус, выходи! – доносилось до ушей наших оперативников довольно стройное скандирование.

– Мистер Холмс, мистер Холмс, – раздался снизу надтреснутый голосок миссис Хадсон, – к вам тут пришли...

– Сам вижу, что пришли, – огрызнулся сыщик, выглядывая в окно, под которым бушевал как минимум взвод решительно настроенных солдат.

Чуть позади этой команды, закрывая подбитый глаз белым платком, маячила фигура господина с большими бакенбардами. Господин был одет в рваную белую рубашку и форменные штаны, на которых посверкивали широкие лампасы.

Тем временем с обеих сторон улицы к дому стройными рядами подбежали еще несколько десятков военных. Они начали криками поддерживать своих товарищей, но в остальном вели себя мирно, во всяком случае двери высаживать пока не пытались. Возможно, поджидали, когда подтянутся главные силы.

подвиге. Но сейчас следует немедленно отвести войска на исходный рубеж, иначе сорвется секретная операция по разоблачению вражеского диверсанта. Мы контролируем ситуацию...

О'Хара, слушая Ларина, начал было сомневаться, заявив, что ничего не слышал о спецназе и не видел в королевских войсках формы, подобной той, в которую одет коллега.

— Конечно, — охотно подтвердил Андрей, — ведь это очень секретные войска. А форма специально придумана так, чтобы издали не бросалась в глаза, но надежно защищала от рыцарей «плаща и кинжала». — Он подергал за лацкан пиджак и постучал согнутым пальцем по подносу, демонстрируя надежность брони.

— А ваш акцент... — продолжал сомневаться О'Хара. — Вы откуда?

— Да, вы правы, в Ирландии такой не часто услышишь, — выкрутился Ларин. — К сожалению, работа на благо английской короны в различных точках земного шара оставляет свой отпечаток. Впрочем — тсс! — об этом ни слова. Попросите-ка лучше командировать вас куда-нибудь. Например, в Россию. Для общего развития... А пока подождите. Если негодяй, которого мы собираемся задержать, уже уснул, я попытаюсь вынести вам пальто и мундир генерала. А то потом — всякие протоколы, опознания, бумаги... В общем, набегается старик по канцеляриям... А про вас я не забуду — нам нужны настоящие офицеры.

— У вас, конечно, есть соответствующие документы? — осведомился капитан.

Ларин вытащил из нагрудного кармана пиджака лотерейный билет с изображением сигаретной пачки. О'Хара успел прочитать грозное имя герцога Мальборо, прежде чем «кэптэн Ларин» сунул билет обратно в карман, явно передумав удовлетворять праздное любопытство ирландца.

— Простите, сэр, — оперативник брезгливо поджал губы, — я всегда полагал, что в Великобритании джентльменам верят на слово... Если бы не ваше благородное поведение, то я бы вынужден был бросить вам перчатку...

— Нет-нет, — запротестовал О'Хара, — вы не так меня поняли. Я-то, конечно, знаю, что сэр Мальборо и помогающие ему джентльмены решают важные государственные проблемы... Я только поинтересовался, нельзя ли показать какую-нибудь бумагу моим солдатам?..

– Увы, нельзя, – Андрей сменил гнев на милость. – Ит'с топ сикрет. А ю андестендид ми*?.. Идите, друг мой, вас ждут великие дела.

И покровительственно похлопал военного по плечу.

Пока ирландец предавался мечтам о грядущем росте карьеры, Андрей быстро забежал в дом, схватил там злополучные пальто и мундир и быстро вернулся на улицу. После чего торжественно передал вещи О'Харе, козырнул ему («Ведите свои войска, *майор*, операция по задержанию не должна сорваться!») и, круто повернувшись на каблуках, скрылся в доме...

Глядя через щелку между окном и занавеской, осажденные видели, как О'Хара сначала о чем-то доложил господину с большими бакенбардами, тот, приняв мундир, махнул рукой, после чего солдаты начали строиться в походную колонну, и вскоре их шаги, удаляясь, загрохотали по Бейкер-стрит.

– Куда ты их отправил? – осведомился Дукалис и тут же получил лаконичный ответ:

– Казань брать...

– Тоже неплохо, – заулыбался Толян. – Были демоны, но, как говорится, самоликвидировались. Сейчас запоют: «Ма-аруся от счастья слё-зы льет».

– Тихо ты, а то еще услышат, – оборвал разошедшегося товарища Ларин.

* * *

Соловец согнулся над перегородившим лестничную площадку трупом, чье лицо ему было смутно знакомо, и пощупал у покойника пульс.

Как ни странно, пульс был.

– И давно он тут лежит? – осведомился майор.

– Это Твердолобов, дознаватель из нашего управления, – пояснил Казанова, поднимавшийся по ступенькам вслед за начальником «убойщиков». – Он сегодня дежурит. Труп выше этажом...

Майор переступил через начавшее дергаться и храпеть тело, так и не добравшееся до места происшествия вследствие навалившегося на полпути приступа усталости, взгляделся в темноту, где маячили фигуры двух сержантов, и повернулся к Казанцеву:

– Что-то я не пойму... Какой это дом?

---

* Это главный секрет. Вы поняли меня? (Тоже типа перевод с английского.)

– Семнадцатый.

– А разве нечетные номера относятся к нашей территории?

– По новой нарезке районов – да. – Капитан грустно покачал головой.

– Черт, – ругнулся Соловец, – раз в квартал планы меняют, а нам отдуваться...

Картографические изыски были любимым развлечением подполковника Петренко и его коллеги, начальника РУВД сопредельного района. Каждый стремился по максимуму сузить территорию своей ответственности и подсунуть соседу самые лакомые кусочки вроде захолустных улочек и неосвещенных скверов, где даже сотрудникам милиции рекомендовано появляться исключительно при оружии, группами не менее чем по три человека и, желательно, на бронированной гусеничной технике.

В результате бумажных войн отдельные переулки и даже дома регулярно меняли «хозяина», что привносило в и без того беспокойную жизнь обитателей двух спальных районов дополнительную толику нервозности. Чем с удовольствием пользовались стражи порядка, отфутболивая заявителей к соседям и мотивируя отказы в приеме жалоб чужой территориальностью.

– Ну, что тут? – неприязненно спросил Соловец у косоглазого сержанта, присевшего на чугунный радиатор парового отопления. – Документы какие-нибудь нашли?

– Не-а. – Косоглазый перебрросил вонючую «беломорину» из одного уголка рта в другой.

Единственными вещами, обнаруженными сержантами в карманах убитого, были расческа и пригоршня нерусских монет с портретом какой-то бабы.

Монеты патрульные честно поделили между собой, а расческу оставили.

– Глухарь, – резюмировал страдающий от сухости в горле Каза nova. – Натуральнейший глухарь... Уже расправил крылышки.

– Сам вижу, – буркнул майор и присел на корточки возле окоченевшего тела. – Он что, из театра сбежал?

Покойный действительно был одет по моде конца девятнадцатого века: на ногах бурые гамашы, из-под сбившегося короткого сюртука высывалась перепачканная засохшей кровью манишка, рядом валялся котелок.

– Погоди-ка... – Соловец распрямылся и посмотрел на обшарпанную дверь с отсутствующим номером квартиры. – А свидетели есть?

– Не, – весело сказал круглолицый сержант, недавно прибывший в северную столицу из деревни под Брянском и пока еще опасавшийся ездить на метро, из-за чего он вечно опаздывал на работу. – Надо привести?

Майор перегнулся через перила и отметил, что дознаватель Твердолобов все так же пребывает в беспамятстве.

– А тут никто не ходит, – добавил второй патрульный. – Двери заколочены, все через другой подъезд шоркаются... Тут аварийный лестничный пролет. Опасно ходить...

– Опа! – Казанова понял невысказанную мысль Соловца. – До границы нашей территории – сто шагов.

– Именно, – майор воровато заморгал. – И заявы нет...

– А Чердынцев? – засомневался капитан.

– Спокойно... Скажем, ложный вызов. – Соловец повернулся к патрульным. – Кто, кстати, сообщил?

– Старуха одна, – задумался круглолицый. – Слышала выстрелы, испугалась и нам брякнула. Видела еще, что вроде кто-то в подвал побежал... Или не побежал... Она сама неходячая, токо у окошка сидит...

– Отлично! – Начальник «убойного» отдела весело потер руки и пихнул ногой труп. – Так. Берете этого и несете вниз, под лестницу. Посмотрите там дерюжку какую-нибудь, чтобы накрыть... И мотае отседова. – Соловец сунул старшему наряда мятый полтинник. – Сходите пивка попейте. Если кто спрашивать будет, что и как, вы ничего не знаете и ничего не видели... Мальчишки петарды поджигали, вот старуха и ошиблась. Мы вечером решим проблемку...

– А наш чудик? – Казанова вспомнил о Твердолобове, почивавшем на пыльных ступенях.

– Его – в отдел, – решил Соловец.

– Может, в соседний дом оттащим? – предложил капитан.

– Нет, в отдел... Он все равно ничего не помнит. Бросим в дежурке, пусть дрыхнет. И Чердынцеву скажем, чтобы не будил... Ну, – майор поторопил сержантов, – что встали?

Патрульные, только что получившие наглядный урок тонкостей оперативной работы по интеллектуальному раскрытию особо тяжких преступлений, что в современной милицейской практике занимает больше половины рабочего времени, схватили труп за ноги и поволокли вниз по лестнице.

За ними двинулся Казанова, бережно несущий в руке котелок и прикидывающий, пойдет ли ему сей головной убор или нет, и если

пойдет, будет ли он гармонировать с его любимым длинным красным шарфом.

ОСоловец окинул беглым взглядом место преступления, затер подошвой ботинка кровавое пятно на полу и щедро посыпал лестничную площадку смесью махорки и молотого черного перца, коробок с которой он всегда носил с собой. Ибо был старым и опытным сотрудником райотдела милиции и хорошо знал, что не стоит недооценивать служебных собак. Особенно из соседнего РУВД.

* * *

С помощью очередного стакана виски Холмса после всего пережитого наконец-таки удалось привести в чувство, и он попытался реабилитироваться, заявив, что, дескать, бывают случаи, в которых даже дедукция бессильна.

— Иногда все зависит от конкретного человека, — рассуждал великий сыщик. — У Уотсона, к примеру, был сослуживец по имени Льюис*. Нет-нет, настоящую фамилию, конечно, не скажу, пусть будет Кэрролл. Так вот, мистер Кэрролл и мистер Уотсон здесь, на Бейкер-стрит, однажды очень бурно отметили День Английской армии, вернее — свою встречу. Когда же наш гость собрался уходить, мы вызвали кэб. Но как выяснилось позднее, единственное, что сумел произнести друг Уотсона, сев в экипаж, так это свое имя: Льюис, — после чего заснул. Открывает глаза через некоторое время, видит вокруг какие-то поля, ни одного домика. А кэбмен его успокаивает: спите, мол, ехать еще далеко, только Ливерпуль миновали...

У Ларина тоже была в запасе похожая история об одном его знакомом по фамилии Гагарин, съездившем как-то в Москву. Остановился этот его знакомый в гостинице «Космос» и ближе к ночи собрался навестить Белый дом, как нынче москвичи величают Ленинградский вокзал. Не зная точно дороги, решил ехать на такси. Только поездка сорвалась, потому что ни один диспетчер почему-то не соглашался принять по телефону вызов из космоса машины для Гагарина.

Но оперативник вовремя сообразил, что Холмс вряд ли поймет эту историю, и замолк на полуслове. Затем поинтересовался, как гениальный сыщик смог догадаться, что Андрей и его друг приехали именно из Америки.

---

* Напомним, что так же называется один из островов на северо-западе Британии.

Великий сыщик, как всегда сославшись на дедуктивный метод, с присущей ему скромностью объяснил, что только американцы с их полным отсутствием вкуса способны так по-идиотски одеваться («Простите, джентльмены!»). К тому же акцент жителей Нового Света никуда не скроешь.

Оперативники не стали спорить.

— А еще проще определить профессию, — заметив интерес к своему методу, изрек Холмс. — Помогает характерный отпечаток, который накладывает на человека любая работа. И этот отпечаток, надо сказать, имеет интернациональный характер. Взять, например, шахтера. Будь он хоть с Аляски, хоть из Африки — его всегда можно узнать по вьезшейся в кожу угольной пыли, грязи под ногтями, черной шее...

— Так вы же бродягу описываете, — не выдержав, заметил Дукалис, — бомжа, по-нашему.

— Нет, — ничуть не смутившись, возразил Холмс, — от бродяги еще пахнет помойкой, а от шахтера только ромом или виски. В том и состоит метод дедукции, что нельзя упускать ни одной мелочи. Вот вы, например... Можно с уверенностью утверждать, что основное ваше занятие — игра на фортепиано!

— ?!!

— Посмотрите на пальцы господина Дюка. Их конечные фаланги слегка расплющены, как если бы человек постоянно нажимал на клавиши* ...

Дукалис, растопырив пальцы, недоуменно всматривался в них, будто видел впервые. Действительно, красотой они не блистали.

— Ну, знаете, — не выдержал Ларин, — это не аргумент. Представьте-ка, что, скажем, несколько часов назад мой друг пытался на практике продемонстрировать молодому коллеге, какие методы допроса, называемые незаконными, нельзя применять... Ну и сунул неудачно руку между дверью и косяком...

Щеки Дукалиса чуть порозовели, и он тяжело вздохнул, вспомнив утреннюю воспитательную беседу с Васей Роговым, после которой случайно зажатые дверью пальцы действительно побаливали.

— Нет-нет, — замахал руками Холмс — Я понимаю, что вам не хочется соглашаться с очевидным, — гениальное всегда не сразу воспринимают. Сначала говорят: «Этого не может быть», потом: «В этом что-то есть», и уж напоследок: «Кто же об этом не знает». Но я

---

* Подобный аргумент приводил герой А. К. Дойля в «Деле велосипедистки».

же говорил, джентльмены, что метод дедукции основан на множестве мелких штрихов, из которых складывается единая грандиозная картина. Пальцы в нашем случае – один из таких штрихов. Но есть и другие признаки. Взгляните, Энди, на сюртук своего друга – обшлага у него потерты. Это прямо подтверждает мою теорию: именно при работе с клавиатурой инструмента на одежде возникают подобные следы.

– Ой, Шерлок, – не сдавался Ларин, – тут можно попасть впросак. А вдруг у моего товарища, извините, проблемы с зарплатой или он работает машинисткой?

– Ха-ха-ха! – неожиданно громко и заливисто рассмеялся великий сыщик. – Это вы, мой друг, попали впросак. Жалование у сыщиков всегда высокое, это общеизвестно. Так что не надо прибедняться. Но третий, самый важный признак, окончательно меня убедивший, какого рода деятельностью занимается мистер Дюк, это его облик: только у человека интеллигентной профессии, а не у какой-то там простой машинистки, может быть такое одухотворенное лицо! Загляните ему в глаза – это же истинный джентльмен... Ну, подтвердите же, я прав?..

Ларин задумчиво посмотрел на расплывшуюся от неожиданного комплимента физиономию товарища и поспешил заверить, что полностью согласен с гениальными выводами английского коллеги...

* * *

Приезд генерального директора «Фагота», сопровождаемого младшим лейтенантом милиции, в свою вотчину был обставлен с поистине королевским размахом.

В центральном холле издательства выстроились два десятка сотрудников, лъстиво улыбающихся шествующему с каменным лицом Грубецкому.

Даже не взглянув на них, Грубецкой прошествовал в свой кабинет, плюхнулся в пятисотдолларовое кресло, провякал в интерком, чтобы ему принесли чаю, и устался на Мартышкина, словно забыл, зачем привез милиционера с собой.

– Так что с писателями? – Стажер попытался продолжить разговор, начатый еще в черном «Запорожце» генерального директора, но прерванный телефонным звонком партнеров Грубецкого из далекого города Урюпинска.

– Да! – вспомнил издатель, полез в стол и вывалил перед младшим лейтенантом кипу рекламных плакатов серии «Закон жулья». – Вот! Смотрите.

– Очень интересно, – осторожно заметил Сысой, разглядывая кричащие заголовки типа «Народный Целитель. Путевка в Синг-синг!», «Народный целитель. Прыжок в поле!» или «Народный целитель. Мсть Сары, Цили и Моисея Сигизмундовича!» – А что это тут мелко так напечатано? «Для нас пишут не только...» Кто пишет?

– Чушков и Беркасов, я ж вам говорил, – выдавил из себя генеральный директор, искренне страдающий от необходимости пользоваться всяческими уловками, дабы поддерживать реализацию своей продукции на должном уровне и не подводить своих урюпинских партнеров. – Это чтоб антимонопольный комитет не докопался... Читателей я предупредил, что на меня не только эти двое работают, но и много других. Так что заявка о мошеннической рекламе у них не пройдет... А что делать? Без рекламы, особенно такой, ничего ведь не продашь...

– Гениально! – восхитился стажер, недалеко ушедший в умственном развитии от генерального директора «Фагота». – Вы всё предусмотрели!

Грубецкой расплылся в довольной улыбке и даже соизволил заказать для Мартышкина кофе.

Предупредив, однако, секретаря, что «достаточно половины дозы».

Расточительность Василием Акакиевичем не поощрялась.

Юная блондинка внесла поднос с большой кружкой для генерального директора и с маленькой чашечкой для стажера.

Грубецкой проводил обтянутую мини-юбкой аппетитную попку секретарши отрешенным взглядом, шумно отхлебнул чаю и постучал согнутым пальцем по клавиатуре компьютера, пылившегося на рабочем столе. Машина стоимостью в три тысячи долларов, с двумя процессорами последнего поколения, жидкокристаллическим монитором с диагональю в восемнадцать дюймов и стагигабайтным жестким диском, использовалась издателем исключительно для нечастой игры в «Тетрис», в которой склонный к созерцанию Василий Акакиевич перманентно терпел поражение.

Мартышкин попробовал «кофе», ощутил слабый привкус цикория и понял, что его угощают сильно разбавленным напитком «Летний».

Причем с давно прошедшим сроком годности.

– Так, и где адреса похитителей? – после паузы осведомился стажер.

– Ах да! – Грубецкой нажал клавишу селектора. – Зайди ко мне!

В дверях опять появилась юная блондинка.

– Адреса Чушкова и Беркасова, – резко бросил генеральный директор.

– Почтовые? – спросила секретарь.

– Зачем почтовые? – засуетился милиционер. — Нам нужны реальные. Чтоб подозреваемых с адреса снять, когда Василия Акакиевича в ближайшие дни убьют...

Повисла тишина.

«Поскорей бы», – с надеждой подумала непочтительная и лишенная чувства сострадания к генеральному директору секретарь.

Трубецкой несколько раз беззвучно открыл рот.

– Шутка юмора, – нашелся Мартышкин, – нас в школе милиции учили, что смех способствует установлению контакта человека с хомо сапиенс...

– Вы псих какой-то, – тихо сказал издатель.

«Сам псих», – обиделся стажер.

– Принеси нормальные адреса этих, – Грубецкой поморщился, – авторов...

– Но у нас только почтовые, – развела руками секретарь. – Чушков же в Красноярске живет...

– Как в Красноярске? – Для перегруженного работой генерального директора «Фагота» это было новостью.

– И всегда жил, – секретарь понизила голос – А у Беркасова постоянного адреса нет...

– Бомж! – заголосил Мартышкин, стараясь загладить неудачное выступление насчет скорого «убийства» издателя. – Что ж вы сразу не сказали?! Налицо антиобщественное поведение! С него и начнем!

– Вот и начинайте! – рассвирепел Грубецкой. – И вообще... Пригласите ко мне... этого... ну, этого...

– Кого, Василий Акакиевич? – Секретарь отступила к двери.

– Кто у нас продажами занимается! Ну?!

– Шарикова?

– Да, да! Его! Пусть он лейтенанту расскажет, что и почему!

– А адрес? – Мартышкин быстро допил «кофе» и незаметно рыгнул.

– Я вам дам, – пообещала секретарь.

– Всё, идите оба, – Грубецкой схватился за голову, – мне работать надо.

– Я еще здесь покручусь, порасспрашиваю людей?.. – Мартышкин в полуутвердительной форме попросил разрешения у владельца

фирмы на проведение оперативного мероприятия, называемого: «Опрос свидетелей и потенциальных преступников».

– Крутитесь, – кивнул Василий Акакиевич. Немного смахивающий на унылого арабского террориста начальник охраны «Фагота», закрыв за милиционером дверь, вернулся на место, со скучающим видом вытащил из тумбочки заветный журнал в яркой обложке и с очень откровенным содержанием.

Несколько минут внимательно его изучал, затем пришел в легкое возбуждение и быстро, помужски, овладел собой...

Глава 4

рашен-ярд

Ларин задумчиво посмотрел на расплывшуюся от неожиданного комплимента физиономию товарища и поспешил заверить, что полностью согласен с гениальными выводами английского коллеги.

Польщенный Холмс наконец вернулся к главной теме разговора:

– Я постараюсь помочь найти этого Мориарти, – подтвердил свои добрые намерения великий сыщик, – тем более что этот господин и мне испортил немало крови. Но, джентльмены, вынужден сообщить пренеприятнейшее известие: я тоже хочу кушать. Если же я буду заниматься только поисками вашего злодея, то, кроме неприятностей, ничего больше не заработаю.

Оперативники грустно потупились. Заметив это, Холмс хитро улыбнулся:

– Но не печальтесь, господа. Думаю, у вас не все потеряно. Мне кажется, что вы некоторым образом понимаете в сыске и потому можете облегчить мне расследование некоторых текущих дел... Нет-нет, конечно, я сам бы сделал это гораздо лучше и быстрее, но ведь я должен буду заниматься другим делом! Поэтому предлагаю сотрудничество: вы освобождаете мое время, помогая раскрывать преступления, а я ищу вашего Мориарти. А заодно даю уроки дедукции, причем абсолютно бесплатно. По рукам?

Друзьям ничего не оставалось, как согласиться на столь великодушное предложение.

Довольный заключенной сделкой, Холмс мельком взглянул на дремавшего за столом Уотсона, затем принялся перерывать комод и платяной шкаф. На недоуменный вопрос о причине поисков великий

сыщик ответил, что собирается переодеть своих коллег в более подходящую и неприметную одежду.

— Я примерно одного роста и телосложения с вами, Энди, а мистеру Дюку вполне должен подойти костюм из гардероба Уотсона, — рассуждал сыщик. — Если мы не обнаружим ничего подходящего в вещах доктора, то придется, пока он не проснулся, снять сюртук прямо с него.

Но раздевать спящего не пришлось: Холмсу удалось подобрать всю необходимую одежду в шкафу. Через некоторое время Андрея и Анатолия уже нельзя было отличить от настоящих англичан второй половины девятнадцатого века.

— Холмс, а может, нас не стоит брать с собой? — со слабой надеждой поинтересовался Ларин. — Ведь вы сами говорили, что у меня — акцент, а Дукалис вообще понимает через слово.

— Пустяки, — отмахнулся Холмс, — в Лондоне все говорят с акцентом. Понаехала всякая деревня — шотландцы, ирландцы, уэльсцы, индусы...

— Лимитá то есть, по-вашему? — уточнил Ларин.

— При чем тут «ограниченный»? Едут без всяких запретов. Вырастут, работать не хотят и — в столицу. Боже, что скоро с английским языком будет? То букву «г», как русские, рычат, то «h» на немецкий манер г'ыкают...

«Это по-нашему, по-киевски», — хотел было заметить Ларин, но промолчал.

— А что касается мистера Дюка, то пусть все думают, что он — Уотсон, все равно у них физиономии похожи. Доктор, как известно, долгое время провел в Афганистане. Вот, скажем, там акцент и приобрел. Ну, в конце концов, на контузию спишем...

— Это как, «на контузию»? — заинтересовался Дукалис. — Не надо меня...

— Тихо, Толя, это понарошку, — перебил друга Ларин. — Я тебе потом все точно переведу...

Ситуацию спас раздавшийся в прихожей звонок, вскоре после которого на лестнице зашаркали шаги миссис Хадсон.

— Господин Холмс, вам письмо. И почему корреспонденцию все время таскают какие-то оборванцы?..

— Не волнуйтесь, дорогая миссис Хадсон, они же все равно не переступают порог дома, — миролюбиво заметил сыщик, разрывая

---

* Игра слов: limited (англ.) — ограниченный.

конверт. – Ага, наконец-то! Вот для нас и первое дело. Надо думать, что скоро будет и кэб...

Действительно, вскоре под окнами зацокали копыта.

Миссис Хадсон проворно спустилась вниз.

– Ну вот, можно сразу и приступать, – обрадовался Холмс, – транспорт подан. Нужно поехать разобраться с одним весьма запутанным случаем. Мой знакомый инспектор Лестрейд из Скотленд-Ярда еще вчера утром просил помочь.

Дукалис, выглянув в окно, увидел остановившийся внизу черный кэб и рядом с ним нетерпеливо прохаживающегося полисмена.

– Мистер Холмс, к вам пришли, – раздался из прихожей голосок миссис Хадсон.

– Да-да, мы уже спускаемся!..

Холмс вкратце рассказал друзьям суть дела. Оказывается, у одной весьма влиятельной персоны неожиданно пропала любимая собачка. Персона, имя которой сыщик не считал нужным называть, считает, что бедное животное похищено, дабы расстроенный владелец, занятый поисками, не смог участвовать в переговорах между английской короной и одной из европейских стран, отношения с которой были очень напряженными. Злодей, укравший собачку, рассчитал точно: ее хозяин будет безутешно рыдать, вместо того чтобы решать государственные вопросы.

– Следует найти хотя бы труп этой животины, – объяснил Холмс. – Когда ее судьба будет известна, наш клиент хоть и будет скорбеть, но вернется к работе. Вы понимаете, господа, что открыто вмешиваться в дипломатические дела полиция не может. Единственное, на что они способны, – оказать помощь с транспортом. Ну, если, конечно, мне удастся найти какие-либо останки, тогда – другое дело. Да и то пресса все потом перевернет, напишет что-нибудь вроде: «Половина тела собаки съедена дипломатом», а в следующем номере все опровергнет: «Половина тела собаки *не* съедена дипломатом» или, хуже того: «Половина тела *не* собаки съедена»... В общем, никакой огласки. А сейчас мы отправимся к вероятному похитителю собачки. Он – завсегдатай некоего «Клуба поэтов»...

– Неужели во всем Лондоне не найти подходящего экземпляра мини колд дог*? – удивился Ларин.

– Нет, такого дога не найти днем с огнем. Порода больно редкая: Russian Yard**.

---

* Вероятно: маленькой холодной собаки (с *англ.*, мент.).

– Хорошо, тогда внедрили бы туда «барабана»... – Андрей спохватился и заменил непонятный для англичанина термин на более привычный: – Я говорю – агента. Глядишь, он чем-нибудь и помог бы...

– Как вы думаете, кто самый лучший в мире резидент? Холмс. – Сыщик самодовольно улыбнулся. – У меня в клубе давно сидит свой человек. Кстати, записка пришла именно от него. Вот, взгляните.

Оперативники с удивлением читались в странного содержания строки:

«Give me your hand:
Have you to say?..
Few words, but, to effect, more than
all yet;
That when we have found the king, –
in which your pain
That way, I'll this, – he that first
lights on him
Holla the other» *.

– Вы видите, видите? – радовался Холмс. – Мой человек вышел на след пропажи! Надо немедленно ехать в клуб, чтобы разоблачить злодея.

– Андрюха, может, я ни хрена не смыслю в английском, но про собаку тут нет ни слова, – засомневался Дукалис.

– И правильно! – возразовался великий сыщик, даже без перевода уловив сомнения гостя. – Ведь мой агент не мог написать открыто. Тут главное – завуалировать суть, чтобы его не разоблачили. А по смыслу очень даже подходит: «Кто первым встретит – пусть сразу сообщит другому». Вот мне и сообщили.

Логика Холмса казалась железной, и оперативники отправились в «Клуб поэтов», чтобы найти там злополучную Рашен-Ярд.

** Не будучи большим специалистом в английских наименованиях пород собак, автор приблизительно перевел бы Рашен-Ярд как «русская дворянка», исходя из того, что «Yard» (англ.) все-таки – двор.

* «Вот моя рука: вам нечего больше добавить?..

Немного, но о самом главном:

Когда найдем мы короля (вы в эту сторону

Идите, я – в другую), то кто первым встретит,

Пусть сразу сообщит другому»

(Шекспир, «Король Лир», акт 3, сцена 1)

– Колюня, а зна-аешь, кто такие вертоле-еты?

– Не-ет, Петя...

– Это чиста-а души поги-ибших та-анков...

– Да-а-а?

Два наркомана, дошедших до крайней степени истощения и потому не оказавших никакого сопротивления патрульным при своем пленении в результате облавы на местном рынке, вот уже полчаса доставали Чердынцева своими тупыми базарами.

– Вы заткнетесь или нет?! – Майор так врезал кулаком по решетке «обезьянника», что на столе, вынесенном из закутка дежурного и стоящем рядом с помещением для задержанных, подпрыгнул телефонный аппарат ядовито-зеленого цвета с нарисованным на диске набора номера голым пупсом, физиономически напоминающим начальника ГУВД генерал-лейтенанта Курицына.

Торчки* умолкли и погрустнели.

– Ну?! – Чердынцев повернулся к столяру из ДЭЗа, выковыривающему из рамы застрявшие там куски стекла. – Как думаешь, получится?

Работяга колупнул стамеской деревянную реечку, посмотрел на прислоненное к стене мутноватое стекло, десять минут назад экспропрированное у ларечника-абхазца с соседней улицы, и кивнул:

– Получится. Как не получиться? Что один человек поломал, второй завсегда исправить сможет...

Начальник дежурной части облегченно вздохнул и вернулся к заполнению журнала регистрации происшествий.

Хлопнула входная дверь, и пред очами Чердынцева возникли Соловец с Казанцевым.

– Как сходили? – Майор занес ручку над графой в grossбухе, в которую было вписано сообщение старухи. – Что писать?

– Голяк, – спокойноотреагировал начальник «убойного» отдела. – Пацаны баловались...

– Ага. – Чердынцев аккуратно написал напротив сообщения коронную фразу всех начальников дежурных частей управлений и отделов милиции на всей территории необъятной российской земли: «Сообщение не подтвердилось». – Отлично...

– Наши еще не вернулись? – поинтересовался Казанцев, имея в виду Ларина, Дукалеса и Рогова, и опять сглотнул.

---

* Наркоманы (жарг.).

– Нет. – Майор посмотрел на часы. – Хм, три часа прошло. Что-то они долгонько.

– Явятся – получают по полной программе, – пообещал Соловец, много лет назад поставивший себе задачу бороться за дисциплину во вверенном ему коллективе и постоянно с выполнением этой самой задачи не справлявшийся.

– Вас там Плахов дожидается, – сообщил Чердынцев, которого меньше всего заботили взаимоотношения Соловца и его подчиненных. — У него дело какое-то срочное...

– Пошли? – Казанова мотнул головой в сторону лестницы.

– Пошли, – согласился начальник «убойщиков».

* * *

«Клуб поэтов» располагался в симпатичном домике в ближайшем пригороде Лондона и скорее напоминал замок: высокий кирпичный забор, кованые ворота, башенки по углам, витражи в окнах...

При поддержке нескольких полицейских, объяснивших свой визит поисками беглого каторжника, который якобы мог скрываться поблизости, сыщикам удалось быстро проникнуть в помещение клуба. Там они увидели трех джентльменов, расположившихся за столом из красного дерева, посреди которого стояла початая бутылка виски.

– А бумага от королевского прокурора у вас имеется? – поинтересовался один из обитателей дома-замка. – Вот вызову своего адвоката, он устроит кое-кому неприятности...

– Правильно, сэр Максвелл, – поддержал говорившего один из его собутыльников, на руке у которого синела татуировка «Николсон». – Думаю, что кое у кого завтра с плеч полетят эполеты. Верно, сэр Джеймс?

– О чем разговор! – живо отозвался третий. – Здесь частный дом, «Клуб поэтов» заседает... ха-ха! А вы с «дон'т андестендом»^{*} каким-то...

Ларин чувствовал себя не очень уютно: с одной стороны, нельзя ударить в грязь лицом перед английским сыщиком, а с другой, его отнюдь не радовала перспектива официального разбирательства, которой грозил сэр Максвелл. А тут еще Холмс шепнул на ухо, что не знает агента в лицо.

---

^{*} От английского don't understand – не понимаю. По смыслу автор мог бы в данном контексте перевести названное выражение на современный новорусский язык: «А вы с непонятками какими-то». – *Примеч.ред.*

«Тоже мне, резидент хренов, кто так с собственной агентурой работает!» – зло подумал Ларин.

И тут Андрея осенила идея.

– Я детектив Ларин, – по привычке представился он, махнув перед носами джентльменов брелоком от ключей в виде круглой открывашки для бутылок. – «Клуб поэтов», говорите? Про заек пишете? А где же стихи? Или эта бутылка со стаканами, – он кивнул на стол, – единственные инструменты для творчества?

– Вы, мистер Ларин, видимо, перегрелись в тропических странах, – возразил сэр Джеймс. – При чем тут зайки? Мы о жизни пишем. Про конкретных молодых джентльменов.

– Ага, – встрял в разговор сэр Николсон. – И про бобби* тоже. И про копов американских.

– Гы-гы-гы! – захохотал сэр Максвелл, которому явно понравилась шутка приятеля. – Про бобби, это мы обязательно.

Хозяева явно издевались над Лариным, но тот как ни в чем не бывало предложил:

– It's good**. Если вы тут все такие поэты – напишите по короткому стишку. Ну хотя бы на тему нашего визита. Получится – тогда, пожалуй, поверю на слово, а нет – вам придется оставить стол в покое и продолжить общение в Скотленд-Ярде.

Это предложение явно повергло господ Максвелла, Николсона и Джеймса в уныние. Еще больше загрузили они, когда оперативник протянул каждому по листку бумаги и напутствовал их словом: «Творите». Но, поразмыслив, вся троица начала что-то писать.

Первым закончил работу сэр Максвелл:

Я, в натуре, не понял,
Это что за прикол?
Бобби, вроде, в законе,
Так при чем же здесь стол?
Если виски желаешь –
Попроси, я налью.
Но, блин, понимаешь,
С бобби вместе не пью***.

---

* «Бобби» – прозвище англ. полицейских, «коп» – американских. Соответств. русскому «мент».

** Это хорошо (англ.).

*** Здесь и далее стихи в переводе автора, А. Воробьева.

Ларин медленно читал этот шедевр и терпеливо дожидался, пока закончат творить остальные двое. Следующее произведение подал сэр Джеймс:

Душу поэта
Вам не понять –
Свободы и света
Век не видать!
Что за приколы –
Врываться в дома?
Жизнь – это школа,
Но школа – тюрьма!

Оперативник усмехнулся и взял листок со стихами сэра Николсона. Ему тоже было далеко до Шекспира:

Только остается
Руки заковать –
Уголовка рвется
Посадить опять.
Воли век не видеть
После их утех.
Опера до гроба
Доведут нас всех.
Вроде честный парень,
А сажать спешит.
Люди вы едва ли,
Если без души!

– Ну вот, – сэр Николсон облегченно вздохнул, – теперь вы убедились, что мы настоящие поэты? Разговор окончен, я думаю?

– Правильно, – подхватил Максвелл, – давайте разойдемся по-хорошему.

А Джеймс миролюбиво добавил:

– Слушай, брат, давай-ка лучше стакан налью. Качественное виски. I give you a tooth*!

Но оперативник не спешил с ответом: пока хозяева «Клуба поэтов» занимались писаниной под надзором Ларина, полицейские и Дукалис живо прошли по дому, осмотрели дворовые постройки... Теперь Андрей и Холмс ждали результата.

---

* Зуб даю! (англ.).

Вошедший в комнату Дукалис поманил Ларина к себе. Оказалось, что поиски были тщетными: ничего предосудительного обнаружить не удалось.

— Ну что, вляпались? Придется извиняться перед этими? — Анатолий кивнул в сторону «поэтов». — Или, может, стоит растащить их по разным комнатам, чтобы переговорить с человеком Холмса?

— Извиняться не придется, — ответил Ларин, — повод для задержания есть, и повод серьезный. А говорить с агентом сейчас нет никакой нужды.

— Вы что, Энди, решили отказаться от участия в раскрытии этого дела? — то ли в растерянности, то ли испуганно спросил великий сыщик. — Что же мне теперь делать?

— От работы мы никогда не отказывались, а вам, думаю, следует перечитать Эдгара По... Давайте-ка отойдем чуть подальше, и я все объясню. — Ларин, взяв великого сыщика под локоть, потянул его в сторону от стола, за которым сидели «поэты». — Посмотрите внимательно, Холмс, на плоды творчества этих господ. Ваш человек догадался дать нужную информацию, используя акrostих. Вот произведение Николсона. По первым буквам строк складывается вполне конкретный текст: «ТРУП В ПОДВАЛЕ». Вы поняли?..

— О-о! — обрадовался Холмс. — Читайте, что первый экзамен вы сдали успешно. Я, конечно, сразу же обратил внимание на стихотворение Николсона. Литература, вообще, — мой конек. Просто мне захотелось проверить вашу наблюдательность.

Ларин, естественно, сделал вид, что полностью поверил словам великого сыщика, а Дукалис даже подхалимски несколько раз хлопнул в ладоши.

В результате непродолжительных поисков в подвале действительно были обнаружены останки несчастной собаки. Сэр Максвелл зарыдал и, вымаливая снисхождение, заявил, что хочет сделать добровольное признание.

— Это все сэр Джеймс, — размазывая по толстым щекам слезы, причитал Максвелл. — Он заставил меня! Я не хотел никого убивать. А он... он постоянно торгует на Блошином рынке собачьим мясом, выдавая его за зайчатину!

— Молчите, сэр позорный! — возмущенно вскричал Джеймс. — А кто, спрашивается, склонял меня к этому аморальному поступку, не вы ли?..

Довольные полицейские, не слушая препирательств сэров, живо повязали всех троих и быстренько уехали, прихватив с собой из

подвала в качестве вещественных доказательств два свиных окорока и несколько бутылок виски.

– Блошиный рынок! – вдруг осенило Дукалеса. – Джеймс торговал именно там. Но ведь это – территория «девонширских». Правильно, Шерлок?

– Да-а, вы абсолютно правы, – задумчиво протянул великий сыщик. – Чтобы сделать рагу из зайца, нужно иметь как минимум кошку...

Глава 5

ЛУЧШЕ ПОДЛО, ЧЕМ НИКОГДА

К моменту возвращения сыщиков доктор Уотсон успел не только проснуться, но и допить остатки виски, неосмотрительно забытые Холмсом на столе в гостиной. Поэтому, вместо того чтобы разработать хоть какой-нибудь план будущего визита на Блошиный рынок, друзьям пришлось выслушивать истории похождения великого сыщика в изложении его летописца. И если Дукалис, понимавший по-английски с пятого на десятое, мог позволить себе дремать, делая вид, что внимательно слушает, то Андрею приходилось отбывать наказание.

— ...Покойник, — читал автор свои мемуары, — был молодым мужчиной высокого роста и огромной физической силы. Но когда мы прибыли, труп уже уполз с места происшествия... Выяснилось, что с ранних лет он ступил на воровскую тропу... Затем убитый занимался сбором милостыни и избежал заслуженного наказания, поскольку был признан сумасшедшим. Впоследствии его признали психически здоровым... Тогда он открыл фирму «Вдохновение», занимавшуюся осеменением крупного рогатого скота... Труп был единственным взрослым среди сорока учеников находящегося поблизости колледжа... По подозрению в убийстве полиция задержала троих учащихся, среди которых были три девушки и двое молодых людей... Мистер Холмс заподозрил, что имело место непреднамеренное убийство с особой жестокостью... И правда, как выяснилось позднее, по замыслу преступников умереть несчастный должен был смертью по возможности естественной, например от удушья...

Андрею эти перлы напоминали творчество некоторых «криминальных» журналистов, обожающих вставлять в свои репортажи жуткие словечки и обороты, должны вызвать у читателя шок.

– Послушайте, Шерлок, – осторожно, чтобы не мешать чтению мемуаров, обратился Ларин к великому сыщику. – А когда же мы отправимся на Блошиный рынок? Думаю, тамошние торговцы помогут нам найти Мориарти.

– Боюсь, они, скорее, помогут этому негодяю расправиться с нами, – ответил Холмс. – Впрочем, есть у меня в тех краях одна знакомая леди.

– Кокаином там приторговывает, – вставил доктор, добавив: – Если в стенке видишь люк, значит, виделся с мисс Глюк... Девушка со стажем, прямые поставки из Колумбии.

– Вы ошибаетесь, сэр Уотсон, она работает в бифштексной, – возразил Шерлок. – Дайте-ка я напишу ей записку. Закажем столик, а ближе к ночи заглянем на огонек.

Вскоре нужное письмо было составлено. Холмс свистнул, высунувшись в окно, и тут же к дому подбежал какой-то малолетний оборванец:

– Почтальон ждет ваших указаний, сэр. Велев беспризорнику непременно дожидаться ответа, великий сыщик вернулся к гостям.

Ужин, поданный милейшей миссис Хадсон, позволил скоротать время до возвращения почтальона. Ларин с Дукалисом по причине присущего им природного такта не стали интересоваться, зачем следует идти в бифштексную на сытый желудок, рассудив, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а кроме того, наличие пищи лучше, нежели ее отсутствие. Наконец затренькал долгожданный звонок. Это вернулся маленький письмоносец.

– Ничего не понимаю! – удивленно глядя на записку, воскликнул великий сыщик. – Что за абракадабра? Эй, где мальчишка?..

Холмс высунулся в окно и свистом попытался вновь позвать почтальона, но безуспешно. Единственным результатом был показавшийся на улице шлем полицейского. Сыщик оставил безуспешные попытки и тяжело опустился в кресло.

Записка гласила:

«МОХ ВРОС В ЛЕД МИСС, САВАНЫ –
ЖДИТЕ ДНЯ И КРОВЬ ТАМ! МУЖ»*.

---

* Адаптированный перевод с англ. автора.

– Ох уж эти женщины! Вечно они все напутают. Посмотрите-ка, что нам передали вместо любезного согласия накормить бифштексами. Вот, держите. – Холмс протянул Ларину письмо. – Боюсь, мою знакомую ожидают неприятности. А я и не знал, что у нее есть муж. Был, правда, бой-френд...

Андрей взял протянутый ему листок бумаги, внимательно прочитал его, потом о чем-то пошептался с Дукалисом.

– Точно, спалили явку, – подтвердил Толян. – А ты уверен, что перевел правильно?

– Вроде правильно, – отозвался Ларин. – Послушайте, Шерлок, а с чего вы взяли, что это письмо от сожителя вашей знакомой?

– Вы что, по-английски читать не умеете? Стоит же подпись: «Муж».

– Послушай, Андрей, – засомневался Дукалис, – ты что, круче лондонцев в их языке разбираешься? Я и то знаю, что муж – это хазбенд, а мэн – просто мужчина. Не спорь, лучше пойдем на этот чертов рынок.

– Да как ни переводи, а соваться к этой телке нельзя, – возразил Ларин. – Дорогой Холмс, поверьте, я тоже крайне возмущен этим посланием.

На вопрос сыщика, что же так возмутило его гостя, Андрей вытащил из кармана шариковую ручку, молча подчеркнул каждую третью букву и знаки препинания и протянул записку адресату:

– Боюсь, что ваша М. не желает с вами сотрудничать.

Холмс некоторое время безумными глазами вчитывался в текст:

«МОХ ВРОС В ЛЕД МИСС САВАНЫ –
ЖДИТЕ ДНЯ И КРОВЬ ТАМ! МУЖ.»

– Негодяй! – вскричал великий сыщик, комкая злополучную бумажку. — Он за все ответит! Немедленно идем на рынок!.. Уотсон, да протрезвейте же наконец, вам следует немедленно бежать в Скотленд-Ярд, вызывать инспектора Лестрейда. Но боюсь, мы опоздали...

– Вы говорите «он». Кто это? – недоуменно переспросил Ларин.

– Мориарти, мой друг, Мориарти. Только этот негодяй мог отправить мне такой пасквиль, подписавшись лишь одной буквой... Ах бедная мисс Энн Глюк, этот подонок наверняка запугал ее до смерти... Джентльмены, прошу вас, поторопитесь!

Несмотря на призывы Холмса, доктор Уотсон отправился в полицию лишь после того, как записал в свой дневник основную идею будущего рассказа о подвигах великого сыщика. «Пляшущие человеч-

ки» – гласила единственная строчка, торопливо выведенная практикующим литературное творчество врачом.

* * *

Из бесед с бывшим капитаном налоговой полиции, изгнанным из сплоченных рядов правоохранителей за излишнее корыстолюбие, а ныне начальником отдела продаж издательства «Фагот» Шариковым и рядом других сотрудников Мартышкин вынес стойкое убеждение в том, что Б. К. Лысого, автора приключений «Народного Целителя», следует искать либо в воровском или наркоманском притоне, где он собирает материал для своего очередного шедевра, либо в вытрезвителе, куда его обычно доставляли после информативных бесед с прототипами героев «бестселлеров».

Подозрения о похищении писателя существовали лишь в воображении измученного каторжным трудом издателя Грубецкого.

Но отработать заявление было необходимо в любом случае.

Генеральный директор крупной фирмы – это не инженер с дышащего на ладан секретного предприятия и не домохозяйка, у которой распорили в трамвае сумочку и вытащили кошелек, а фигура, способная через наемного адвоката завалить своими жалобами не только районный отдел милиции, но и городскую прокуратуру. К тому же оставалась небольшая вероятность того, что писатель все же был похищен и удерживается в каком-нибудь подвале, где из него пытаются выбить сюжеты новых повестей и романов.

Поэтому Сысой решил немного поизображать работу в намеченном Василием Акакиевичем направлении, а затем вплотную заняться версией о притонах и вытрезвителях.

Умиротворенный и расслабленный, Грубецкой даже поручил водителю домчать младшего лейтенанта на своем личном черном «Запорожце» к дому, где в последние месяцы проживал Беркасов...

В украинском «купе» было уютно, но как-то кислотовато-душно.

Мартышкин с полчаса принимовивался, затем вопросительно посмотрел на сосредоточенного шофера, вцепившегося в баранку и пытающегося лавировать в плотном потоке чадающих машин.

– А чем это пахнет?

– Генеральным, – буркнул злой и непочтительный водитель, которого вместо законного перерыва на ужин заставили везти младшего лейтенанта на другой конец города.

Сысой пару минут подумал и пожал плечами.

– Это такой дезодорант?

– Нет. Это такой генеральный. – Грубиян-шофер втиснул «Запорожец» между бортовой «Газелью» и маршрутным такси. – Потеет, зараза! Как выпьет, так потеет. А банкеты у него через день... ясно?

– Ясно, – протянул Мартышкин и примолк. Водитель нажал на клаксон, сгоняя с дороги замешкавшуюся тетку с двумя огромными кошелками, и вдавил педаль газа.

Какое-то время ехали молча, затертые потоком машин. Наконец после очередной стоянки на перекрестке легкое чудо независимой технической мысли первым ринулось на зеленый свет и, оставив позади поток остального транспорта, оказалось на более-менее свободной трассе.

– А я вот не потею, – сказал стажер, дабы поддержать интересный разговор.

– А мне по барабану, – отрезал шофер.

Сысой помолчал, погладил рукой мягкий кожаный чехол, которым было обтянуто кресло, и опять обратился к водителю:

– А это что за «Запорожец»?

– Девятьсот шестьдесят девятый...

– Дорогой, наверное? – В представлении Мартышкина все транспортные средства, чья цена превышала двести-триста долларов, считались моделями представительского класса.

– Генеральный за него не платил, – проворчал шофер.

– Подарок? – предположил младший лейтенант.

– Можно сказать и так, – хмыкнул водитель и раскрыл милиционеру страшную тайну появления автомобиля у Грубецкого. – Выцыганил у своих компаньонов из Урюпинска, когда те на новые «Таврии» пересели.

Информация о том, что у Грубецкого есть подельники, была для Сысои новостью, и он принялся ее обмозговывать, пытаясь понять, не поможет ли она в решении поставленной задачи.

* * *

Три черных кэба с грохотом мчались по направлению к Блошиному рынку. Когда оперативники попытались поинтересоваться у великого сыщика, зачем им столько экипажей, когда они втроем могут спокойно разместиться в одном, Холмс на это ответил:

– Так принято. Правильные джентльмены должны приезжать на назначенное свидание с другими правильными джентльменами точно в срок и на транспорте в количестве, достойном положению правильных джентльменов в обществе.

– А почему мы тогда весь таксопарк... Ой, простите, не взяли с собой еще больше кэбменов? – поинтересовался Андрей.

– Видите ли, сэр Энди, – тоном опытного учителя пояснил Холмс, – у правильных джентльменов существуют определенные rules – нормы поведения. Нельзя обижать других правильных джентльменов недоверием. Они могут не так понять.

– Да какие же они правильные? Отморозки какие-то! – возмутился Дукалис. Про «gentlemen's rules» он понял, несмотря на ограниченные познания в иностранном языке. – Будем мочить!.. Найдем в сортире – замочим и в сортире!

– Хватит, Толян, плагиатом заниматься, – посоветовал Ларин, – здесь все равно не поймут. Да, чувствую, влипли мы в историю! Посадят нас самих в клетку – ввек не выпустят...

– Не дрейфь, что-нибудь придумаем... Нельзя же было Шерлока одного отпускать. К тому же там этот Мориарти...

– Ага, с компанией таких же фризеров, как он сам. Сидят и ждут нас. Ты, кстати, «ствол» не потерял?

– Не-а. – Дукалис похлопал себя по груди. – Куда ж его, без сейфа?

Заметив это движение, Холмс оживился и, порывшись в карманах, протянул Андрею револьвер с коротким стволом диаметром примерно с десятикопеечную монету.

– Простите, чуть не забыл. Только вы не должны сразу доставать оружие. Это – на всякий случай...

«Что мы, на "стрелках" никогда не были? Знаем, ученые», – поблагодарив сыщика, подумал про себя Ларин.

* * *

В общем на пятерых оперативников кабинете, захлапленном различными вещдоками и еще не сданными бутылками, сидел грустный старший лейтенант Игорь Плахов.

Утром он на спор со своей очередной девушкой съел три куса намазанного гуталином хлеба и теперь мучался животом.

«Наверное, хлеб был несвежий», – печально размышлял старший лейтенант, глядя на покрытую грязно-бежевыми разводами стену кабинета.

– А-а, мужики, привет, – простонал Плахов, завидев Соловца и Казанова. – Бисептольчика нет?

– Нет, – в унисон ответили майор и капитан.

– И у вас нет. – Старлей печально уставился в пол.

Соловец бросил замызганную куртку на спинку стула, включил настроенный на частоту «Азии-минус» радиоприемник и уселся напротив Плахова.

– Игорек, у нас мероприятие...

– Какое? – заныл старлей, мечтающий лишь тихо и незаметно умереть, а не участвовать в очередной попойке или сидеть в засаде.

– Такое! – Казанцев взгромоздился на стол. – Труп у нас на территории, вот что...

Однако сие сообщение не возымело никакого эффекта.

Плахов как пребывал в прострации, так и продолжил в ней пребывать. На все трупы в мире ему было плевать с высокой колокольни, ибо посторонние покойники ничто в сравнении с бурчанием и резами в собственном животе.

– Тяжелый случай. – Казанова оценил состояние коллеги и повернулся к Соловцу: – Чё делать будем, Георгич?

– Лечить, – ответил майор и обратил свой взор на резиновую дубинку. – Я где-то читал, что удар по почкам заменяет кружку пива. Денег на пиво у нас нет, а угостить товарища нужно. Отсюда вывод...

– Может, не надо? – встрепенулся Плахов.

– Тогда соберись и слушай...

– Ладно. – Старлей выбрал между «угощением» и необходимостью участвовать в разговоре. – Какой труп, кому поручено?

– В том-то и дело, что никому. – Соловец наклонился поближе к Плахову. – Труп в таком месте, куда никто не ходит... Но на нашей территории.

– Плохо, – сообразил старлей.

– Однако есть и положительный аспект, – изрек Казанова. – До границы с соседями – не больше пятидесяти метров...

– Это хорошо, – согласился Плахов.

– К сожалению, местность открытая, – доверительно сообщил Соловец.

– Это плохо, – огорчился старший лейтенант.

– Но скоро ночь, и фонари там горят через один, – вставил словечко Казанова.

– Это хорошо, – приободрился Плахов.

– Хотя по той улице часто проезжают патрули, – заявил майор.

– Плохо, – насупился оперативник.

– Патрульные обычно пьяные, – молвил капитан.

– Это хорошо, – сообразил старлей. – И что ты предлагаешь?

– Их надо отвлечь, пока мы будем перетаскивать труп, – сказал Соловец.

– Мне?

– Тебе, – майор положил Плахову руку на плечо. – С Казановой мы уже всё обсудили.

– А как отвлечь-то?

– Будешь стоять на углу и, если заметишь чужую машину, пальнешь по ним из ракетницы и побежишь, – озвучил план Казанова.

– Ракетницу искать не надо, вон она валяется...

Старлей наморщил лоб и погрузился в размышления.

– Новый мировой рекорд установил пассажир трансатлантического авиарейса Санкт-Петербург – Нью-Йорк, житель нашего города и, по совместительству, помощник представителя президента общества трезвости в Северо-Западном регионе Николай Винниченков, – поведал диктор «Азии-минус» в перерыве между заказанными правильными радиослушателями песнями «Владимирский централ» и «Владимирский централ» в повторе. – Он провел двенадцать тысяч километров верхом на унитазах, съез перед полетом купленную в аэропорту дыньку... Плахов резво вскочил со стула:

– Я сейчас! – и пулей выскочил в коридор. Соловец и Казанцев переглянулись.

– Молодой еще, – покачал головой начальник «убойного» отдела.

– Его еще учить и учить...

* * *

Холмс, прежде чем встретиться с бросившими ему вызов «девоширскими», остановил кортеж у неприметного дома, затерявшегося среди узких лондонских улочек и окруженного густыми кустами можжевельника.

– Господа, нам необходимо взять еще одного спутника, – заявил великий сыщик, – наслучай непредвиденных конфликтов, – и быстро покинул кэб.

Друзья уже потирали руки в предвкушении скорой поимки Мо-риарти и своего возвращения домой, а потому не заметили, когда Холмс вернулся к экипажу. Из состояния благостных размышлений оперативников вывело какое-то странное похрюкивание, раздававшееся рядом с кэбом.

– Ой, свежие окорочка забежали, – обрадовался было Дукалис, но тут же осекся, потому что в этот момент Холмс, поднатужившись, засунул внутрь экипажа какую-то огромную слюнявую морду, позади

которой виднелись несколько свисающих складок и четыре когтистые кривые лапы.

Существо вновь недовольно хрюкнуло и подозрительно уставилось на притихших оперативников.

– Свои, сэр Лерсон, – успокоил сыщик нового пассажира. – Это мистер Энди, а это – Дюк... Не волнуйтесь, джентльмены, он обычно не кусается. Только, умоляю, ведите себя достойно. Сэр Лерсон не переносит непочтительного отношения.

Пасть сэра Лерсона чуть ощерилась, выражая полное согласие со словами сыщика, и одновременно продемонстрировала некое подобие улыбки. После чего новый пассажир миролюбиво ткнул носом каждому из оперативников в ноги, старательно вытер о них слюни и наконец взгромоздился Дукалису на колени, отчего последний только тихонько охнул, не смея пошевелиться.

– О, Дюк, вы понравились сэру Лерсону, – заметил Холмс – Да не бойтесь же, можете почесать ему за ухом, он это очень любит.

Всю оставшуюся дорогу великий сыщик рассказывал о различных породах собак, всячески подчеркивая при этом достоинства английских бульдогов и заискивающе поглядывая на похрюкивающего от удовольствия сэра Лерсона.

Постепенно страх от первого общения с новым пассажиром прошел, и Дукалис даже вспомнил историю из собственной практики, связанную с собаками.

Как-то дежурную группу вызвали на задержание маньяка: позвонили жильцы одного из домов и сообщили, что в соседнюю квартиру ворвались преступники и напали на маленькую девочку.

Оперативники приехали по нужному адресу.

Бабуля, вызвавшая милицию, лишь указала пальцем на дверь квартиры соседей и быстренько исчезла в своей. Недоуменно пожав плечами, стражи порядка ворвались в указанное жилище. Там они действительно застали жуткую картину: стены, пол, мебель и даже, кажется, потолок были в «пятнах бурого цвета», как пишется в протоколах. На шкафу в большой комнате взору милиционеров предстали двое мужчин, изрядно перепачканных кровью. Они сидели, скрючившись и обнявшись, словно несчастные бандерложки перед мрачно танцующим Каа из известного мультфильма.

На полу под ними расположилось нечто напоминающее большой, покрытый белой шерстью диван. Это нечто старательно подгрызало ножку шкафа. А рядом с «диваном» на ковре сидела девочка лет пяти. Теребя ручонками белую «диванную» шерсть, она тоненьким

голоском упрашивала: «Миша, ну пожалуйста, не кушай шкаф! Мама придет – ругаться будет.

Хочешь, я тебе котлетку дам?» В ответ раздавалось только сосредоточенное урчание, временами заглушаемое тоскливым поскуливанием со шкафа.

Увидев вошедших ментов, «бандерложки» хором запричитали и начали просить, чтобы их немедленно увели отсюда и посадили...

– За что сажать-то? – недоуменно поинтересовался Дукалис, к тому времени проработавший в милиции не более полугода.

– За покушение на разбой и квартирные кражи! – запричитали несчастные. – Только уберите отсюда это чудовище!

Наконец оперативник догадался, что у шкафа лежит огромная южно-русская овчарка, целеустремленно подбирающаяся к своим жертвам. Милиционеры осторожно поинтересовались у девочки, что произошло и где ее родители. Малышка кое-как объяснила, что в квартиру позвонили. Она отперла дверь, думая, что это вернулась мама. Но вместо мамы на пороге увидела двух чужих дядей.

– А один дядя меня спросил: «Ты одна дома?» Я говорю: «Нет, я с Мишей». Дядя тогда: «А сколько Мише лет?» «Пять, как и мне». Дяди меня толкнули и домой к нам вбежали. Один спросил: «Говори, где Миша?» Я тогда испугалась и заплакала, а Миша сам пришел... Теперь мама ругаться будет...

Ротик у девчушки скривился, на глаза опять навернулись слезы. Положение спас приход хозяйки квартиры, которая, разобравшись в ситуации, согласилась убрать собаку и не наказывать свое чадо за попорченную мебель. Правда, это мало помогло злоумышленникам: острые мамшины ногти оказались страшнее собачьих зубов, а оттаскивать разбушевавшуюся родительницу от обидчиков было немногим проще, чем уговаривать «коврик»...

Следом собачью тему подхватил Андрей, с грехом пополам переведя на английский анекдот, в котором вообще-то в качестве героя выступал бульдог, но из уважения к сэру Лерсону оперативник заменил его на шарпея.

– Встретил как-то шарпей сучку и давай перед ней хвастаться: вот этот шрам я получил, когда дрался с колли. На лопатке – когда победил ротвейлера. Шрам у крестца – после сражения с тремя боксерами... А здесь, под хвостом... В общем, не важно... Все равно я героический пес!

– Подъезжаем к рынку, мистер Холмс! – раздался голос кэбмена.
– Скажите, где следует остановиться?

Глава 6

МЕСТЬ ДОХЛОГО ЧЕРВЯКА

Лондонский Блошиный рынок жил своей обычной жизнью, и прибывший кортеж из трех кэбов, казалось, никого не заинтересовал. Разве что два-три уличных торговца поспешили переместиться чуть дальше – на более безопасное расстояние.

Наши друзья выбрались из экипажа.

Сопровождаемые сэром Лерсоном, ни на шаг не отходившим от Дукалиса, они направились к обшарпанному домику, на котором красовалась полинявшая вывеска, изображающая пивную кружку и некий коричневого цвета предмет, напоминающий... ну, скажем, бифштекс.

– Джентльмены, – предупредил спутников Холмс, – я захожу первый и выясняю, где моя знакомая. Если письмо писал Мориарти либо его сообщники – мисс Глюк там не будет. Но у нас еще останется шанс узнать, куда делся главарь «девонширских». Главное – найти повод, чтобы предъявить претензии. Для этого надо выразить недовольство работой заведения. Хозяин сам решать ничего не станет – он не более чем джентльмен на побегушках. Тогда we'll invite for talks they* ...

– Cover! – вставил Дукалис.

---

* Мы пригласим для переговоров их... (англ.)

– Двоечник! – Андрей дернул товарища за рукав. – Во-первых, надо говорить «a cover». Только это означает «крышка», а Шерлок имел в виду «goof» – крышу...

– При чем здесь крыша и крышка? – удивился Холмс. – Нам нужны их партнеры. Хозяин тогда и позовет кого-нибудь из «девушек». А дальше придется действовать по обстановке. Я попрошу это сделать вас, Энди. Вы начнете возмущаться качеством еды, а говорить буду я. Понятно?

– Понятно, – кивнул головой Ларин. – А полиция?..

– Полиция, думаю, придет не раньше чем через час-полтора, – успокоил оперативника сыщик. – У них сейчас обеденный перерыв. Пока Уотсон объяснит что к чему, пока они соизволят собраться, найдут овес, чтобы перед поездкой накормить лошадей, пока уговорят кучера не менять рессору на экипаже... В общем, рассчитывать следует только на собственные силы...

– А что, без овса лошадь не поедет? – поинтересовался Андрей.

– Естественно, – подтвердил Холмс. – Где это видано, чтобы транспорт ходил без топлива? Попробуйте-ка сесть в паровоз, если в нем нет угля... Впрочем, не будем тянуть время, пойдемте.

– Мистер, мистер! – вдруг дернула Дукалеса за рукав смазливая девица, протягивая ему какой-то клочок бумаги. – Стойте! You're lucky. That's prize... winnings* ...

– Что она хочет? – заволновался оперативник, умоляюще глядя на товарища, более сведущего в малопонятном языке.

– Чего-чего! Лохотрон это местный. Говорит, что ты выиграл. Погоди, сейчас торговаться начнет...

– О, мистер – иностранец? Гость Лондона? – радостно зашебетала девица, буквально повисая у Дукалеса на руке. – Вы должны получить приз... Держите деньги. – Она протянула несколько монет. – Посмотрите номер. Если в нем есть цифры – вы выиграли. Если нет – вы обязательно выиграли...

Оперативник зажал протянутые ему деньги в кулак раньше, чем успел вмешаться великий сыщик. В этот момент из толпы выскочил некий господин, который затряс перед носом Дукалеса какой-то бумажкой, бормоча, что тоже может рассчитывать на приз, так как на его счастливом билете оказался точно такой же номер.

---

* Вам везет. Это приз... выигранные деньги... (англ.)

– Да-да, – живо подтвердила девица, – теперь вы должны торговаться между собой. Можете дать мне подержать несколько фунтов, тогда приз будет ваш...

Но игра явно не заладилась.

Дукалис, собрав все свои знания английского, как говорится, «врубил дуру», заблажив, словно нищий, неожиданно получивший щедрое подаяние:

– Сэнкью, май дарлинг. Сэнкью. Ю халпт ми анд Год уилл хелп ю*!

В этот момент вперед из толпы выдвинулись две угрюмые личности и молча направились к оперативнику.

– Верните им деньги, – испуганно прошипел Холмс, обращаясь к Дукалису, – они на все способны.

Но Толя уже закусил удила.

– Are you know something about «phigvams»**? – поинтересовался он у великого сыщика и, не дожидаясь, пока Шерлок разберется с переводом последнего слова, опять обратился к девице:

– Передавайте наилучшие пожелания моему большому другу мистеру Мориарти. Скажите, что я мечтаю увидеться с ним... Сэр Лерсон, вы согласны?

Сэр Лерсон утвердительно хрюкнул, клацнув своими акульными зубами, и плотоядно облизнулся. Воспользовавшись замешательством громил и тем, что Холмс смотрел в другую сторону, Андрей показал лохотронщикам краешек ствола револьвера.

– Эй, ребята, у вас какие-то проблемы?

Сразу выяснилось, что никаких проблем нет.

Поэтому друзья смогли беспрепятственно войти в бифштексную. Единственное слово, которое Дукалис сумел понять из ворчания великого сыщика, было «madness» – «сумасшествие».

– Не волнуйтесь, Шерлок, – постарался успокоить сыщика Ларин, – нас всего лишь приняли за людей Мориарти. И мы на этом заработали несколько фунтов. Если же эти господа недовольны, они постараются сделать так, чтобы «девонширские» прибыли сюда поскорее. Мы же за этим пришли, не так ли?

В ответ сыщик что-то нечленораздельно пробормотал.

* * *

---

* Спасибо, моя дорогая, спасибо. Вы помогли мне, и Бог поможет вам!

** Вам что-нибудь известно о фигвамах? (англ.)

Мартышкин вылез из сверкающего черным лаком «Запорожца» за квартал до нужного дома, добрел до пивного ларька напротив парадного, где, по последним сведениям, проживал Беркасов, и, чтобы не привлекать к себе внимание прохожих, по-пластунски пересек улицу и залег в сугробе возле металлической входной двери.

Следующие час и пятнадцать минут младший лейтенант провел в ожидании кого-нибудь из жильцов, так как самостоятельно справиться с кодовым замком у Сыся не получилось.

Дважды к неподвижному телу пытались пристроиться пробежавшие мимо кобели, но стажер стойчески не обращал на это внимания, сосредоточенно взирая на дверь.

Наконец железная створка приоткрылась, в щель на секунду высунулась голова в темной шапочке, оглядела окрестности и исчезла. Дверь легонько стукнула об косяк, однако замок не защелкнулся.

Бравый милиционер воспрял духом, выбрался из сугроба, подобрался к двери, дернул ее на себя, переступил порог и сделал шаг навстречу вылетающему из темноты кулаку...

* * *

Друзья вошли в полутемное прокуренное помещение, где стояли несколько деревянных столов, подле которых красовались здоровенные обрубки бревен, заменяющие стулья. Народу по причине дневного времени почти не было. Лишь в углу зала расположились двое посетителей. Они пили ром и аппетитно захлебывали его чем-то из глиняных тарелок. Холмс и друзья-оперативники заняли стол.

— А что, сегодня мисс Глюк не работает? — поинтересовался Холмс у подошедшего к их столу бармена.

У того подозрительно забегали глазки, он пробормотал: «Нет» — и тут же недружелюбно продолжил:

— Брать чего-нибудь будете?

Холмс тихонько толкнул под столом Ларина, подсказывая, чтобы тот начинал.

— А что ты, приятель, такой невежливый? — осведомился Андрей. — Позови-ка сюда хозяина.

— Я сам хозяин и есть, — постарался сгладить свою ошибку бармен. — Прошу прощения, если мой тон показался гостям неприветливым. Мы всегда рады посетителям.

— Пива! — потребовал Дукалис. — Три больших пива!

— Один момент! — Хозяин бифштексной побегал выполнять заказ.

– Господи, ну неужели вы не можете спровоцировать скандал? – страдальчески спросил Холмс у Ларина. – Ну, скажите, что нам не долили пива или – что подали несвежее. Если возразит – обвините в хамстве. Тут я как раз и вступлю.

– Ага, – ухмыльнулся Андрей, – как в анекдоте про Чебурашку и крокодила Гену: «А что вы курите, сигареты или папиросы?.. А от чего желаете прикурить, от зажигалки или от спички?» «Послушай, Гена, да дай ты ему просто по рожке!»

– Простите, не понял, – начал было Холмс, но тут его внимание отвлек громкий смех, раздавшийся из-за углового столика.

Несколько секунд хмурое лицо великого сыщика отражало титаническую работу мысли, затем Холмс повеселел и, сев на любимого конька, начал очередной раз объяснять спутникам суть своего дедуктивного метода.

– Знаете, джентльмены, что за люди сидят вон за тем столиком? Это моряки.

– ?

– Можно даже не проверять: только люди этой профессии станут пить ром, когда в пределах досягаемости находятся бренди и виски*. Посмотрите, вон над баром листок. Там ясно написано, что кроме рома в этом заведении имеются и нормальные напитки... Гениальное умозаключение, не правда ли?

– Боюсь вас разочаровать, Шерлок, – осторожно заметил Андрей, – но я бы на вашем месте внимательно изучил меню: цена рома в два раза меньше, чем у предпочитаемого вами «Джонни Уокера». Про бренди я даже не говорю. А посетители этой забегаловки, судя по ее интерьеру и по заплатам на их коленях, не так уж богаты. Значит...

– Значит, мистер Энди, вы правильно оценили мой метод: эти господа еще не стали настоящими морскими волками, а пока только ходят в юнгах, – закончил мысль великий сыщик.

Андрей с сомнением посмотрел на двух бородатых сорокалетних дядек, но благоразумно не стал спорить с Холмсом, тем более что к столику вернулся хозяин с пивом.

Великий сыщик опять толкнул Ларина: мол, пора. Андрей немедленно отреагировал:

– Эй, мужик, а скажи-ка, какого черта ты уволил мою подружку? Она что, прогуливала?

---

* Подобным образом рассуждает и герой А. К. Дойля в рассказе «Черный Питер».

– Нет-нет, любезный господин, – запротестовал хозяин, – она была очень хорошей девушкой...

– А почему «была»? – поинтересовался Ларин. – Она что, уже не девушка?

– Нет-нет, мой добрый господин, она самая настоящая девушка...

– А откуда ты знаешь, что она – девушка? – грозно приподнялся из-за стола Андрей.

– О, простите, сударь, вы меня не так поняли... Энн Глюк уволилась по собственному желанию час назад. Я правда не хотел вас обидеть...

В этот момент входная дверь с грохотом отворилась, и в помещение ввалились шестеро молодчиков, двоих из которых друзья уже видели в толпе возле девушки-лохотронщицы.

Настроение у хозяина заведения чудесным образом переменялось: чуть ли не с распростертыми объятиями бросился он к вошедшим и старательно принялся что-то им объяснять, то и дело показывая пальцем в сторону наших друзей.

– Ну что, придурки, довыёживались? – Главный из громил, демонстративно вытащив из кармана кастет, шагнул к столику, за которым сидели оперативники и великий сыщик.

Примеру главаря последовали и остальные.

– Да вы чего, ребята? – Дукалис захлопал глазами и улыбнулся неосмотрительно приблизившемуся к нему бандиту. – Мы тут пивком балуемся...

Громила собрался съездить Толяну кастетом по голове и уже начал было замахиваться, но, видимо, слишком медленно, потому что в следующий момент дно большой деревянной кружки с полутора пинтами пива угодило нападавшему в лоб. Бандит лишь охнул, когда его физиономия скрылась под пивной пеной вперемешку со щепками и кусками дерева от расколовшейся от удара кружки, но устоял на ногах.

– Ух ты! – удивился Дукалис. – Были б мозги – точно бы получил сотрясение. Но должно же быть у этого бычары хоть что-то святое... – И он саданул громиле ногой в пах.

Эксперимент прошел успешно.

Бандюган заголосил дискантом и, приняв позу эмбриона, рухнул на грязный пол. Поэтому он не увидел, как умудренный боксерским опытом Шерлок Холмс ловким ударом нокаутировал второго из злоумышленников и начал пританцовывать возле третьего. Андрею пришлось хуже. На него набросились сразу двое, и он чуть было не

пропустил удар в голову, но рука противника на миг замерла в воздухе, а потом резко упала вниз.

Все это сопровождалось отчаянным воплем нападающего, заглушившим деловитое урчание сэра Лерсона.

На бульдога, до того мирно лежавшего под столом и слюнявившего у Дукалис брюки, злодеи обратили внимание только тогда, когда страшная пасть собаки вцепилась в толстый живот противника Ларина. Бандит нещадно орал, пытаясь оторвать от себя бульдога, но каждая попытка лишь прибавляла боли.

Появление сэра Лерсона ввело в замешательство второго из противников Андрея, чем Ларин не преминул воспользоваться, пару раз вмазав громиле по физиономии, а затем отступив на более безопасное расстояние.

Тут к обороняющимся подоспела помощь: любители рома ринулись к месту драки и довольно успешно схватились с двумя оставшимися злоумышленниками. В этот момент Холмсу удалось нокаутировать очередного бандита, и сыщик бросился на помощь Андрею.

Дукалис заметил, что подлый хозяин, видя, что бандиты терпят поражение, скрылся в подсобном помещении, и побежал следом за ним.

Тем временем сэру Лерсону наскучило висеть, вцепившись зубами в живот злодея и получая незаслуженные тумаки.

Он решил переменить место и на миг разжал челюсти, чтобы тут же вцепиться в более аппетитную часть тела обезумевшего от крика громилы. Догадайся трехсотфунтовый бедолага сесть на сэра Лерсона сверху, бульдогу, пожалуй, пришлось бы несладко. Но мыслить рационально бандит был уже не в силах, а потому, плюхнувшись на четвереньки, попытался выползти из бифштексной, увозя на пятой точке плотоядного пассажира.

Из подсобного помещения, где скрылся Дукалис, доносились истошные вопли:

— I'm not a student... No!.. *

* * *

Однажды майор Соловец был в командировке в братской Беларуси, там слегка перебрал на банкете по случаю успешного завершения совместной операции минской и питерской милиции и пришел в себя на скамейке в каком-то парке.

---

* Я не студент... Нет!.. (англ.).

Свежий ночной воздух оказал на майора вполне благостное действие, и, очнувшись, он почувствовал себя более-менее нормально. Но при этом он совершенно не представлял, куда его занесло. Тогда Соловец медленно потопал по еле различимой в густом тумане тропинке, которая, если исходить из логики, рано или поздно должна была вывести его на центральную аллею или к воротам парка.

Внезапно позади майора послышались шаги, и в ключьях тумана он увидел голову белой лошади, меланхолично взирающей на сильно помятого питерского мента.

– Здравствуйте, – мужским голосом сказала белая лошадь.

– Э-э-э, здравствуйте, – ответил Соловец, лихорадочно припоминая свой личный опыт прихода белой горячки и наиболее частые преследующие людей в погонах галлюцинации, список которых был им выписан из методического пособия для врачей «скорой помощи».

– Вы откуда будете? – вежливо поинтересовалась белая лошадь.

– И-и-з П-питера, – задрожал майор, нащупывая в кармане сигареты, зажигалку и все остальные предметы, обычно просимые по ночам в безлюдных местах и служащие прелюдией к основной части действия, когда жертву весело пинают ногами.

– А вы, случайно, не пьяный? – усомнилась лошадь и фыркнула.

– Да ни в одном глазу! – храбро соврал Соловец и яростно поморгал, надеясь, что животное исчезнет.

– Тогда извините, – как ни в чем не бывало заявила никуда не пропавшая лошадь. – А вы знаете, куда идти?

– Конечно, знаю, – обреченно сказал майор.

– Я могу вас подвезти, – предложила лошадь.

– Нет, не надо, – с достоинством ответил Соловец, но потом сообразил, что его слова звучат не очень-то вежливо и могут обидеть умное животное, и добавил: – Если что, я такси поймаю...

– Но вы точно не пьяный? – переспросила лошадь.

– Совершенно. – Майор положил руку на сердце. – Чтоб мне не сойти с этого места.

– Ну хорошо... Тогда до свидания, молодой человек. – Лошадь кивнула головой и медленно растворилась в тумане.

– До свидания, белая лошадь! – с облегчением крикнул Соловец.

Ответом ему был дружный хохот патруля конной милиции, дежурившего той ночью в парке...

Соловец припомнил этот случай в связи с тем, что место проведения операции «Был труп – нет трупа» оказалось затянуто таким же густым туманом, что и минский парк три года назад.

Нетвердо держащийся на ногах Плахов потряс зажатой в руке огромной ракетницей, конфискованной инспектором по делам подростков у десятилетнего пацана.

— Эх, надо было еще кого-нибудь с собой взять... Ни черта ж не видно!

— Взяли бы, — недовольно рыкнул майор, поддерживая старлея под локоть, — только вот наши друзья совсем оборзели. Ушли в два часа дня, и с концами. Завтра я им устрою...

— Может, случилось что? — Казанцев свернул шарф и засунул его в карман плаща.

— Ага, случилось! — Реплики Соловца источали змеиный яд. — Нашли ящик с водкой, вот что случилось...

— Тогда в отдел бы принесли. — Капитан был лучшего мнения о Ларине и Дукалесе, чем его непосредственный начальник. — Андрюха и Толян не жадные...

— Васек тоже мужик свойский, — подтвердил Плахов. — Он самогонку тестеву каждый раз из дома таскает...

Суровый, но справедливый Соловец вынужден был согласиться, что по части дележки алкоголя с друзьями все трое пропавших оперов могут служить примером для окружающих.

Казанова подбросил на руке подобранный минуту назад обломок кирпича, примерился и метнул вверх.

Бухнула взорвавшаяся лампа уличного фонаря, и тридцать метров пространства вокруг столба погрузились во мрак.

— Нормалёк. — Соловец остановил капитана, и так уже перебившего на пути к дому, где лежало тело убитого, с десятков ламп. — Хватит... Давай пройдемся до угла и начнем.

— Пошли, — закивал Плахов, и троица «убойщиков» не спеша потопала к невидимой для обычных бесксивных граждан границе района.

* * *

Скоро битва закончилась.

Поверженных бандитов сложили в углу заведения, добровольным помощникам выдали по бутылке настоящего виски из хозяйских запасов и благоразумно предложили побыстрее отсюда сматываться, пока не пришла полиция. Каковым предложением «юнги» не преминули воспользоваться, пожелав на прощание друзьям всяческих успехов.

Довольный Дукалис вылез из подсобки практически одновременно с грохотом входной двери, распахнутой пинком правоохранительного ботинка, и с истошным криком: «Halt! It's police!»*

Впрочем, сопротивляться или куда-то бежать никто и не думал.

Поверженные громилы постанывали в углу, потихоньку приходя в чувство. Законопослушные мистер Холмс с друзьями застыли на своих местах, а сэр Лерсон благоразумно смотрел на происходящее из-под стола.

– Здравствуйте, Холмс! – выбежал вперед невысокий худосочный господин в клетчатом пальто и огромном кепи, покоящемся на не менее огромных ушах. – Я смотрю, мы прибыли вовремя. Что здесь происходит?

– Дорогой Лестрейд, – дипломатично начал великий сыщик, – вы действительно прибыли как нельзя вовремя. Здесь только что местные хулиганы пытались свести друг с другом счеты. А владелец заведения, я в этом уверен, замешан в похищении своей сотрудницы – Энн Глюк. Но как вы обо всем догадались?..

– Работа у нас такая, – самодовольно заметил Лестрейд. – Кстати, а где этот негодяй – хозяин?

Дукалис незаметно для полицейского инспектора указал Холмсу на дверь в подсобку, и великий сыщик смог ответить на поставленный вопрос:

– Думаю, он скрывается там.

Но когда полицейские, сопровождаемые Холмсом и его друзьями, включая прибывшего Уотсона, заглянули в служебные помещения, их глазам предстала ужасная картина: на полу кухни лежал труп хозяина заведения. Лицо трупа было сине-красное, под глазами виднелись свежие синяки, нос разбит, язык вывалился изо рта, на шее отчетливо выделялась странгуляционная борозда – след от удушающего предмета.

– Ба! – оживился Лестрейд. – Я смотрю, здесь не только похищение человека, но и убийство. Но причина этому, вы нравы, – женщина. Посмотрите-ка на стену. Видите, убийца хотел написать кровью ее имя, но мы его спугнули. Как, мистер Холмс, вы говорите, звали бедняжку? Рэчел?

– Не-ет, – удивленно протянул сыщик, – ее звали Энн. Энн Глюк.

– Ну, значит, тут была замешана еще одна женщина, – ничуть не смутился инспектор. – Амазонка... Нет, лесбиянка. Да, точно, lesbi-

---

* Стоять! Полиция! (англ.)

янка... Она приревновала хозяина к своей подруге и убила, оставив на стене свой автограф: «Rache» *. Господа, – обратился инспектор к спутникам Холмса, – я думаю, что вам будет лучше подождать в зале, пока полиция осмолит место происшествия.

– Это мои ассистенты, – попытался было возразить Холмс.

Но Лестрейд лишь бросил в ответ:

– Это касается и вас. Если понадобится – я позову. – И кивнул рослому бобби: – Проводите их...

* * *

Бац!

Крепко сжатый кулак неизвестного с такой силой врезал Мартышкину в челюсть, что у Сысы даже вылетели из ушей серные пробки.

Тело стажера отбросило назад, и младший лейтенант башкой открыл дверь на улицу.

Бам-м-м!!!

Распахнувшаяся дверь содрогнулась, стукнувшись о стену.

Над поверженным и потерявшим сознание Сысойем склонились двое.

Один из них, похоже, был близким родственником орангутанга и имел на физиономии вертикальный шрам, как от удара саблей. Лицо второго было более интеллигентным и излучало неподдельное изумление.

– Не тот, – вздохнул орангутаноподобный.

– А зачем ты тогда его бил? – осведомился молодой парень с тонкими чертами лица.

– Ну так, блин, Диня... – стушевался бугай, – я думал, некому больше...

– Здесь еще шестьдесят квартир, – нравоучительно произнес интеллигентный. – В каждой в среднем по два-три человека. Итого – минимум сто пятьдесят...

– Это много. – Верзила погладил пудовый кулак.

– Ага, – ехидно заметил его собеседник. – Колотить – не переколотить...

– Диня, дык кто ж знал, блин, – огорчилось лицо со шрамом. – Нормальные люди давно дома сидят.

---

* Подобную надпись кровью наблюдали и герои А. К. Дойля в повести «Этюд в багровых тонах».

– А этот – ненормальный. – Быстрые руки ощупали одежду стажера и извлекли на свет божий краснокожее удостоверение. – Гордись, Стоматолог, опять мента положил.

– Я не специально... Диня, ну откуда мне было знать, что он мент?

– Угу... «Герр доктор, в газетах сообщают, что прошлой ночью в городском парке лось напал на еврея...» «Хм-м... Интересно, а как лось понял, что это был еврей?» – съязвил Денис Рыбаков. – Уходить надо. Мусора поодиночке обычно не ходят, только стаями. Придется нашего клиента в следующий раз подловить.

– А с этим что делать? – спросил Стоматолог.

– Пусть лежит, – решил Денис, спрятал удостоверение Мартышкина себе в карман, за ноги втащил тело стажера в парадное, sprysнул недвижимого младшего лейтенанта пахучим ликером «Амаретто» из приготовленной заранее плоской фляжки и поманил верзилу к лифту.

Спустя четыре минуты из соседнего подъезда вышли два человека, один из которых был на две головы выше другого и раза в три шире в плечах, сели в припаркованный неподалеку оранжевый внедорожник «шевроле субурбан» и скрылись в темноте позднего декабрьского вечера.

А еще через четверть часа тело младшего лейтенанта было погружено тремя ругающимися сержантами в «хмелеуборочную», вызванную неизвестным абонентом из телефона-автомата у ближайшей к месту происшествия станции метро.

* * *

– А скажи-ка мне, друг Толя, – Ларин обратился к своему коллеге, виновато хлопающему глазами, – какой иностранный язык ты изучал?

– В школе – английский, в техникуме – немецкий, – не понимая, куда клонит Андрей, отозвался Дукалис. – А что?

– А то, – зло заметил Ларин, – что «Rache» это не начало имени Рэчел, как думает этот Лестрейд. Мне почему-то кажется, что «Rache» это по-немецки «мсть». Может, возразишь, Толя?

– Да ты чего, Андрюха? – Дукалис уставился на Ларина. – Думаешь, это я его замочил?

– Я не думаю, а интересуюсь, что у вас произошло.

– Да ничего особенного, – потупился Дукалис, – этот козел побегал в подсобку, хотел через окно удрать... Ну я его и прихватил...

– Рукой – на удушающий захват, а разбитым носом, как фломас-тером, по стене, – перебил друга Андрей. Потом, заметив, что Толян скромно потупился, закончил: – Ты что, Димы Черкасова начитался? Решил по примеру Рокотова* города зачищать и начал с Лондона? «Где махнет рукой – там улица, где махнёт другой – переулочек»?

– Да не убивал я хозяина! Он раскололся, сказал, что девицу человек Мориарти увел в гостиницу «Нор-тум-бер-ленд», – Дукалис с трудом выговорил название, – и я отпустил этого халдея, к вам вернулся... Подожди-ка, а ведь окно в подсобке было открыто! Надо местным операм подсказать, пусть пальцы откатают.

– Откатать не откатают, а переломать могут, – угрюмо отозвался Ларин. – Какой год на дворе, забыл? Наверняка про отпечатки здесь ничего не слышали, дактилоскопию не изобрели еще... Кстати, кто это орал, что он «нот стыudent»?

Толян снова опустил голову и виновато похлопал глазами:

– Да я ничего... Ну, захожу в подсобку, говорю этому гаду: «Не беспокойся, бить буду аккуратно, но сильно. Ты понял, студент?» А он в ответ ка-ак заорет! Ну я и...

Ларин только обреченно вздохнул.

Последующий час, пока полицейские осматривали место происшествия, друзья обсуждали негодяйства, учиненные злобным Мориарти. Все единодушно пришли к выводу, что провокация с поездкой на рынок, похищением мисс Глюк, дракой и последующим убийством хозяина заведения была затеяна лидером «девонширских» с одной целью – подставить мистера Холмса и его новых друзей в надежде, что доблестная полиция арестует их по подозрению в совершении серии тяжких преступлений.

Оперативники и сыщик выдвинули правильную версию. Все обстояло примерно так, как они считали. Ошибочен был лишь мотив убийства: лидер «девонширских» заподозрил бедолагу в пособничестве Холмсу и потому немедленно расправился с хозяином заведения во избежание разоблачения. Единственное, что упустил из виду гениальный преступный ум Мориарти, так это наличие другого, не менее гениального ума инспектора Лестрейда: полицейский так увлекся сво-

---

* Влад Рокотов – герой серии бестселлеров Дмитрия Черкасова «Ночь над Сербией», «Последний солдат президента», «Крестом и булатом» и др. Прославился тем, что в одиночку победил войска НАТО в Югославии, злых чеченов в Питере, международных террористов в Минске, после чего отправился «зачищать» Ирак от наймитов мирового империализма.

ей версией о несчастной любви лесбиянок, что у него даже тени сомнения о причастности кого-нибудь другого к убийству не возникло.

«It's my revenge. Terrible revenge!»* – думал убийца, терпеливо ожидая в рыночной толпе, когда же полицейские наконец выведут закованных в наручники питерских оперативников...

* * *

– Тссс! – Соловец прижал палец к губам и выразительно посмотрел на беспечного Казанову.

– Чего «тссс»? – не понял капитан. – Тут же нет никого...

Оперативники из «убойного» отдела откинули пыльную дерюгу и теперь взирали на успевший окончить труп. Ноги у мертвого тела были широко расставлены.

– Тьфу, мать их! – в сердцах сплюнул майор.

– Чью мать? – нахмурился капитан, не любивший, когда при нем вспоминали чьих-либо родственников.

– Пэпээсников, будь они неладны. – Соловец попытался сдвинуть ноги покойника, но они не поддавались. – Имбецилы... Как мы теперь это поволочем?

– Поставим тело вертикально, возьмемся с двух сторон, – предложил сообразительный и опытный Казанцев, – и топ-топ, переставляя ноги, вперед и с песней... Так даже лучше. Со стороны если смотреть, так он, типа, сам идет. А мы, типа, помогаем гражданину дойти до дома...

– Думаешь? – Майор сдвинул шапку на затылок.

– Не забыл, как мы строительные козлы со второго этажа по лестнице спускали? Тот же способ... – Казанцев тактично не упомянул о том, что при преодолении седьмой ступеньки, если считать с момента начала движения, козлы вырвались из рук Ларина и Волкова и самостоятельно добрались вниз, передавив по пути тринадцать посетителей РУВД и пятерых милиционеров различного достоинства – от командированного из солнечной Махачкалы ефрейтора Мусоробекова до начальника дежурной части майора Чердынцева, выбежавшего на шум из своего закутка.

– А верно! – Начальник «убойного» отдела вспомнил давешний случай. – Тогда поднимаем, что ли?

---

* Это моя месть. Страшная месть! (англ.).

Казанова подхватил одеревеневшее тело под правую руку, Соловец – под левую, и вместе они поставили труп на ноги.

– Тяжелый, – посветовал давно не посещавший занятия по физподготовке капитан.

Первые двадцать шагов до выхода из парадного оперативники преодолели довольно легко, но в дверях начались проблемы. Труп никак не хотел пролезать в узкий проем, поэтому его пришлось пропихивать боком.

Казанова принимал тело с улицы, Соловец толкал изнутри парадного.

В какой-то момент капитан не удержал покойника, поскользнулся и очутился под навалившимися на него восемьдесятю килограммами мертвого веса. Соловец продолжал активно толкать, не обращая внимания на неразборчивое мычание Казанцева, и в результате окончательно заклинил тело в дверях, а расставленные ноги только ухудшили ситуацию.

Капитан с трудом выбрался из-под торчащего под углом в тридцать градусов трупа и недовольно уставился на содеянное.

В проеме показалось покрасневшее лицо Соловца.

– Чего встал? Тяни!

– Куда тянуть? – Казанова дернул покойника за сведенную от трупного окоченения руку. – Не видишь – вошел как родной. Надо вторую створку открывать... А защелка с твоей стороны.

– Сейчас – Майор поковырял пальцами проржавевший стопор, достал штатный ПМ и зацепил мушкой металлическую полоску с дырочками.

Рывок – и вторая створка двери открылась.

Обретший свободу труп рухнул на тротуар, скользнул по наледи к краю дороги и уперся головой в основание фонарного столба.

– Опа! – В голову Казанцеву пришла светлая мысль. – А чё мы его под ручки вести будем? Давай по льду дотолкаем, и всё...

Соловец огляделся по сторонам и махнул рукой.

– Ладно. Только осторожно... Но на углу все таки поднимем. А то перед Игоряном неудобно.

– Договорились.

До угла, откуда начиналась территория чужого райотдела, оперативники добирались минут пятнадцать.

Операция «переброска» завершилась немного не так, как рассчитывали Соловец с Казанцевым.

И все по вине неопытного Плахова, вопреки распоряжению старших по званию покинувшего определенный ему пост.

Он изрядно промерз на продуваемом всеми ветрами перекрестке и отошел на несколько шагов под защиту стены дома. Когда к нему под ноги приехал холодный труп, то от испуга Плахов инстинктивно нажал на спуск, направив дуло ракетницы на скользящую по льду темную массу, и ослепительный бело-розовый шар магниевго заряда взорвался рядом с грудью покойника.

Последствия выстрела из сорокамиллиметровой ракетницы на близком расстоянии ужасны.

Разбрасывающий искры стусток из горящей смеси порошков магния и алюминия, окрашивающих пламя в розовый цвет, сильно опалил труп.

Плахов решил, что убил случайного прохожего, поскользнувшегося в метре от него, и рухнул без сознания.

Вылетевшие из тумана Соловец с Казанцевым в недоумении остановились.

Они видели вспышку, слышали хлопок выстрела, но подумали, что их коллега таким образом салютует по поводу успешной доставки трупа на место переправы.

– Упс, – сказал Казанова, оглядывая открывшуюся взгляду сюрреалистическую картинку. – Теперь это труп соседнего района. Всё?

– Всё, – Соловец отряхнул руки и повеселел. – Берем Игоряна и дёру...

Глава 7

ГАДЮКА ВЫХОДИТ НА ОХОТУ

– А зачем нам отель «Нортумберленд»? – поинтересовался Холмс у Андрея, настаивавшего на немедленной поездке в это заведение. – Мисс Глюк, как я понимаю, была нужна, только чтобы приготовить нам ужин.

– Но ужин нам так и не подали, – заикнулся Ларин.

– Это их проблемы, – парировал Холмс.

– Но мисс Глюк уехала в «Нортумберленд».

– Это ее проблемы.

– Но она уехала с человеком Мориарти.

– Это его проблемы... Сам ее нашел, пусть сам от нее и избавляется. И, дорогой Энди, запомните: если леди выходит из экипажа – лошадям легче везти его в гору*.

Британское спокойствие великого сыщика вывело Ларина из себя, и Андрей заявил, что если Холмс не желает ехать в нужный отель, то оперативники это сделают сами. Раз с мисс Глюк находится человек Мориарти, значит, и сам лидер «девонширских» где-то неподалеку. Холмс ответил, что быстро только кошки плодятся. Сейчас же следует как минимум пообедать.

Сэр Лерсон, услышав знакомое слово «кошка», наострил уши и как-то подозрительно облизнулся.

---

* Дословный перевод с английского языка русского аналога поговорки «Баба с возу – кобыле легче».

Доктор Уотсон, бывший по обыкновению слегка навеселе, подержал своего кумира.

– Йес, – сказал он. – Война – войной, а обед – вовремя.

– Не спорь, Андрюха, – вздохнул Дукалис, – мы-то можем потерпеть, а песика кормить надо вовремя.

– Лучше бы его почаще выпускали на рынок охотиться, – махнул рукой Ларин. – Ладно, поехали.

Сэр Лерсон обиженно чихнул в сторону Ларина, затем благодарно вытер слюни о брючину Дукалиса и поспешил поскорее забраться в кэб. Следом двинулись и остальные участники... хм... прогулки.

* * *

Утро в РУВД началось с грандиозного разноса, устроенного подполковником Петренко начальнику «убойного» отдела майору Соловцу.

Раздражение Николая Александровича было вполне объяснимым.

Во-первых, вышедшие «перекусить» накануне днем Ларин, Дукалис и Рогов так и не вернулись ни на службу, ни вечером домой.

По крайней мере, Рогов точно не явился в лоно семьи, по поводу чего Мухомору уже звонил Васин тесть и ругался.

Дукалис с Лариным были людьми одинокими, так что проверить, дома они или нет, можно было только по телефону. Но телефоны не отвечали.

Не явилась в управление эта троица и наутро, зависнув неизвестно где.

Во-вторых, как только Мухомор пришел на работу, ему позвонили из вытрезвителя одного из окраинных районов и поинтересовались, стажирuется ли в его РУВД некий Сысой Бедросович Мартышкин, привезенный в полночь экипажем «хмелеуборочной» в состоянии полной отключки.

В-третьих, не успел Петренко отойти после сообщения о доставке младшего лейтенанта в заведение с холодными душами и жесткими койками, как с ним связался начальник управления соседнего района и принялся визгливо орать, что «такой подставы» он не ожидал, что подчиненные Петренко совершенно потеряли все представления о ментовских чести и порядочности и что с этого момента Мухомору объявляется натуральная война. Подполковник попытался выяснить, с чем связан утрeнный крик коллеги, но получил в ответ лишь «крысу в

погонах» и угрозы завалить подведомственную Николаю Александровичу территорию «бесхозными трупами».

Финальным аккордом хмурого утра стал визит проверяющего из ГУВД, явившегося на час раньше намеченного срока и доведенного до истерики увиденной им надписью над окошечком в каморку Чердынцева, которая гласила: «Дежурный». Надпись была исполнена алой краской одним из задержанных, мелким торговцем анашой, которого за помощь в оформлении свежевставленного стекла отпустили домой. Увлекавшийся исключительно собственным товаром и полными белыми женщинами азербайджанец написал слово «дежурный» в соответствии с полученными им в школе небольшого высокорного аула знаниями грамматики русского языка, а никому из милиционеров не пришлось в голову проверить написанное...

– Я мечтаю о том времени, когда выйду на пенсию! – орал озверевший Петренко на потупившего взор Соловца. – Буду сидеть на лавочке с другими пенсионерами, играть в шахматы и на заявления о том, что «все менты – козлы», только кивать головой и соглашаться! Ты мне скажи, где эти бандиты?! Если пьют, то почему не на работе?! Куда они делись, я тебя спрашиваю?!

– Я... – начал майор.

– Молчать, когда с тобой начальник разговаривает! – Мухомор врезал кулаком по столу. – И не смотри на меня сквозь зубы! Думаешь, я не знаю, что ты там себе думаешь?! Думаешь, пооручи-пооручи и успокоюсь?! Не выйдет! – Подполковник сунул под нос Соловцу фигуру из трех пальцев. – Это видел?! Да они у меня будут теперь месяцами с работы не вылезать! И водки с этой минуты ни грамма! Я заставлю вас всех закодироваться! А стажер?!

– Что стажер? – не понял начальник «убойного» отдела.

– Мне звонили из вытрезвителя! – продолжал бушевать Петренко. – Понимаешь?! Из вы-трез-ви-те-ля!!! Сотрудник милиции попал в вытрезвитель! Из моего отдела! Это же ЧП! – Подполковник немного слукавил. Сотрудники МВД обладали всеми конституционными правами граждан России, включая и право быть доставленными в вытрезвитель, что чрезвычайным происшествием не считалось. – Человека послали к нам на стажировку, и через две недели он уже всё! Законченный алкаш!

– Мартышкин же не пьет, – вставил словечко удивленный Соловец.

– Не пьет?! – Мухомор даже подскочил в кресле. – Это называется «не пьет»?!

– Но... – Майор хотел сказать, что Сысой употреблял, самое большее, бутылочку пивка в день, что в оперском, да и в любом другом мужском коллективе в расчет не принимается.

– Молчать!!! – От начальственного рева зазвенели подвески на люстре. – Поедешь и заберешь своего «непьющего», ясно?! Сам! Лично! Без ансамбля!

– Слушаюсь. – Соловец тихонько икнул.

– И вот еще что. – Петренко снизил уровень звука. – Мне звонили от соседей... Вы там вчера ничего?

– В смысле? – Майор изобразил на лице сильное удивление.

– Ну... В смысле... Не напортачили?..

– Даже близко не подходили, – звенящим от искренности голосом ответил Соловец.

– Может, эти три придурка во главе с Лариным? – вслух начал размышлять Мухомор. – Нажрались как свиньи и начудили? Хотя вряд ли. Что им у соседей делать... Вот если б у швей в общежитии что-нибудь произошло, тогда б я точно на них подумал... А так... Ладно, езжай за стажером. Я сам разберусь. – Подполковник подвинул к себе толстый справочник с телефонами и принялся сосредоточенно его листать. – Иди.

Соловец, подобострастно пятясь, вышел из кабинета начальника РУВД и только в коридоре позволил себе облегченно вздохнуть.

* * *

На Бейкер-стрит друзей ждал очередной сюрприз в виде чьей-то трости, забытой в прихожей. На трости чуть ниже набалдашника красовалось серебряное кольцо с надписью: «Джеймсу Мортимеру, Ч.К.Х.О., от его друзей по ЧКЛ».

Миссис Хадсон пояснила, что Холмса разыскивал некий крайне взволнованный джентльмен, который обещал навестить еще раз, позднее. После этого оперативникам пришлось выслушивать пространные рассуждения великого сыщика, касающиеся владельца трости. Причем протрезвевший Уотсон все время пытался встрять в разговор, выдвигая самые невероятные версии относительно рода занятий визитера.

Доктор тут же заявил, что буквы «КЛ» означают «клуб», скорее всего охотничий. Это восхитило Холмса как приверженца дедуктивного метода:

– Вы превзошли самого себя!.. Я в неоплатном долгу, друг мой!*

Уотсон немедленно взялся записывать комплименты великого сыщика, чтобы впоследствии с точностью воспроизвести их в очередном нетленном творении. Холмс же принялся рассуждать самостоятельно, не оставив камня на камне от выводов доктора. Для начала он обратил внимание благодарных слушателей, что буквы «ЧК» означают не что иное, как «Черингкросская».

– Вот никогда бы не подумал! – искренне удивился Ларин. – Я-то всегда считал, что ЧК расшифровывается иначе! Послушайте, Шерлок, а почему бы последние буквы не прочесть как «Чрезвычайная комиссия Лондона»?

– Потому что «Л» в данном случае означает лечебница, – немедленно возразил Холмс. – Я в этом уверен.

– А доказательства? – продолжал настаивать Андрей.

Великий сыщик, казалось, смутился. Ему на помощь пришел раздавшийся в прихожей звонок.

Сыщик бросился открывать.

– Вы бы не подшучивали над Шерлоком, Энди, – зашептал Уотсон, – он очень обидчив. Впрочем, если вам интересно, могу кое-что объяснить: сэр Мортимер был у нас еще третьего дня и подробно рассказал, кто он и откуда. Но ведь мой друг должен постоянно демонстрировать свой талант.

Андрей поспешно согласился, тем более что на лестнице послышались шаги и голоса.

– А теперь услуга за услугу, – еще быстрее зашептал доктор Уотсон, обращаясь к Ларину. – Я раскрыл вам страшную тайну Шерлока, но сейчас должен уйти. Прошу вас, попытайтесь как-нибудь объяснить Холмсу причину моего ухода. Ну, скажем, что я обнаружил на столе срочный вызов к больному. Договорились? Кстати, у вас не найдется взаймы пары шиллингов на покупку лекарств? Нет? Жаль. Ну, всего доброго!

Доктор спрятался за открывшейся в этот момент дверью и, подождав, пока великий сыщик с новыми гостями войдут в комнату, потихоньку выскользнул из нее.

– Джентльмены, – обратился Холмс к оперативникам, – разрешите вам представить... Сэр Мортимер. Сэр Генри Баскервиль... А где же доктор?

---

* Цитата из «Собаки Баскервильей», где герои действительно подобным образом обсуждали достоинства трости.

Ларин торопливо объяснил, что компаньона сыщика срочно вызвали к больному.

В ответ Холмс лишь пробурчал, что знает он этих больных и докторов тоже. Раз виски закончилось – значит, и беседу поддерживать нет никакого смысла. Но тут же спохватился и продолжил знакомство:

– Это мои ассистенты, мистер Ларин и мсье Дукалис... Из Америки, но только – ш-ш-ш! – никому ни слова.

Пообещав оперативникам, что все подробности объяснит им чуть позднее, сыщик приступил к беседе с сэром Генри, который тут же принялся сетовать на отвратительные жилищные условия и сервис местной гостиницы.

– Заплатите налоги – и спите спокойно, – вставил было великий сыщик, но гость лишь отмахнулся, заметив, что дело совсем в другом.

По словам этого замечательного джентльмена выходило, что вороватые служащие намерены куда-то дели его старый башмак, выставленный в коридор отеля на предмет чистки.

Сегодня же пропал другой, уже новый штаблет.

Андрей по старой оперской привычке прикинул, что отказать пришедшему господину в возбуждении уголовного дела по данным фактам нетрудно. Главное – придумать, где достать справку о разгуле цунами в районе Темзы или, на худой случай, об ураганном ветре, сметавшем на своем пути не только обувь, но и целые мотоциклы*.

Но тут оперативник с горечью сообразил, где находится, и молча продолжил выслушивать стенания сэра Генри.

– А сегодня, вы представляете, – возмущался канадский гость, – мне вдобавок подкинули какое-то странное письмо. Вот, почитайте. – И он протянул Холмсу бумагу.

Текст письма был вырезан из газеты и наклеен аккуратно на лист: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот».

Пока Холмс с помощью лупы рассматривал бумагу, Ларин заинтересованно изучал конверт. На месте, предназначенном для адреса, виднелась надпись: «Отель Нортумберленд».

Андрей незаметно ткнул Дукалиса локтем в бок и кивнул на адрес:

– Смотри, Толян! Надо срочно ехать в отель.

---

* История с «улетом» мотоцикла подробно описана Андреем Кивиновым в повести «Кошмар на улице Стачек».

Анатолий, в ногах которого мирно похрапывал сэр Лерсон, в ответ лишь утвердительно подмигнул.

Через некоторое время великий сыщик, обратившись к оперативникам, поинтересовался, что они думают об этой истории. Те еще раз подтвердили, что ехать в отель необходимо, хотя, по их мнению, «дело» о пропаже ботинок явно отказное.

– «Отказное», значит... – Андрей постарался доходчиво объяснить английскому сыщику смысл этого выражения. – Это значит, что «ви хэвн't эни криминал»^{*}.

– Ну почему же? – задумчиво отозвался Холмс и искоса поглядел на сэра Генри, прикидывая размеры состояния канадского бизнесмена. – Все зависит от размера гонорара. Давайте-ка поедем сейчас в отель, тем более что вы, Энди, туда, кажется, собирались. А по дороге продолжим нашу беседу.

Воспользовавшись благоприятным моментом, проснувшийся сэр Лерсон выклянчил у Дукалеса остатки его обеда. Благополучному исходу этой акции способствовало тщательное и неоднократное вытирание сопливой морды о штаны оперативника. Правда, после того как Дукалис, дабы спасти одежду, сунул бульдогу последний кусок бифштекса, сэр Лерсон достойно удалился и удобно расположился в мягком кресле, разложив на нем трапезу.

– Сэр, – почтительно обратился Холмс в сторону жующей пасти, – не могли бы вы оставить в покое мое кресло и перейти пообедать куда-нибудь в другое место? Тем более что мы сейчас уезжаем.

Но увещевания сыщика оказались тщетными.

Обиженный сэр Лерсон, демонстративно повернувшись к невежливому джентльмену задней частью своего тела, лишь обиженно пукнул, показывая всем своим видом, что аудиенция окончена.

* * *

– Мужиков прикрыть надо, – констатировал озабоченный репутацией оперативников Казанова, выслушав рассказ Соловца об угрозах Петренко.

Трезво-молчаливый Плахов согласно кивнул.

– Надо-то надо. Но как?

Казанцев кивнул на сейф, где, как он точно знал, стояла поллитра «Столичной».

– Может, для легкости мысли?..

---

^{*} Преступления нет вообще (англ.).

– Для легкости мысли могу дать лизнуть марочки. – Соловец намекнул на хранящиеся в том же сейфе вещдоки по делу об убийстве торговца ЛСД, представлявшие собой два конверта с блоками марок, украшенных серпами и молотами. Один раз Казанова уже зажевал марочку, после чего ему сутки мерещились болонки размером с трехэтажный дом и бегающие по столу слоники высотой со спичечный коробок, которых он пытался прихлопнуть рукояткой пистолета.

Капитан обиженно засопел.

– Так. – Майор набросил на плечи куртку и двинулся на выход. – Я – за Мартышкиным, а вы тут думайте...

Казанова присел на подоконник и проследил, как Соловец забрался на переднее сиденье тарахтящего УАЗика. Когда бело-синий «козел» скрылся за поворотом, капитан достал из кармана отвертку, поковырял замок сейфа, распахнул тяжелую дверцу и выставил на стол бодрящий напиток.

– Ну что, по граммულке? – Казанцев подмигнул Плахову.

– Грех отказываться, – согласился старший лейтенант.

* * *

По дороге в «Нортумберленд» великий сыщик, как обещал, достаточно добросовестно и подробно поведал о проблеме мистера Мортимера.

Клиент, оказывается, показал Холмсу манускрипт, датированный 1772 годом. В документе воспроизводилась старинная легенда о проклятии рода Баскервильей и о циничном насильнике Хьюго, пострадавшем за свои развратные наклонности. Ларин заметил, что «и у нас насильников не жалуют, могут всей камерой любить по очереди», но сыщик сказал, что здесь дело совсем в другом. Мистер Хьюго скончался либо при совершении насилия, либо непосредственно после его завершения. Слуги погибшего слышали жуткий вой и видели самого настоящего болотного дьявола около места преступления.

– Я лично ничего необычного в этом не вижу, – возразил Холмсу Ларин, – наверняка местные полицейские не захотели ухудшать показатели раскрываемости, нажали на свидетелей, разъяснив, что при иной версии происшедшего они сядут как соучастники. Вот и все дела. Помнится, в прежние времена криминал чуть ли не полностью на нечистую силу списывали. Сидит себе какой-нибудь шериф, рост преступности в округе – ноль процентов. А что касается трупов да хищений – во всем то домовые, то тролли, то привидения ваши любии-

мые виноваты... Вы что-нибудь слышали, Шерлок, о лицах так называемой кавказской национальности?

Холмс отрицательно замотал головой.

– Тем не менее, – продолжил многомудрый опер, – в некоторых странах считается, что все беды идут именно от них: что запор, что золотуха, что сибирская язва в почтовых конвертах, что отобранные на Олимпиаде медали, что дурацкая экономическая политика правительства... То же с вашими привидениями и болотным дьяволом. Неужели не слышали местный фольклор: «Козы в Бельгии съели капусту, воробьи – рис в Китае с полей, а в Британии дьяволы с хрустом истребили полезных людей»^{*}?

В фольклоре великий сыщик не был силен, но возразил своему оппоненту, что случай с Баскервиями не так прост, как кажется.

Дело в том, что недавно, по словам Мортимера, неожиданно скончался потомок Хьюго – почтенный сэра Чарльз Баскервиль. Вышел из дома и не вернулся. Труп бедолаги обнаружили у тропинки, ведущей через болота.

– Возможно, вы где-то правы, – нехотя согласился великий сыщик. – Осматривая место преступления, наши бобби даже не удосужились описать толком следы. А вот Мортимер заметил, что сначала на песке были отпечатки подошв ботинок покойного, затем – только отпечатки носков ботинок. А ведь это безусловно означает, что человек бежал^{**}.

Ларин хмыкнул в ответ, заметив, что почтенный человек не в состоянии бежать на носках, а при быстром беге по песку отпечаток носка просто не сохранится: нога ведь ставится на почву не вертикально сверху, а отталкивается от земли под углом. Значит, след будет деформирован изначально и отпечатки носков ботинок при беге попросту невозможны. Другое дело, когда отпечатки оставляются «аккуратно», например, при ходьбе на цыпочках. Ну а если человек пожилой, степенный и, видимо, достаточно грузный, то даже при быстром беге он будет ставить на песок стопу полностью или сначала пятку. Носком же он, в лучшем случае, будет лишь завершать соприкосновение.

Сыщик недоверчиво слушал рассуждения оперативника.

---

^{*} В действительности Ларин несколько перефразирует строки из песни В. Высоцкого «Про мангуста».

^{**} Подобным образом рассуждал герой А. К. Дойля в «Собаке Баскервильей».

– Послушайте, Шерлок! – не выдержал Андрей. – Если вы не верите, проведите следственный эксперимент. Ну, попросите, если не Уотсона, то хотя бы моего упитанного друга, пробежаться пару раз туда-сюда, и вы легко убедитесь в моей правоте!

Но Холмс, увлеченный собственным рассказом, только отмахнулся: мол, пустяки, расскажу Уотсону, он распишет как-нибудь позаковыристее – пипл и схавает, – а затем продолжил описание трагедии, происшедшей с сэром Чарльзом. Оказывается, полицейские не отметили в протоколе обнаруженные доктором Мортимером телесные повреждения: пониже крестца у трупа виднелись две ровные ранки. Доктор уверял, что они очень напоминают укусы гадюки, только гигантских размеров, так как расстояние между следами зубов было не менее восьми дюймов. Об этом даже сообщила одна из местных газет...

– А сколько это, восемь дюймов? – переспросил у Андрея Дукалис.

– Примерно сантиметров двадцать... Не мешай, я потом тебе расскажу...

– А что самое интересное, – продолжил Холмс, – Мортимер видел неподалеку следы копыт дьявола.

– Но может, там просто прогуливалась лошадь? – не унимался недоверчивый Ларин. – Или, на худой конец, корова?

– Нет, дорогой Энди, – отверг это предположение сыщик, – копыта были раздвоенные, а значит, не лошадиные. Но чтобы вы окончательно перестали сомневаться, скажу: копыта были меньше, чем у коровы. Это гадюка выходила на охоту! Болотный дьявол! Главное же... – Холмс воздел вверх длинный палец с обкусанным желтоватым ногтем. – Главное, что сэр Мортимер явно чувствовал отвратительный серный запах! К тому же доктор клянется, что однажды он собственными глазами видел этого дьявола, несущегося по болоту!.. Впрочем, мы уже подъезжаем к «Нортумберленду»...

Глава 8

ЛЮБОВНИК ОХРАННИКА

Отель, куда прибыли наши друзья, отнюдь не напоминал современные «пятизвездки». Обшарпанные стены, заплыванные ступени лестницы перед входом, отсутствие солидного швейцара, всего один одинокий кэбмен, безуспешно поджидающий на улице пассажиров...

Но только Холмс и его спутники очутились в вестибюле, как к ним тут же бросилась дородная служащая, исполняющая, по всей видимости, обязанности дежурного администратора.

– О, господа, наконец-то! Мы ждем полицию уже второй час! Вы не представляете, как это ужасно! – причитала дама, увлекая прибывших за собой вверх по лестнице. – Я вам сейчас покажу номер, в котором произошло убийство! Господи, репутация отеля! У нас такое добропорядочное заведение!

Холмс не стал разубеждать администраторшу в ее заблуждении относительно полиции и потребовал немедленно сообщить подробности происшествия.

Выяснилось, что злополучный номер сегодня с утра заняла молодая пара. Служащая отеля даже запомнила, что мужчина обращался к своей спутнице по имени: Энн.

«Энн Глюк!» – пронеслось в голове у Андрея.

– Потом я с охранником зашла в служебную комнату выпить чаю, – продолжала рассказ администраторша, – он, проказник, еще такой смешной анекдот рассказал... Я так смеялась, что мы чуть с постели не упали! Но, представляете, в этот момент... Ну, когда мы спокойно принимали ленч, в комнату вбегает какая-то кокетка и кричит: «Джон, там клиента твоего зарезали!» Мы все втроем бросились к этому номеру, я открываю дверь... Господи! Все в крови! Ну, я нико-

го внутрь не пустила, велела Джону отправить рассыльного за полицией, а сама оставила горничную охранять номер, чтобы туда никто не вошел.

– А поставка уличных женщин тоже входит в комплекс услуг отеля? – ехидно осведомился Холмс.

– Что вы! – замахала руками администраторша. – У нас приличное заведение! Сейчас, слава святой деве Марии, не времена инквизиции. Свечку ни над чьей постелью мы держать не должны. Это личное дело наших клиентов, кого они приглашают в гости. А шлюху ту Джон задержал. Он и сейчас ее охраняет. Там, внизу.

– Послушайте, Холмс, давайте хотя бы коротко переговорим с этой проституткой, прямо сейчас, – вмешался в разговор Ларин и, наклонясь к самому уху сыщика, закончил шепотом: – А вдруг это и есть ваша барышня? Я имею в виду Энн Глюк.

Холмс, оценив предложение оперативника, тут же развернулся и двинулся в обратную сторону, к конторке дежурного администратора.

Путана находилась в служебном помещении за конторкой под неусыпным наблюдением мистера Джона. Охранник так рьяно исполнял свой долг, что бедной девушке ничего не оставалось, как то и дело вопить: «Невинова-атая я, он са-ам прише-ел!» Разъяренная администраторша с не менее громким боевым кличем вцепилась задержанной в волосы.

Кое-как оперативникам с помощью Холмса удалось растащить их по разным углам и приступить к получению объяснений.

Проститутка после заданной ей трепки выглядела испуганной и, запинаясь, начала лепетать, что ее вызвал в номер клиент, передав записку через рассыльного.

При этом администраторша зло сверкнула глазами и тайно показала девице кулак, что, впрочем, не ускользнуло от бдительных глаз Ларина.

Путана, продолжая рассказ, сообщила, что когда, постучавшись, она вошла в номер, то буквально с порога увидела, что из-под кровати торчат чьи-то ноги, а на полу виднеется кровавое пятно.

– Я сильно перепугалась, побоялась, что меня обвинят в убийстве этого рыжего и в краже дорогого бумажника с деньгами и какими-то документами, который был у него. Поэтому я сразу же, ничего не трогая, выскочила в коридор, а потом побежала вниз, к охраннику. Когда я нашла Джона, то сразу же обо всем ему рассказала...

– Еще бы не рассказала, – вмешался в разговор здоровенный парень в форменной одежде, – только это не ты меня «нашла», это я

тебя поймал чуть ли не за задницу, когда ты пыталась свалить к выходу...

– Ну, это не имеет значения, – перебила мужчину путана. – Я тоже не дура, чтобы себе приключения искать да в «мокрые» дела ввязываться. А ты, козел, только рад при случае своими лапами похватать за всякие места!..

В ответ на вопросительный взгляд Ларина Холмс лишь отрицательно мотнул головой, и наши герои, оставив проститутку на попечение охранника, вновь поднялись наверх.

В коридоре у злополучного номера бдительно дежурила горничная.

Внутри аккуратно убранной комнаты лежал труп мужчины. Его голова и туловище находились под кроватью, застеленной пледом, наружу высывались лишь ноги в нечищенных штиблетах. Посередине помещения растеклась лужа крови, размазанная в направлении кровати.

– А убили-то скорее всего с помощью этого ножа, – задумчиво произнес Дукалис, заметив неподалеку от кровати на полу здоровенный тесак, клинок которого был, как пишут в протоколах, «в пятнах темно-бурого цвета, внешне напоминающих кровь». После убийства труп, очевидно, пытались затащить под кровать, чтобы он не слишком привлекал взгляд. Анатолий зажег спичку и осторожно заглянул под кровать. Затем присвистнул:

– Ого, неслабо! Замочили, похоже, с одного удара. Там, кажись, дыра на спине, а внизу крови натекала целая лужа.

Ни принадлежащих постояльцу вещей, ни следов борьбы видно не было.

В это время по коридору глухо загрохотали шаги, послышались решительные голоса, и в комнате появился тщедушный Лестрейд в неизменном клетчатом пальто и огромной кепке.

– О, Холмс! – воскликнул инспектор. – Как вам удалось появиться здесь раньше полиции? Это подозрительно. Вот велю вас – ха-ха! – всех арестовать. Нет, скажите откровенно, как вы разнюхали, что здесь произошло убийство?

Холмс вымученно посмеялся остроумной шутке Лестрейда.

Затем взял себя в руки и сообщил, что в гостиницу прибыл вместе с ассистентами совершенно по другому поводу, к остановившемуся тут сэру Генри Баскервиллю.

– И если бы служащие отеля хотя бы попытались выслушать наши объяснения, то не потащили бы нас сюда, в номер, приняв за полицейских.

– Холмс! – снова обрадовался Лестрейд. – Я же всегда говорил, что у вас физиономия классического бобби. Если вас послать на рынок, рядом не произойдет ни одной кражи: таким людям, как вы, даже форма не нужна – им само лицо помогает. Впрочем, на этот раз ваша помощь не потребуется: убийцу мы сейчас же арестуем и доставим в Скотленд-Ярд.

На вопрос Холмса, кто же подозревается в убийстве, инспектор тут же объявил, что это – администраторша отеля.

Дескать, только у нее были ключи от номера, и именно она могла спокойно зайти внутрь и зарезать постояльца.

– Для чего? – непроизвольно вырвалось у Ларина.

– Из ревности, молодой человек, из ревности, – нравоучительно изрек Лестрейд. – Пусть ваш патрон объяснит подробнее, но суть такова: эта женщина приревновала постояльца к своему любовнику Джону, который одновременно был любовником погибшего. Пока Джон находился внизу, администраторша ненадолго отлучилась, совершила убийство и, никем не замеченная, вернулась продолжать ленч... Ну, вы, джентльмены, можете идти, а нам придется еще немного поработать.

– Спасибо за науку, мистер Лестрейд. Это просто гениально! – восхитился прозорливостью полицейского Ларин. – Я думаю, Скотленд-Ярд уже связал это преступление с изобличенной вами лесбиянкой из бифштексной?

– Мы изучаем этот вопрос, – отозвался детектив, залезая под кровать, чтобы лучше рассмотреть лицо труп.

* * *

В целях повышения уровня культуры обслуживания и оправдания расценок за оказываемые услуги в вытрезвителе номер семнадцать каждое утро проводились часовые лекции для проспавшегося контингента.

Темы лекций были самые разнообразные.

Алкоголикам рассказывали и о структуре галактик, и о нюансах клонирования, и о методах использования пластиковой посуды при строительстве пригородных домов, и о выращивании чая в предгорьях Тибета, и о многом-многом другом.

В то утро, когда за Мартышкиным отправился майор Соловец, в вытрезвителе говорили о дятлах.

– Дятел оборудован клювом, – с места в карьер начал лектор, оглядывая сине-зеленые лица слушателей. – Клюв у дятла казенный. Он долбит. Если дятел не долбит, то он либо спит, либо умер. Не долбить дятел не может. Потому что клюв всегда перевешивает. Когда дятел долбит, то в лесу раздается... Если громко – то, значит, дятел хороший. Если негромко – плохой, негодный дятел... Дятел может скакать с ветки на ветку так же ловко, как матрос с брамселя на бушприт. Умело брошенный дятел пролетает не менее тридцати метров, втыкается по пояс и висит два часа. Мнение по любому поводу у дятлов всегда отрицательное... Сильный дятел может долбить за двоих. Гигантский дятел, в природе, увы, не встречающийся, может задолбать небольшого слона. Синхронные дятлы водятся только в Австралии и работают парами, звеньями и так далее, вплоть до полка... День рождения дятлов – пятница. Переносимая дятлом доза – триста децибелов, либо сто сорок рентген, либо семьсот двадцать вольт, либо четыре пинка кирзовым сапогом... Дятел-самец, выполненный из железобетона в масштабе один к тридцати двум, является наилучшим памятником тестю. Пятьсот дятлов, склеенные встык в виде сплошной панели, представляют собой роскошное зрелище...

Лектор отпил воды из стакана и продолжил с еще большим воодушевлением:

– Итальянский храмовый дятел является единственной в мире жующей птицей, а его самка, согласно поверью, способна высываться из дупла на три четверти... А вот испанский дятел, к примеру, отличается от обычного температурой тела и работоспособностью... Подземные дятлы долбят в полной темноте, с закрытыми глазами, по памяти. Их предками были упавшие в колодец подбитые дятлы... Отдельного вида бешеных дятлов не существует, однако количество таковых в любой популяции – тридцать семь процентов. Розовый поющий дятел, как и его пляшущая разновидность, встречается в основном в местах скопления алкоголиков. – Специалист по дятлам воздел вверх правую руку, словно истинный ариец при виде любимого фюрера. – Почти все городские дятлы – одноразовые, с пластиковыми клювами размером три на десять сантиметров и изменяемой геометрией крыла... Промышленный пневматический дятел до сих пор вызывает споры среди орнитологов. В частности, подвергается сомнению его способность к воспроизводству, хотя в Кузбассе так называемые «отбойные» дятлы сидят в огромных количествах на всех

деревьях и даже пользуются некоторыми гражданскими правами наряду с шахтерами и говорящими попугаями... Основной пищей дятлов всех видов является размоченная слюнями древесная долбанина. Описаны также случаи нападения дятлов на мешки с сахаром и фруктовые пироги... Друг другом дятлы, как правило, брезгуют. Случаи конфликтов дятлов с людьми редки, однако в Поволжье следует опасаться так называемого «темечкового» дятла, жертвами которого становятся пожилые люди, пренебрегающие панамой. Скорость полета такого дятла – больше тридцати метров в секунду, он наводится на солнечный блик, не боится воплей и всегда доводит дело до конца. Полная противоположность ему – безмятежный пуховый дятел, живущий, как правило, в зарослях ландышей и незабудок. Он, в сущности, не является птицей, так как проводит всю жизнь сидя, из-за чего его крылья срослись, образовав пальто, а клюв имеет только нижнюю половину. Кормится подаяниями. Выраженной иерархии среди дятлов не наблюдается, хотя крупный дятел запросто может издолбить мелкого. В случае внешней угрозы колония дятлов не изученным пока образом выделяет из себя начальника, – лектор посмотрел на сидящего с полуоткрытым ртом заместителя начальника вытрезвителя, – обычно... м-м-м... майора, и обороняется под его руководством. После отражения угрозы такой дятел становится пингвином и покидает колонию. Срок полного созревания дятла в яйце – две недели с момента удара яйца о дно дупла. Маленький дятел сидит тихо и жрет все, что ему подают. Основная ошибка дятлов – так называемый «внутридупловый перекорм», из-за которого гибнут многие, так и не сумевшие выбраться наружу молодые птицы. Ручной дятел – явление столь же редкое, как и ножной, потому что приручить дятла можно только тремя ныне забытыми старинными словами. Домашний дятел хранится завернутым в мягкую портяночную материю и при бережном обращении не просыпается. В древности на Руси дятлы служили в княжеских банях ходячими вешалками для белья, толченые и квашеные дятлы украшали любое застолье, а редкостный по красоте двуглавый дятел послужил прототипом нашего нынешнего герба. И последнее. Если на каком-нибудь карнавале вы оденетесь дятлом – вас ждут слава, успех и большая удача в любви... В качестве развивающих пособий, если вас заинтересовала тема дятлов, могу предложить имеющиеся в библиотеке Академии наук книги «Мой маленький гвоздила» и «Клюв – это не только оружие», выпущенные при поддержке орнитологического общества города Биробиджана...

Алкоголики вяло заплодировали.

Сидящий в последнем ряду наркоман, по ошибке привезенный вместе с тремя бухариками из гостиницы «Крестьянин», где те громили ресторан на первом этаже, и втихаря выкуривший жирный косячок из мелко нарубленного сушеного сельдерея, принятого им за разновидность индийской конопли, встал со своего места и поднял руку.

– Да? – обрадовался лектор, ожидая вопроса по существу.

– Я сказку написал. Про зверей. Там про дятла тоже есть.

– Н-ну... – стушевался лектор. – Давайте послушаем.

Торчок пробрался к сцене, взобрался на трибуну и, раскачиваясь, словно китайский болванчик, принялся декламировать родившийся под влиянием сельдерея текст:

– «Зверская жизнь», сказка с моралью... Медведь был безобразным, косолапым и грязным животным. Однако добрее его не было никого во всем лесу. Но звери замечали только его внешность, на что медведь жутко обижался, ловил их и жестоко избивал ногами. Поэтому звери его не любили. Хотя он был очень добрым... И веселым... Он любил задорные шутки. За эти шутки звери его скоро жутко возненавидели и били. Да, трудно быть на свете добрым и веселым... Волк был тоже безобразным и грязным. И еще он был очень злым и жестоким. Но звери не испытывали к нему ненависти и не били. Потому что волк умер еще в раннем детстве. Потому что медведь родился раньше волка. Да, хорошо, когда добро побеждает зло... Заяц тоже был злым и жестоким. И грязным. И еще он был трусливым. Гадостей заяц никому никогда не делал. Потому что боялся. Но его все равно били. Потому что зло всегда должно быть наказано... И дятел тоже был злым и жестоким. – При слове «дятел» лектор напрягся. – Он не бил зверей, потому что у него не было рук. Поэтому он вымещал свою злость на деревьях. Его не били. Потому что не могли дотянуться. Однажды его придавило насмерть упавшее дерево. Поговаривали, что оно отомстило. После этого звери целый месяц боялись мочиться на деревья. Они мочились на зайца. Заяц простудился и умер. Всем было ясно, что во всем был виноват дятел. Но его не тронули. Поскольку не смогли выковырять из-под упавшего дерева. Да, зло иногда остается безнаказанным... Крот был маленьким и слепым. Он не был злым. Он просто хорошо делал свое дело. Это он подкопал дерево, которое упало на дятла. Об этом никто не узнал, и поэтому его не избили. Его вообще били редко. Чаще пугали. Но его было очень трудно испугать, потому что он был слепой и не видел, что его пугают. Когда не удавалось испугать крота, звери очень огорчались. И били медведя. Потому что им было очень обидно. Однажды медведь тоже захотел испугать

крота. Но крот не испугался. Потому что медведь его убил... Нечаянно... Просто медведь был очень неуклюжим. И звери его за это очень сильно избили. Даже несмотря на то, что медведь сказал, что пошутил. Плохо, когда твои шутки никто не понимает... Лиса была очень хитрой. Она могла запросто обхитрить кого угодно. Когда ей это удавалось, то ее не били. Но иногда ей не везло. И ее били. Били всем лесом. И она уже не могла кого-нибудь обхитрить. Потому что очень трудно кого-нибудь обхитрить, когда тебя бьют... Однажды ее избили до смерти... Кабан был большой, сильный и страшный. Его все очень боялись. И поэтому его били только всем лесом. Или просто кидали в него камнями. Кабан этого очень не любил. И однажды ночью он спрятал все камни в лесу. За это его очень сильно избили. Больше кабан никогда не прятал камни. Воистину говорят – время собирать камни и время их не трогать никогда... Козел не был ни злым, ни добрым. Он был просто козел. Он часто козлил. И его боялись бить. И он своим козловством всех достал. И тогда его избили до смерти. Потому что иначе он бы умер от старости. Когда-нибудь... Когда козел умер, медведь сильно плакал. Потому что он втайне любил козла. Да, любовь зла, полюбишь и козла... Ежик был маленький и колючий. Он кололся. Он не был злым, он кололся по своей природе. Из-за этого его били только в живот. Ежик этого не любил и стал бриться наголо. И тогда его стали бить как всех. Да, очень трудно быть не таким, как все... Скунс был почти таким, как заяц. Но только очень вонючим. Он плохо пах. Его били только в полиэтиленовом пакете. Тогда запах был не такой сильный. Однажды у скунса был день рождения. Он пригласил всех зверей, потому что был жадным и любил подарки. И звери подарили ему новый полиэтиленовый пакет. И сильно избили. До потери сознания. И скунс задохнулся в пакете. Так его и похоронили. В пакете. В очень дальнем лесу. Потому что мертвый скунс вонял еще сильнее... Потом пришли жители очень дальнего леса и всех сильно избили. Им не понравился запах мертвого скунса. Да, с соседями надо жить в мире... Хомяк был тоже очень жадным. И богатым. Если бы он делился своим богатством, его бы били не так сильно. Но он был очень жадным. За это его били сильно. И ему все равно приходилось делиться. И он горько плакал. Да, богатые тоже плачут... Лев был царь зверей. Он правил лесом. Царей бить не положено. Это закон. Но звери давно забили на закон... Звери били и льва. Ни за что. Потому что так уж здесь повелось. Вот...

Мартышкин, уснувший под заунывный голос наркомана, с привистом захрапел.

Холмс попытался высказать недовольствие Андрею за то, что тот влез в разговор с Лестрейдом, но Ларин возразил – пусть, мол, полиция приложит силы к поиску неуловимой госпожи Глюк, тем более это может способствовать освобождению из Тауэра невиновной администраторши.

Великий сыщик тут же возмутился наивностью мистера Энди.

– Конечно, определяя мотивы убийства, Лестрейд ошибся. На самом деле дежурная по отелю наверняка пособница Мориарти, она должна была помочь спрятать миссис Глюк. Мужчина же захотел воспользоваться девушкой, поэтому и вытащил нож. Но Глюк удалось бежать с помощью более опытной дамы из отеля. Обороняясь, администраторша и зарезала нападавшего. Вот он, мой великолепный метод, Энди! Лестрейд ведь ничего не знает о миссис Глюк. Но она была. А теперь ее нет! Вот вам и разгадка убийства. А теперь пойдемте-ка к сэру Генри. Он заждался нас.

– Не знаю, как вы, Шерлок, – заупрямился Ларин, – а я предлагаю подождать здесь, у входа, когда отпустят проститутку, и переговорить с ней еще раз. А потом уж мы пойдем к Баскервиллю.

– Какого черта? – не выдержал сыщик. – Объяснитесь!

Но тут Андрей неожиданно расплылся в улыбке и, заговорщицки подмигнув Холмсу, заявил, что разгадал его хитроумный план – заставить гостей, воспользовавшись гениальным методом дедукции, самим прийти к выводам, уже известным великому сыщику. Тот, польщенно раскланявшись за «великого», что-то неопределенно промычал в ответ. Пауза позволила Ларину восстановить пошатнувшиеся было отношения и рассчитывать на дальнейшую помощь.

Андрей заметил (естественно, только после самого Холмса!), что гостиничная проститутка солгала: если она и правда лишь заглянула в номер, то не могла знать, что убитый рыжий, ведь его голова и туловище были под кроватью. Кроме того, девица проговорила о некоем «дорогом» портмоне покойника, набитом деньгами, о чем она также ничего не могла знать. Следовательно, шлюха может быть причастна к убийству. Но сама она убить не могла.

Холмс удивленно вскинул брови.

– Дело в том, – продолжил Ларин, – что девица на вид достаточно слабая, тесак огромный, рана – Толян подтвердит – сквозная. Чтобы нанести такую, нужна немалая мужская сила. Я бы еще отработал и вариант с этим Джоном, охранником. Помните, проститутка, по словам администраторши, обращалась к нему по имени? А потом, уже

при нас, делала вид, что видит этого человека впервые. Значит, у нее есть что скрывать... Скажите, Холмс, я правильно угадал ход *ваших* мыслей?

Сыщик величественно кивнул головой: «Да, мои уроки пошли вам на пользу», – а потом поинтересовался, куда же, по мнению Ларина, делась миссис Глюк.

Но Андрей никакого понятия об этом не имел, в чем честно признался Холмсу, заметив, правда, что данный вопрос его интересует гораздо меньше, нежели местонахождение Мориарти.

– Думаю, этот гад просто убирает ненужных свидетелей и при этом внимательно следит за нами. Цепочка фактов вырисовывается очень любопытная: только мы хотим наведаться на Блошиный рынок, как от имени вашего человека, Шерлок, приходит послание, что вы... хм... ну, в общем, оскорбительного содержания. Затем, когда мы попадаем в бифштексную, нас уже ждут какие-то головорезы, хозяин заведения с которыми заодно. Только он открывает рот, как тут же становится трупом. Мы направляемся в «Нортумберленд», и буквально перед нашим приходом еще труп... Я же просил приехать сюда пораньше!

– А вот этого делать не следовало! – замахал руками Холмс. – Ну, прибыли бы мы во время убийства, еще неизвестно сколько трупов оказалось бы по соседству. Скажите спасибо, что Лестрейд одержим идеей любовного треугольника, а то бы мы уже к завтрашнему утру признались не только в этих прегрешениях, но и в попытке завладеть английской короной.

* * *

После того как водка была выпита и в бутылку залита вода в точном соответствии с объемом исчезнувшей жидкости, приободрившись Шахову на ум пришла гениальная идея переодеться в яркую куртку капитана Ларина, сиротливо поджидающую своего хозяина на вешалке в углу, и побродить в таком виде по двору под окнами кабинета Петренко. А Казанова должен был заглянуть типа «по делу» к подполковнику, «невзначай» выглянуть во двор и «увидеть» спешащего куда-то Ларина, о чем незамедлительно сообщить Мухомуру, продемонстрировав тому вещественное доказательство путем совместного наблюдения из окна.

Благо Плахов был одного роста с пропавшим капитаном и изда- лека их вполне можно было перепутать.

Сказано – сделано.

Наряженный в желто-синюю куртку старлей отправился во двор, а Казанова, пожевав кофейное зерно, лавровый лист и пожухлый стебелек герани, дабы хоть как-то отбить запах огненной воды, — к подполковнику.

Спектакль прошел на «ура».

Мухомор едва не выбил стекло, узрев наглого «Ларина», деловито пробежавшего из одного конца двора в другой, затем обратно, и так три раза.

— Вот видите, товарищ подполковник? — Казанова приплясывал рядом с Петренко и старался дышать в сторону. — Никуда Андрюха не исчезал... Видать, с «глухарьком» возится. Ну, вы помните, месяц назад, когда бизнесмена замочили... И Васю дежурные видели, он утром забегал. — По пути в кабинет начальника РУВД капитан договорился с дружкой-сержантом, что тот подтвердит присутствие Рогова в восемь тридцать утра, за четверть часа до прихода Мухомора. — Так что всё путем.

— А что он туда-сюда мечется? — От беготни «Ларина» у подполковника зарябило в глазах.

— Греется, — нашелся Казанцев. — На улице такой дубак!

— Почему в отдел не заходит? — В голосе Петренко возникло подозрение.

— Видать, ждет кого-то. Он говорил, что у него тут поблизости «барабан» живет...

— А-а, работа с агентурой. — Мухомор успокоился. — Это правильно. В свое время у каждого сотрудника был целый штат агентов. Вот, например, у меня... — Подполковник осекся и закашлялся. — Всё, иди, работай...

— Есть, Николай Александрович! — Казанова молодецкато выпятил впалую грудь, развернулся и строевым шагом покинул кабинет начальства.

А Петренко грустно покачал головой. Потому что тот единственный раз, когда ему, тогда еще никакому не подполковнику, а обыкновенному старшему лейтенанту удалось завербовать агента, обернулся великим конфузом.

Ибо сексот оказался педиком, влюбленным в молодого старлея Колю, о чем радостно поведал в первом же донесении, направленном непосредственно на имя тогдашнего начальника РУВД и озвученном на общем собрании трудового коллектива. Несостоявшийся «ценный агент» с гордо поднятой головой уехал на четыре года валить лес в

Сибирь^{*}, так и не дождавшись в камере СИЗО^{**} визита своего «пас-сия», а Петренко зарекся проводить какие-либо вербовки и переключился на административную работу.

* * *

Дружеская беседа неожиданно прервалась в связи с появлением в дверях гостиницы знакомой леди. Девушка выскочила наружу и, подбрав длинные юбки, пустилась наутек.

– Вперед! – крикнул Холмс, устремляясь в погоню за беглянкой.

Его примеру последовали и оба оперативника.

Пытаться догнать среди бела дня на городских улицах миловидную женщину – дело неблагодарное. Очевидно, путана быстро сориентировалась в ситуации и принялась на ходу истошным голосом орать на весь Лондон: «Помогите! Насилуют!»

Холмс, умудренный общением с добропорядочными обитателями туманного Альбиона, умерил свою прыть. Притормозил и несколько растерявшийся Андрей.

Но Дукалис то ли не слышал из-за свиста ветра в ушах криков беглянки, то ли не сумел их перевести на русский, а потому лишь прибавил темп, сметя по пути каких-то двух джентльменов, неосмотрительно попытавшихся преградить ему дорогу.

Джентльмены, не ожидавшие столь неблагородного поведения и к тому же заметившие, что к ним приближаются еще двое решительных господ, поспешили ретироваться в ближайшую подворотню.

Бежать девушке было достаточно сложно: мешали широкие юбки и туфли на каблуках, то и дело подворачивающихся на каменной мостовой. Кроме того, на пути проститутки, как назло, оказался разносчик молока, непозволительно медленно везший свою тачку с бидонами посреди узенькой улицы. Впрочем, девушка быстро нашлась и буквально повисла на шее опешившего молочника, продолжая кричать об изнасиловании и указывая в сторону догонявших ее мужчин.

В этот момент из ближайшего паба выскочила тройца завсегдатаев и, быстро оценив обстановку, бросилась на помощь леди. К ее последующему великому сожалению, спасатели не заметили из-за повозки с бидонами жестов жертвы насилия и потому ориентировались только на ее голос.

---

* Напоминаем читателю, что Уголовный кодекс РСФСР предусматривал ответственность за гомосексуализм.

** Следственный изолятор.

Бедный молочник ничего не мог сказать в свое оправдание, потому что был немедленно сбит с ног, после чего добровольные стражи порядка приступили к воспитательной работе, мигом позабыв о спасенной. Воспользовавшись этим, Дукалис благополучно перепрыгнул через повозку, по пути опрокинув пару ни в чем не повинных бидонов, заливших своим содержимым место справедливого возмездия и его участников...

К тому времени когда запыхавшиеся Холмс и Ларин истошно вопя что-то вроде «Стоять, полиция!», умудрились с большим трудом отодрать джентльменов от несчастного молочника, Дукалис со слегка расцарапанной физиономией привел к своим коллегам пойманную беглянку. Чтобы впредь не злоупотреблять благородными чувствами лондонцев, был остановлен кэб, и уже через некоторое время задержанная с максимальной откровенностью давала показания на Бейкер-стрит, 221-Б.

Глава 9

УСТРИЦЫ ИЗ КРЫЖОПЛЯ

По требованию Ларина заплаканная путана после некоторых колебаний извлекла из-под своих юбок толстенный кожаный бумажник и бросила его на стол.

– Все, все заберите, бобби позорные! Лишили бедную девушку последних средств к существованию!

Впрочем, ее стенания не произвели особого впечатления на присутствующих. Холмса и его новых друзей гораздо больше интересовали подробности происшествия в гостинице.

Задержанная, назвавшаяся Лили, довольно быстро сообразила, что из предложенной ей альтернативы Канары все же предпочтительнее, чем нары, а потому довольно быстро все рассказала. По ее словам выходило, что охранник Джон подрабатывал на жизнь сутенерством. Именно он велел Лили обслужить нового клиента. Когда она поднялась в номер, постоялец был там не один, а с девушкой, которую при появлении проститутки запер в туалете. Едва путана успела оказать клиенту «небольшую услугу» и зашла ненадолго в ванную, как в номер без стука вошел неизвестный. Лили услышала шум и благоразумно притихла. Затем до ее ушей донесся сперва короткий крик девушки, а затем грубый мужской голос, требовавший, чтобы та немедленно пошла с ним. Хлопнула входная дверь, и все стихло. На всякий случай переждав еще несколько минут в ванной, Лили вернулась в комнату, где увидела труп постояльца.

– Что я, по-вашему, должна была работать бесплатно? – размазывая по щекам слезы, оправдывалась задержанная. – Я еще раньше

заметила, что клиент спрятал бумажник под подушку. Ну и достала его оттуда... А сдачу я бы потом верну-у-ла!..

И Лили заплакала еще громче.

Пока длился ее рассказ, Дукалис внимательно изучал содержимое бумажника, выкладывая на стол его содержимое. Вдруг оперативник удивленно присвистнул и окликнул Ларина:

– Смотри-ка, Андрюха, тебе это ничего не напоминает?

Перед глазами оперативников лежал обрывок газеты, из которой кем-то были вырезаны отдельные слова.

– Шерлок, куда вы засунули принесенное Баскервилем письмо? – обратился Ларин к великому сыщику.

Тот, порывшись в разбросанных по комнате бумагах, нашел письмо и удивленно протянул Андрею. И невооруженным глазом было заметно, что слова предупреждения, наклеенные на лист бумаги и вложенные в конверт, вырезаны из обрывка газеты, обнаруженного в бумажнике.

– Вот оно! – воскликнул Холмс – Я так и знал, что злодей использовал номер лондонской «Times»! Но при чем тут сэр Генри? Об этом стоит подумать.

– Главное, что люди Мориарти каким-то образом причастны к Баскервиль-холлу, – решил Ларин. – Это значит, Шерлок, что наши намерения опять совпадают. Вы мечтаете получить гонорар, мы – поймать негодяя Мориарти. Поэтому решайте, что делать с Лили, и поедем назад в отель, пообщаемся с Генри и Мортимером.

Холмс надолго замолчал. Мозг великого сыщика лихорадочно работал, просчитывая различные варианты развития событий. Наконец гениальное решение пришло.

– Энди, я думаю, что с работой в Баскервиль-холле вы справитесь и без меня... Нет, лучше это сделает ваш товарищ. – Холмс выразительно посмотрел на Дукалиса, безуспешно пытающегося понять ход талантливых рассуждений. – А мы останемся в Лондоне. Юной леди я займусь лично. Тут некоторые вещи требуют дополнительного изучения...

– Что он хочет? – Толян недоуменно дернул Ларина за рукав. – Я что-то не въезжаю.

– Все элементарно, Толя, – по-русски отозвался его товарищ. – Он мечтает поймать жирную халяву, уцепиться за ее хвост и купаться в лучах чужой славы. То есть ты самостоятельно отработаешь вариант с болотной гадюкой, я буду батрачить в столице, а наш сыщик тем

временем станет «дополнительно изучать» у Лили «некоторые», так сказать, «вещи».

– Фиг вам! – обиделся Дукалис. – Халявы не бывает! Пусть его Уотсон сам и отправляется на болота. Ему все равно, где пить...

Холмс, услышав имя «Уотсон», по-видимому, все понял и замал руками, давая понять, что ни за что не допустит лишить несчастных пациентов их благодетеля.

– А тебя – пиарщика... – снова буркнул по-русски Дукалис, но договорить не успел.

Андрей неожиданно поддержал великого сыщика:

– Yes, of course! You should walk job in London, but Duke must go to out the Devil*.

– Ruff! ** – возмутился проснувшийся сэр Лерсон. – Ruff! Ruff! *** – прокомментировал он раздавшийся внизу грохот.

* * *

«Поспешишь – людей насмешишь», – подумал Соловец, глядя на неподвижное тело маленькой девочки, которое спасатели в оранжевых жилетах и бордовых касках извлекали из-под огромного колеса самосвала.

Путь от РУВД до вытрезвителя занял почти два часа.

И всё из-за сильнейшего гололеда, такого полезного прошлым вечером, когда майор и двое его подчиненных переправляли труп неизвестного на территорию соседей, и такого раздражающего сегодня.

Около сорока минут УАЗик простоял в пробке, образовавшееся по причине препирательств толстого усатого гаишника и водителя остановленного инспектором спецавтомобиля городской коммунальной службы.

– Я в двадцатый раз спрашиваю, – гаишник орал так, что его вопли были слышны в радиусе пятидесяти метров, – что у вас из машины сыплется?!

---

* Конечно же, Ларин хотел сказать, что ему и Холмсу следует остаться работать в Лондоне, а Дукалису – ехать разбираться с «Болотным дьяволом». Но, к сожалению, из-за издержек образования, сказанная фраза звучит по-русски примерно так: «Да, конечно! Нам следует прохладиться в Лондоне, а Дюк должен убираться к черту!»

** Гав! (англ.).

*** Гав! Гав! (тоже англ.).

– А я тебе в двадцатый раз отвечаю! – рычал водитель в распахнутом на груди заячем тулупе, под которым виднелось туго обтянутое теплой тельняшкой с начесом пивное брюхо вместимостью эдак литров на пятнадцать-двадцать. – Зима!!! Гололед!!! Посыпаю!!!

«Ничего, – майор выбросил в окно хабарик и с удовольствием вспомнил удачно проведенное мероприятие. – Может, кому-то этот лед тоже поможет...»

Мартышкина ему выдали без проблем.

Соловец для порядка немного поорал на посеявшего удостоверение стажера, затем сменил гнев на милость и попытался узнать, каким это образом трезвого Сысою занесло на коечку вытрезвителя. Младший лейтенант, не получивший даже сотрясения мозга после удара пудового кулака в челюсть, что-то невнятно мычал, ибо последним фактом, запечатленным в его памяти, была поездка из офиса издательства «Фагот» в неизвестном направлении.

Маршрут и цель поездки были напрочь выбиты из головы Мартышкина.

Майор согласился со столами стажера, что жизнь сотрудника милиции полна интереснейших приключений и опасностей, и порекомендовал Сысою продолжить изыскания по заявлению гражданина Грубецкого. А также пореже появляться в отделе, дабы не попадаться на глаза озлобленному Мухомору.

Мартышкин согласился с мнением старшего товарища и клятвенно пообещал раскопать всю подоплеку внутрииздательских интриг, закончившихся исчезновением автора книг о «Народном Целителе». Для чего ему опять надо было ехать в «Фагот», но перед этим заскочить домой и сменить пахнувший «Амаретто» и порванный в семи местах серенький костюмчик на что-нибудь более подходящее для бравого российского стража порядка.

Соловец приказал водителю УАЗика подбросить Сысою до его дома, а сам отправился в РУВД на метро, справедливо рассудив, что так будет быстрее.

* * *

Когда Холмс отправился выяснять причину шума на первом этаже, Дукалис поинтересовался у товарища, что тот задумал. Андрей объяснил, что от Холмса в Баскервиль-холле толку будет мало. Но приглядеться, не скрывается ли в тех краях Мориарти, следует.

– Не зря же его люди отправили письмо сэру Генри. Может, они какие-то виды на тамошнюю недвижимость имеют или «дольку ма-

люю» от наследства в 740 тысяч фунтов получить хотят... В общем, ты съезди, посмотри, что там и как. Да и тебе с твоим знанием английского в деревне будет спокойнее. Я останусь здесь, постараюсь раскрутить Холмса, чтобы он вывел меня на «шотландских» – эти только рады будут узнать, что на лидера «девуширских» тоже у кого-то есть зуб: сами на блюдечке все выложат. Ну а Шерлок... Шерлок пусть прикрывает нас от полиции, там у него все схвачено.

Учитывая, что группировка Мориарти носила название «девуширской», Толян счел предложение друга резонным и на поездку согласился. Единственное, о чем Дукалис попросил Ларина, – чтобы тот уговорил Холмса дать ему в сопровождающие сэра Лерсона, оказавшегося, по мнению оперативника, единственным существом в этой гнилой стране, которое его хорошо понимает. Андрей поклялся, что выполнит просьбу друга. Переставшая плакать Лили, воспользовавшись тем, что о ней забыли, незаметно протянула руку к пачке ассигнаций, лежащих на столе, но попытка не удалась, так как бдительный сэр Лерсон вовремя укусил девицу за ляжку. Та коротко взвизгнула и отдернула руку.

– Что случилось? – осведомился Ларин, на что Лили обиженно пискнула: дескать, этот кобель такой же маньяк, как и большинство мужчин, – что-то хочет, а денег нет.

Сэр Лерсон оскорбленно фыркнул.

Андрей философски заметил: «Нэйчерэл инглиш джентльмен дон'т тэйк мани фром ледиз»^{*}.

Их мирный разговор прервало появление, а вернее, внос в комнату тела доктора Уотсона.

– Не смотрите, что я худой, – прокомментировал Холмс свои действия по транспортировке, – зато я жилистый. – И скинул пресс-секретаря с плеча на мягкий диван. – Кстати, можете еще раз проверить эффективность моего дедуктивного метода. Вы знаете, где был мистер Уотсон?

– Известно где, – встряла в беседу обиженная Лили, – развлекался с честными девушками, нажрался, как скотина, в притоне и при этом не заплатил.

Тема своевременной оплаты услуг явно была близка сердцу этой леди, но Холмс чуть ли не захлопал в ладоши от удовольствия:

– А вот и не угадали! Он заплатил! За все заплатил, так как в его карманах не осталось ни одного пенни. И лицо у него не побито.

---

^{*} Настоящий английский джентльмен денег с леди не берет (англ.).

Значит, ушел по-хорошему, за все рассчитавшись. И не в притоне он был, а в приличном частном клубе. Посмотрите-ка на брюки и сюртук Уотсона. Видите, вот следы от русской икры. Это пятно, – великий сыщик потянул носом, – от прекрасной мадеры. А это... Да, конечно! Это организм доктора отказался принять очередную устрицу из Лозанны – вон ее останки прилипли к сорочке. Где вы видели, чтобы в притонах подавали такие деликатесы?

– Правильно, – поддержал Андрей сыщика, – и девушек доктор не обижал.

– Как вы догадались, друг мой? – изумленно вскричал Холмс.

– У нас – я имею в виду, в Америке – говорят: либо пить, либо любить. Кроме того, за время, которое отсутствовал Уотсон, невозможно так нажраться и еще успеть заняться любовью.

– Почему же невозможно? – осведомился Дукалис. – А наш друг Казанова?

– Неужели вы были знакомы с этим красавчиком? – Лили заинтересованно уставилась на Толяна. – Это правда, что он мог... хи-хи... сорок раз за ночь?

Ответить Дукалис не успел, так как из кресла, где покоилось тело Уотсона, донеслось вполне различимое бормотание:

– Вот щас встану и все запишу! Че вы там говорите про любовь?

В конце концов Лили была выпровожена из квартиры на Бейкер-стрит, Уотсон уложен спать, а оперативники вместе с великим сыщиком еще раз наведались в «Нортумберленд», где в спокойной обстановке побеседовали с сэром Генри.

Наследник Баскервильей выписал На имя Холмса чек, сумма которого, судя по увлажнившимся от умиления глазам сыщика, заканчивалась не одним нулем, и выразил радость по поводу прикрепленной к нему охраны в лице опытного мистера Дюка.

Попутно сэр Генри упомянул, что англичане, видно, не такие вороватые, как ему казалось: утерянный новенький штиблет был обнаружен в шкафу. Наследник Баскервиль-холла уверял, что о его приезде из Канады посторонние не знали и ничего подозрительного вокруг себя он не заметил.

Было решено, что завтра с утра Генри с Дукалисом поедут в Девоншир, где доктор Мортимер попытается познакомить оперативника с тамошними обитателями.

– Только давайте для конспирации будем называть моего ассистента, ну скажем, доктор Уотсон, – решил Холмс, – так будет удобнее.

– Только, ради бога, не позволяйте ему никого лечить, – вставил Ларин.

Затем, улучив момент, когда великий сыщик увлекся обсуждением премиальных, Андрей напомнил товарищу, чтобы тот подробно записывал все, что увидит, и пересылал письма на Бейкер-стрит.

– Только не вздумай как в ОРД* писать: «Несмотря на комплекс оперативных мероприятий... задания, поставленные лицам, находящимся на связи... не представилось возможным...» Ну и прочую чушь. Нам конечный результат нужен – взять Мориарти. И пожалуйста, не лезь сам в болота. Это только танки да «КамАЗы» грязи не боятся, а у нас здесь ни «воша», ни «гоу», ни тети Аси. Вляпаешься в какое-нибудь дерьмо – ввек не отмоемся. Усек?

– Да ты чего, Андрюха? В первый раз, что ли? – обиделся Дукалис, задумчиво почесывая за ухом похрюкивающего от удовольствия сэра Лерсона. – Если что, он у меня вроде «Орбита» – защищает зубы с утра до вечера. Съел – и порядок!

* * *

– Получилось! Получилось! – Капитан Казанцев подхватил стул и закружился с ним по кабинету в ритме вальса, пока Плахов прятал свернутую куртку Ларина в шкаф и заваливал ее папками со старыми оперативными делами.

– Надо бы принять для сугреву, – заявил промерзший до мозга костей старший лейтенант.

– Если только чай, – помрачнел Казанова и поставил стул на место. – Заначку Георгича мы уже того... А денег у меня нет.

– У меня тоже, – в унисон с товарищем загрустил Плахов.

Перспектива отогреться пусть горячим, но отнюдь не горячительным чаем показалась обоим оперативникам ужасающей.

– Не, так не пойдет, – рассудил Казанцев, вздохнул и глубоко задумался.

Если бы достать долларов двести-триста, то их в избытке хватило бы на организацию коллективного застолья с приглашением женского пола из общежития напротив РУВД, где обитали любимые Казановой дородные ткачихи с фабрики «Розовая пролетарка». Особенным расположением капитана пользовалась одна тучная дама, занимавшая пост заместителя коменданта, которую товарки называли несколько странным для женщины прозвищем «Карлос Шакал».

---

* ОРД – оперативно-розыскное дело.

Дукалис и сопровождающий его сэр Лерсон остались в отеле, дабы не бросать без присмотра наследника Баскервильей. Последнее, что донеслось до ушей Холмса и Ларина, когда они покидали гостиницу, – это истошные вопли сэра Генри. Из этих стенаний сыщик и его новый помощник сделали вывод: что не удалось местным воришкам, то успешно выполнил сэр Лерсон. Оказывается, пока клиенты обсуждали с великим сыщиком вопросы гонорара последнего, он умудрился сожрать пресловутый ботинок наследника Баскервиль-холла.

Холмс решил в номер не возвращаться, его благоразумному примеру последовал и Ларин. Уже через полчаса они без приключений добрались до Бейкер-стрит, где убедились в отсутствии настоящего доктора Уотсона, который, очевидно, пошел с визитами к очередным тяжелым больным.

Холмс некоторое время безуспешно рылся в своей картотеке, пытаясь по просьбе Андрея найти какую-нибудь информацию о лидерах «шотландских».

Потом, отчаявшись, пообещал гостю что-нибудь разыскать позднее и схватился за свою скрипку, из которой вскоре полился душераздирающий мотив старинной шотландской баллады про болотного дьявола: «Call me with you – I'll come back across angree nights»*. При этом великий сыщик еще умудрялся тихонько подпевать себе под нос на тему того, как чудовище, вылезая из своего логова, обещает вернуться, чтобы «сделать день короче». Эта гадюка грозила достать жертву везде, даже если та попытается рисовать в небе звезды, и (Ларин не успевал на слух переводить все слова) что-то сотворит с мечтами.

Только Холмсу не суждено было допеть песню о местном Терминаторе. Раздался звон оконных стекол, и в комнату влетел какой-то предмет. Взрыв, яркая вспышка, клубы дыма...

Кто-то истошно закричал с улицы: «Пожар!»**

Ларин едва успел присесть за огромное кресло, чтобы уберечься от осколков, как услышал твердый голос великого сыщика:

– Не смейте, Энди! Они только и ждут, когда мы бросимся к спрятанному в стенах сейфам, чтобы извлечь оттуда секретные бумаги.

---

* Позови меня с собой – я вернусь сквозь злые ночи (англ.).

** Подобное происшествие и последующие логические рассуждения были описаны А. К. Дойлем в рассказе «Скандал в Богемии».

Так всегда поступают люди в подобных ситуациях. Но мы назло врагам не сделаем этого! Вставай, проклятем заклеименный!..

Дальнейших указаний Андрей услышать не успел, так как очередным взрывом Холмса смело к дверям и великий сыщик кубарем покатился вниз по лестнице, а затем, не снижая скорости, вывалился через входную дверь на крыльцо дома, где и затормозил, наткнувшись на приплясывающего на мостовой Уотсона.

– Ага! – обрадовался доктор, от которого щедро несло запахом виски. – Я знал, что вы поступите согласно вашему замечательному методу! А ну-ка, покажите, какие документы вы захватили с собой? Банзай!

И Уотсон кинул очередной взрывпакет вдоль улицы, где тот со страшным грохотом сдетонировал, заглушая хрипы злоумышленника, в горло которого мертвой хваткой вцепился великий сыщик.

– Говорите, доктор, кто вас этому научил? Говорите, кто-о-о? – Холмс яростно орал и тряс своего летописца – Кто это придумал?..

– Вы-ы, сэ-эр-р... – прохрипел перепуганный Уотсон, пытаясь отодрать от своей шеи руки сыщика.

* * *

Соловец подошел к отделению как раз в тот момент, когда спины Казанцева и Плахова исчезли за углом здания.

Майор сплюнул с досады прямо на крыльцо РУВД, поняв, что коллеги опять бросили его в одиночестве и смылись, сославшись на «оперативную необходимость».

На первом этаже, где располагались дежурная часть и клетки для временно задержанных, царила нервозность, вызванная обещанием проверяющего из Главка вернуться к вечеру и проверить, исправлены ли замеченные недостатки.

У стекла суетился спешно доставленный обратно наркодилер-азербайджанец, стиравший смоченной ацетоном губкой надпись «Дьяжюрний» и косивший выпученным фиолетовым глазом на Чердынцева, выразительно подбрасывавшего на ладони толстый том толкового словаря.

Путья клеток отдраивали «Кометом» двое торчков, сутки назад обсуждавших вертолеты и танки, линолеум скреб мужчина профессорского вида в драповом зеленом пальто, задержанный возле лица за приставания к тамошним несовершеннолетним ученицам, а плафоны ламп дневного света протирали три дамочки из парикмахерской неподалеку, учинившие прямо на рабочем месте разборку с директо-

ром заведения, задержавшим им положенную зарплату, и в пылу разбирательств напрочь отстригшие ему левое ухо.

Соловец прошел на свой этаж, без всякой надежды заглянул в кабинет оперов, убедился, что тот девственно пуст, если не считать нескольких кучек мусора вперемешку с вешдоками по углам, и последовал к себе.

Там он открыл сейф, налил полстакана «Столичной», задержал дыхание, выпил, негромко выматерился себе под нос и опростал бутылку в горшок с усохшим кактусом.

Затем тяжело опустился в кресло, поставил локти на стол и сжал голову руками.

* * *

Ларину, выскочившему вслед за Холмсом на улицу, с трудом удалось предотвратить казавшееся неизбежным убийство и заставить обоих разгоряченных джентльменов вернуться в квартиру. По дороге они общими усилиями извлекли из камина забившуюся туда миссис Хадсон. Старушка была так перепугана, что не могла это сделать самостоятельно и лишь все поминала всякую нечисть.

Затем Уотсону был учинен допрос с пристрастием.

Несчастный террорист не запирался и поведал, каким образом ему в голову пришла мысль «пошутить». Оказывается, едва доктор, решив опохмелиться, вышел на улицу как к нему подошел неизвестный высокий худощавый джентльмен в темном плаще и предложил соединить капиталы, чтобы купить бутылку. «Макс», – представился он. Уотсон охотно согласился. Потихоньку разговорившись, доктор начал рассказывать о подвигах Холмса, подогреваемый подхалимскими восклицаниями вроде: «Да ну?!» и «Не может быть!» Услышав историю о скандале в Богемии, Макс и вовсе не поверил, предложив поспорить, что все это проделки «черного PR», а сам великий сыщик обязательно бросится к сейфу при криках: «Пожар!»

– Ну, тогда мы с Максом хлебнули еще и решили тормознуть кэб, – рассказывал доктор. – Райское наслаждение, скажу я вам, мчаться к китайцам, чтобы купить пиротехнику... Купили, приехали на Бейкер-стрит. Он мне и говорит: «Абдулла, поджигай!» – «Я не Абдулла», – отвечаю. А он: «Все равно поджигай». Ну, тут ка-а-ак!..

– Это точно, – подвел черту Холмс. Некоторое время великий сыщик суетливо бегал по комнате, закидывая в саквояж несессер с бритвенными принадлежностями, рубашки, револьвер и прочие необ-

ходимые в пути вещи. На недоуменный вопрос Андрея, куда Шерлок так быстро собрался, Холмс только буркнул:

– А мы пойдем на север.

Ларин попытался было попросить более вразумительных объяснений, но сыщик, продолжил собирать вещи, лишь пояснил, что Мориарти пошел «ва-банк».

– Вы, дорогой Энди, видно, так насолили ему, что теперь за жизнь находящихся рядом никто не даст и полпенса. Лидер «девонширских» начал устилать дорогу трупами: хозяин бифштексной, постоялец отеля, сэр Чарльз Баскервиль, наконец, тоже явная жертва Мориарти. А хитроумная организация нападения на мой офис? Да никакая полиция в следующий раз не поедет сюда, думая, что вызов – ложный. Поэтому нам следует срочно покинуть Лондон и поскорее добраться до швейцарской границы.

– Почему же полиция не приедет? – удивился Ларин. – Вон они, кажется, уже внизу.

– Как приехали, так и уедут, – обреченно махнул рукой Холмс, – жертв-то нет. Вот если бы вас убило, то у дома обязательно бы выставили полицейский пост. Кстати, эту мысль, пожалуй, следует обдумать... – Он как-то странно взглянул на Андрея. – Впрочем, вы можете оставаться. Мы же с Уотсоном непременно должны срочно расследовать одно происшествие в Альпах. Но я обязательно вернусь...

Вскоре на пороге комнаты возникла мужественная фигура инспектора Лестрейда, выглядывающего из-за плеч двух рослых полицейских, вооруженных револьверами.

Убедившись, что спасти, по крайней мере сейчас, никого не надо, инспектор решительно шагнул вперед.

– А где же тело? – осведомился он у Холмса.

Доктор Уотсон, у которого после продолжительной беседы с Максом и дружеской – с сыщиком уже не было сил стоять на ногах, медленно сполз на пол.

– Вот тело, – проворчал Холмс, показывая на Уотсона.

Но Лестрейд, приняв за шутку, оставил доктора без внимания и придвинулся к письменному столу.

– Хорошо, – деловито произнес он, – так и запишем: вследствие прошедшей над Бейкер-стрит грозы в одной из квартир возникли незначительные повреждения оконных стекол. Претензий хозяева ни к кому не имеют. Не правда ли, мистер Холмс?

Глава 10

чукча-писатель

Дукалис о происшествии на Бейкер-стрит, естественно, ничего не знал; он благополучно отбыл в Девоншир, где провел последующие дни. После упорных поисков следов злодея Мориарти и предварительного расследования обстоятельств смерти сэра Чарльза Баскервиля оперативник нашел в себе силы заняться составлением подробного отчета для Ларина.

Прежде чем вывести первую букву, Толян несколько раз пугливо посмотрел на двери и окна, покосился на темное распятие, по обе стороны от которого тянулись полки с книгами, и шумно вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях.

Нацарапав по привычке в правом верхнем углу: «Секретно. Экз. № 1», Толян принялся за работу.

«Дорогой мой товарищ, Андрей Владимирович! – писал он. – Я пишу тебе письмо. Поздравляю тебя с днем рождения уголовного розыска и желаю всего... Нет у меня здесь ни отца, ни матери, ни даже Мухомора сердитого. Только ты один остался...

Я не знаю, Андрюха, откуда появилось само название "девонширские": станция, на которой доктор Мортимер соизволил высадить нас с поезда, по количеству жителей напоминает тот общественный туалет, которому стараниями нашего руководства был придан статус "убойного" отдела^{*}. Правда, общего у Девоншира и нашей конторы больше: и там и тут в окрестностях бродит множество ментов. Водила, который вез нас в тарантасе до Баскервиль-холла, уверяет, что "пасут" какого-то беглого эка. Только его никто в глаза не видел. Я уж

---

^{*} Подробнее см.: А. Кивинов. «Кошмар на улице Стачек».

не говорю о хоть каком-то жалком подобии фоторобота. Впрочем, не думаю, что это Мориарти или кто-то из его братков: здесь любой человек на виду, о постороннем сразу бы стукнули операм.

Болота, скажу тебе, вещь определенно гнусная: трясина, вонища кругом и ни одной живой души. Мортимер уверяет, что там оживает только некий Стэплтон, сосед Баскервилей (хотя "сосед" в этом случае – понятие довольно относительное, до его фазенды, как говорится, семь лаптей по карте). Этот тип работает под легендой ботаника, если только он не полный "крейзи" (по-местному – сумасшедший). Представь, что человек целыми днями собирает на этих болотах бабочек*. Да какие тут бабочки? Джунгли, что ли? Я еще понимаю, речь шла бы о коллекции комаров, коих в Девоншире немерено, или, на худой конец, лягушек. Но бабочки... Еще бы на пингвинов охоту открыл.

В общем, отработать этого субъекта не мешает. Попроси Холмса, пусть через ИЦ** местного ГУВД Степлтона на всякий случай прокинет. А я попробую аккуратно войти с ним в контакт, тем более что ботаник сам в гости напрашивается (с чего бы это?).

Неплохо было бы получить и дополнительную информацию на некоего Бэримора, прислуживающего в Б.-х. Мужик себе на уме: уверяет, что несколько поколений его предков тут жили и работали, а сам через болота пути якобы не знает. Никогда в это не поверю – если уж Степлтон, появившийся в окрестностях недавно, с болотами разобрался, то этот еще со школьного возраста должен был в трясине втихаря от мамки курить и уроки прогуливать. Нет, ты прикинь: какой-нибудь ханыга начнет тебе впаривать, что не знает парадняка, в котором можно бутылку "льдинки" раздавить! Лапша на уши, да и только!

С кормежкой в Б.-х. фигово. Напоминает наши "Кресты"***. Подают нечто цвета детской непосредственности. Генри интересуется, мол, что это? А Бэримор еще и издевается: "Gruel, sir!" Черта с два – Gruesome, как говорит Баскервиль!****

В общем, еды здесь нету никакой. Утром дают кашу, в обед кашу и к вечеру тоже кашу, а чтоб чаю или щей, то ни хозяева, ни Бэримор и сами-то их не трескают.

---

* Истинная правда: об этом А. К. Дойль уверял в «Собаке Баскервилей».

** ИЦ – Информационный центр.

*** «Кресты», или ИЗ-45/1, – следственный изолятор в Петербурге.

**** Непереводаемая игра слов. Gruel (англ.) – жидкая овсяная каша; Gruesome – ужасный, отвратительный.

Этот лакей невозмутим, будто бомж после отмены 198-1-й*. Как-то вечером на болоте какая-то дрянь завyla. Генри, и так уже весь дерганный из-за ужина, спрашивает: "Что это, Бэримор?" Тот: "Собака Баскервилей, сэр". Потом слышу визг и невозмутимый комментарий: "Это – кошка Баскервилей". Затем что-то шипит. Лакей со своей рожей, постной, как его каша: "Это – гадюка Баскервилей". Сидим дальше. Тишина жуткая. Генри даже стакан боится ко рту поднести, только пальцы стучат: "А что это за ужасная тишина?" – "Рыба Баскервилей, сэр". Я так и не понял, при чем здесь рыба?

В общем, чувствую, скоро сэра Лерсона придется на охоту выпускать, как Шарика из Простоквашина, – пусть пользу приносит (если, конечно, всех соседей не сожрет).

Да, что касается соседей. Здесь, говорят, можно общаться всего с двумя-тремя, только боюсь, что инспекция по личному составу за такие связи со службы вышибла бы. Стэплтон – яркий тому пример. В самом Б.-х., кроме дворецкого и его жены, никого нет. Но у этой парочки явно какие-то заморочки. Во всяком случае, в первую же ночь тетка рыдала. Я с утречка попытался вразумить Бэримора, а он: "Я, – говорит, – дон'т андэстенд". Не понимаю, дескать. Ну, с этим точно разберусь, если уж не выпущу Лерсона к соседям – пусть по замку ночью погуляет, зубами поклацает.

И все же, возвращаясь к Стэплтону: он, очевидно, мечтает пойти на контакт. Утречком вышел я посмотреть, что в окрестностях делается, — вдруг ботаник навстречу и в гости зазывает. А сам все интересуется: кто я, да откуда, да где мой друг мистер Холмс? Им что, "маляву" сюда по поводу сыщика уже заслали?

Попытался я было договориться со Стэплтоном, чтобы дорогу через болота показал, да куда там! Отвечает, что это очень опасно и потому не в состоянии взять на себя ответственность за мою драгоценную жизнь. И что интереснее, начинает впаривать мне ужастик про болотную гадюку! Я так думаю, что он может находиться на связи у "девонширских": если они пытаются Баскервилю "крышу крыть", то им самый резон напугать Генри до смерти, подобные слухи распуская. Ну и полиции в случае чего мозги запудрить, чтобы на гадюку очередную "мокруху" списать.

А то, что Степлтон признал во мне друга нашего сыщика, тоже наводит на размышления – значит, ботаник видел нас вместе где-то.

---

* Имеется в виду ст. 198-1 УК РСФСР – занятие бродяжничеством, после отмены которой повсеместно расплодились бомжи.

Но это было возможно только в Лондоне. И сие все больше укрепляет мою версию о причастности ботаника к делам Мориарти. В завершение "случайной встречи" я оказался приглашенным в Меррипит-хауз, где живет Степлтон с сестрицей. Надо будет сходить посмотреть, что к чему...»

Очередной раз улыбнувшись хозяину дома, Дукалис собрался было возвращаться в Баскервиль-холл, но в этот момент со стороны болот раздался душераздирающий вой.

– Это – болотный дьявол! – побледнев, прошептал Степлтон. – Люди говорят, что он так очередную жертву зовет.

«Сейчас посмотрим, что это за дьявол». Оперативник, нащупав под одеждой пистолет, побежал было в сторону, откуда доносились ужасные звуки, но ботаник проворно ухватил его за одежду.

– Умоляю, не ходите туда! Вам ни за что не выбраться из Гримпенской трясины!

Немного поразмыслив, Дукалис пришел к выводу, что в словах Степлтона есть определенный резон: с разбега плюхнуться в болото – перспектива малоприятная. Поэтому он решил, что обязательно наведается на болота позднее, запасшись хотя бы слегой, а еще лучше – более надежным спутником, хотя бы сэром Генри.

– Вы правы, – Анатолий миролюбиво улыбнулся, – мне не следует рисковать. Лучше пойду-ка я к дому. Всего доброго!..

– Мистер Уотсон, – заволновался Степлтон, – если вы не спешите, то, может, согласитесь навестить Меррипит-хауз? Моя сестра будет очень рада вас видеть...

За неимением срочных дел Дукалис-Уотсон с благодарностью принял любезное приглашение.

* * *

– Вам кофе сделать? – спросила секретарша у понуро сидящего на диване Мартышкина и добавила, понизив голос: – Нормальный?

– Если можно, – рассеянно ответил стажер, прислушиваясь к доносящимся из кабинета Грубецкого крикам.

Генеральный директор «Фагота» вот уже второй час проводил производственное совещание.

К сожалению, тупые подчиненные Грубецкого не понимали, когда с ними обращались нежно и ласково, все старались манкировать своими обязанностями, поэтому в процессе совещаний интеллигентнейший Василий Акакиевич, безмерно страдая от необходимости произносить вслух разные грубости, был вынужден громко называть

собиравшихся в его кабинете сотрудников «безмозглыми дамочками» и «ослами», дабы привлечь к своим словам хоть какое-то внимание.

Генеральный директор, исповедующий принципы Дейла Карнеги и чикагской экономической школы, столь полезные на бесконечных российских просторах, самолично готовил планы продаж, утверждал рекламные плакаты, вносил правку в рукописи, составлял списки необходимых для перевода книг иностранных авторов и кроил издательские планы.

Он твердой рукой вел «Фагот» к сияющим вершинам всеобщего процветания.

Ускорение процесса восхождения к тем самым вершинам началось после того, как генеральный директор решил стать заодно и главным редактором, убрав с этой должности не справлявшегося со своими обязанностями заместителя и партнера Моню Шпигельмахера.

– Я вижу здесь миллион! – Из-за дверей кабинета отчетливо прорвалась фраза, выкрикнутая Грубецким в порыве ярости на директора аффилированной торговой компании. – И ни рублем меньше! Иначе я всем зарплату урежу!

Подававшая Мартышкину кофе секретарь поморщилась, ее товарки – тоже.

– Скажите, – спросил любознательный стажер, – а что будет, если план не выполнится? Всех накажут? Да? – догадался младший лейтенант.

– Да, – громко и зло ответила вторая секретарша, не понимавшая, что Грубецкой был не только суров, но и справедлив, иногда.

– Ага. – Сысой отхлебнул горячий и крепкий кофе и глубоко задумался.

В школе милиции им рассказывали, что потерпевшие и заявители в основной своей массе только и мечтают о том, чтобы нагрузить на бравых стражей порядка свои собственные проблемы, причем еще и одобренные изрядной долей выдумки. Поэтому в идеале работа милиционера должна заключаться в проверке всех нюансов заявлений о преступлениях, нахождении несоответствий в мелких деталях и отказе в возбуждении уголовного дела. Причем для ускорения процесса не возбраняется и слегка психологически обработать заявителя, дабы думал в следующий раз, стоит ему отвлекать служителей Фемиды от их личных дел или лучше сидеть тихо и не рыпаться.

Мартышкин вспомнил о всученных ему генеральным директором «Фагота» рекламных плакатах, переложенных им из испачканно-

го пиджачка в тот, который ныне болтался на его плечах, вытащил красочные глянцевые бумажки и еще раз перечитал текст.

Однако ничего нового в призывах к покупателям приобретать книги из серии «Закон жулья», в которой издавались повести оключениях «Народного Целителя», стажер для себя не обнаружил и решил исподволь выяснить подноготную недовольства Грубецкого у секретарей. Для чего следовало вступить с ними в непринужденную беседу.

– А что, это хорошо продается? – Младший лейтенант помахал пачкой рекламок.

Старшая секретарша оторвалась от разложенных перед ней бумаг, посмотрела на плакатики и язвительно фыркнула:

– С такой рекламой можно даже биографию Акакиевича продать. – Девушка дорабатывала в издательстве последний день, и ей было глубоко плевать на все, связанное с «Фаготом». – Причем написанную им самим...

Мартышкин напряг память и припомнил, что романы-боевики красносарского писателя Чушкова он читал, они ему пришлись по душе, и он где-то слышал, что тот входит в первую тройку наиболее продаваемых авторов.

– Но читателям, видимо, нравится, – стажер спровоцировал секретаря на продолжение беседы.

– Это вам Грубецкой сказал? – усмехнулась вторая девушка, по примеру товарок также собирающаяся швырнуть издателю в лицо заявление об уходе. – Зря верите... Он книжек не читает, поэтому не может знать, что в них написано.

«Ага! – сообразил младший лейтенант. – Это уже кое-что. Неискренность заявителя – первый кирпич в бумаге об отказе».

– Акакиевич, по-моему, вообще читать не умеет, – старшая секретарша поддержала свою сослуживицу.

– Нет, умеет, – улыбнулась та. – Но вот значение слов не всегда понимает. Недавно, к примеру, он пытался издать приказ о наказании «диффамирующих на рабочих местах сотрудников».

Секретари засмеялись над ошибкой Василия Акакиевича, вызванной отнюдь не его необразованностью, как казалось окружающим, а лишь чрезмерной усталостью в тот непогожий денек.

Сысой осуждающе покачал головой, словно информация о сем прискорбном случае потрясла его до глубины души.

Хотя сам слышал произнесенное секретарем иностранное слово впервые.

– Еще он, когда утверждает эскизы обложек, пишет «беспринципный», «беспольный» и «беспорядочный» через «з», – хихикнула непочтительная старшая секретарша. – А когда ему один раз принесли словарь, то он начал орать, что там опечатки.

Дверь кабинета генерального директора распахнулась, и в приемную выскочил красный как рак мужчина, бормочущий себе под нос: «Сам пошел!»

Вслед за ним потянулись остальные присутствовавшие на совещании.

Секретарша Трубецкого взяла со стола синюю папку с тисненной золотом крупной надписью «Для доклада», стерла с лица ехидную ухмылку, блуждавшую на ее личике всё время разговора о генеральном директоре «Фагота», и зашла в кабинет босса, дабы сообщить Василию Акакиевичу о прибытии младшего лейтенанта Мартышкина.

* * *

«У Степлтонов дом как дом, – читал Андрей в письме друга, – во всяком случае, не напоминает ни бомжатский гадюшник, ни наркоманский притон. И Бэрил, сестра ботаника, бабеч, скажу тебе, что надо. Уж Казанова точно начал бы ее сразу же "раскалывать". На самом деле с ней и правда следовало бы нормально поговорить: едва Степлтон отлучился ненадолго, как она мне прошептала нечто насчет того, чтобы я поскорее убирался отсюда (если я, конечно, правильно понял ее выражение "Go out to London"). Тут возвращается ботаник, а Бэрил эта сразу же начала на стол накрывать, вот, дескать, какая я хозяйственная.

Накормила, правда, прилично: свежая картошечка, мясо, не чета нашему, столовскому, закуски всякие, молочко козье... Но сама, пока ели, на меня даже глаз не подняла. А Степлтон как увидел это угощение – вдруг наехал на сестрицу: что ты, дескать, "милк" даешь для "дринк". Ну и выкатил литровку "Ваньки Прогулкина"* да давай мне подливать. На что бы он ни рассчитывал, но теми "дринками", которыми тут хлещут эту самогонку, спить разве что молодого Рогова можно, и то сомнительно. Хотя перед тем, как отключиться, ботаник еще порывался меня проводить...

Забегая вперед, скажу, что к сестричке Степлтона вдруг проявил интерес и Генри. И что удивительно, ботаник, вместо того чтобы

---

* «Джонни Уокера».

обрадоваться выгодному знакомству, что-то уж больно рожу кривит. Не нравится мне этот тип...

Но не все так плохо. Нашел я тут одного перспективного, похожего на внештатника*. Зовется Френклендом. Сидит этот дедуля в своем Лифтер-холле, ненавидит всех потихоньку и, что, по-моему, очень интересно, несет чуть ли не круглосуточную вахту у подозрной трубы, наблюдает за окрестностями.

Так вот, взаимопонимание мы нашли – потому, наверное, что я по понятным причинам не рвался много говорить, а больше слушал. Ну и Френкленд показал место на болоте, где видел непонятого человека. Оттуда до Баскервиль-холла рукой подать, вот я и подумал, а не пасется ли там снайпер, проводя предварительную рекогносцировку (обязательно надо сходить проверить), – больше в тех краях шариться некому.

Заходил опять Мортимер, все про болотного дьявола что-то бурчит.

Святая наивность! Вычислил я этого уродца, гадюку, в смысле. Все оказалось просто, как трехлинейка.

Ложусь как-то спать. Сэр Лерсон заволновался. Прислушиваюсь – шаги в коридоре, крадется кто-то. Ну, я песику-то говорю, сиди, мол, тихо, а сам осторожно выглядываю. Смотрю – Бэримор со свечой да на цыпочках. Двигаю осторожно за ним. А он к окошку, что на болото выходит, и ну махать перед окошечком огоньком. Разведчик хренов!

Подхожу аккуратненько к лакею и ласково ему так, шепотком: "А «Мурку» можешь? Сдается мне, мил человек, что ты – стукачок".... Тут еще сэр Лерсон приковылял. Бровки свои поднял, похрюкивает мрачно и как-то странно на задницу бэриморскую косится. Тот аж в стенку вжался с перепугу.

Что касается бульдога – тут для меня все ясно: тоже не люблю, когда спать мешают.

"Ну что, – продолжаю, – ночь, говоришь, непогодь?" И дальше типа анекдот пересказываю: "Квартира рабочего Иванова, в смысле, Баскервиля. Стук в дверь. «Кто там?» – «Это я. Меня нужно нако'гмить и сп'гятать. П'генеп'геменно сп'гятать. Это а'гхиважно!»"

---

* Внештатник (*проф. сленг*) – внештатный сотрудник милиции. Примером может служить фотограф из к/ф «Место встречи изменить нельзя» (А. и Г. Вайнеры. «Эра милосердия»).

Видел бы ты, Андрюха, выражение лица Бэримора! Я думал, что его откачивать придется. Но ничего, мужик крепкий, выдержал, хотя тряся, словно пародия на хвост сэра Лерсона, когда тот миску с едой видит, и лопоталпо-английски что-то вроде "не будите спящую собаку"*. Напугать меня хотел, ха!

Ну, тогда я свечечкой-то у окошка помахал, а затем по "горячим следам" и расколол этого Бэримора, как говорится, по самые уши! Оказывается, зэчара беглый, о котором я в начале письма упоминал, какой-то родственник прислуги. Прячется на болоте. Потому его и подкармливали по ночам. Кстати, еще нестыковка: Бэримор уверял, что пути через болото не знает, а невесть откуда взявшийся урка по этой самой трясине ночью, как мажор по Невскому**.

Такой случай упускать было нельзя (см. Приложение № 1 к Отчету)...

Андрей бегло просмотрел последние листы дукалисовского послания и наткнулся на страничку, где явно неграмотным человеком под диктовку не шибко сведущего в английском Толяна было написано:

«I'm, man Barimor, promise, I'll job with "murder" department of St.Peterburg militia and promise, I don't speak someone, that a detective may be spoken me»***.

В конце стояла дата и корявая подпись.

«Вербанул! — восхищенно констатировал по себе Ларин. — Теперь сумеет квартальный отчет закрыть. Только дату зря поставил — все равно исправлять придется».

Оперативник отложил расписку вновь испеченного агента о сотрудничестве и продолжил чтение отчета.

«Этот Бэримор поведал еще пару интересных вещей. Оказывается, перед смертью сэр Чарльз получил письмо от какой-то женщины. Естественно, совершенно случайно (!) содержание послания стало известно прислуге: некая тетка вызывала Баскервиля на болота. Любопытно, лакей говорит, видел, дескать, в районе трясины какого-то

---

* На самом деле это — дословный перевод английской поговорки, которой соответствует русская: «Не буди лихо, пока оно тихо».

** В книгах у А. К. Дойля его герой почему-то подобным вопросом не интересуется.

*** «Я, гражданин Бэримор, обещаю работать с "убойным" отделом Санкт-Петербургской милиции и обещаю не разглашать какие-либо сведения, полученные от оперработников» (*адаптированный перевод с малограмотного английского*).

мужика. Но при этом божится, что не своего родственника. Я все же склоняюсь к мысли, что тут не обошлось без "девонширских" – наверняка присмотрели для себя перспективную недвижимость на природе в виде Баскервиль-холла, ну и дальше по сценарию: есть собственник – есть проблемы. При местных нравах, похоже, любой труп можно хоть на гадюку, хоть на НЛО списать.

После беседы с Бэримором я сначала хотел отправиться в сопровождении сэра Лерсона поближе к болотам, чтобы там пообщаться с зеком. Можно, конечно, было бы взять для страховки Генри (он вроде бы парень не плохой), но тот где-то шлялся, наверняка пытался подбить клинья к сестре ботаника. В общем, пошли одни. Но только мы спустились вниз и вышли на улицу, как со стороны трясины раздастся жуткий вой, потом вопль. Одна моя знакомая судья (кстати, очень симпатичная и большая умница) в таких случаях говорила: "Орет, как потерпевший". И действительно, крик был на всю округу. Я подумал, что Генри столкнулся с зеком, хотя они вряд ли взвыли бы так омерзительно. А тут и сам Баскервиль-младший бежит: он, оказывается, со свидания возвращался, услышал какой-то "хлюп" сзади, ну и ускорился. Видно, вовремя. В общем, тут не соскучишься, хотя даже поговорить толком не с кем: все так и норовят что-то невразумительное сказать, а я и не знаю, как ответить, чтобы поняли хотя бы слово. Не стволем же в каждую харю тыкать.

Приезжай, Андрюха, пожалей ты меня, опера несчастного, а то тоска такая, что и сказать нельзя, чуть ли не плачу. Пропадающая жизнь, хуже гадючьей. А еще кланяюсь Шерлоку и его летописцу Уотсону, а пиджак мой никому не отдавай. Остаюсь твой товарищ Анатолий Дукалис, приезжай, Андрюха».

Толян свернул вчетверо исписанные листы бумаги и вложил их в конверт, купленный накануне за полпенса. Подумав немного, он, старательно подышав на стержень шариковой ручки, в котором заканчивалась паста, начал выводить адрес:

«To the London... Ларину».

Потом почесался, еще подумал и прибавил: «Андрею Владимировичу». Довольный тем, что ему не помешали писать, он свистнул сэра Лерсона и, не набрасывая на себя плащика, прямо в рубашке выбежал из дома...

Убаюканный сладкими надеждами, через час он уже крепко спал. Ему снился родной туалет «убойного» отдела, в туалете сидит «Мухомор» и читает письмо оперативникам... Около туалета ездит машина ППС и все вертит, вертит голубым огоньком мигалки...

В дверь постучали.

– Войдите! – рывкнул Соловец, думая, что это явились Казанова и Плахов.

Но на пороге материализовался начальник «убойного» отдела РУВД соседнего района, на губах которого застыла злобно-язвительная улыбка.

– А, это ты, – майор показал рукой на стул, – садись.

Капитан Абрам Иванович Совков, толстый и одышливый субъект с мутными глазами навывкате, вот уже десять лет не могущий получить очередное звание, вальяжно расположился на продавленном стуле, закинул ногу на ногу и смерил Соловца презрительным взглядом.

– Ну, и чего тебе? – спросил хозяин кабинета, прекрасно понимая, о чем пойдет речь.

– А ты не знаешь? – скрипуче заявил Совков.

– Представь себе, нет.

Капитан вытащил из кармана сложенный вчетверо грязный листок желтоватой бумаги и издали показал его Соловцу.

– Это видел?

Майор попытался разглядеть мелкий текст, но у него ничего не вышло.

– Дай посмотреть, отсюда не видно.

– Щас тебе! – Совков быстро спрятал листок обратно в карман. – Чтоб ты его порвал?

– А зачем мне его рвать? – устало осведомился Соловец.

– Потому что это приговор тебе и твоим верным и умным подчиненным.

– Полегче на поворотах, – предупредил Соловец, который очень не любил, когда его обзывал кто-либо, кроме вышестоящего руководства, и особенно в те моменты жизненного пути, когда майора обманывали и подсовывали вместо «Столичной» водки простую воду.

– Буду я еще с тобой любезничать! – взвился капитан. – Всё, приплыли, соседушки! Нефиг было труп нам на участок подбрасывать!

– Какой еще труп? Кого? – Майор сделал вид, что не понимает, о чем говорит его коллега.

– Того, которого из огнемёта замочили!

– Из какого еще огнемёта?!

– Ой-ой-ой! – Совков показал Соловцу язык. – А ты не в курсе!

– Слушай, Абраша. Твоя территория – твои проблемы.

– Ах так?! – Капитан вскочил со стула. – А ты мне, случайно, не объяснишь, как труп подпалил, после чего прополз с твоей стороны улицы на нашу, оставив по пути два килограмма и семьсот сорок пять граммов своей одежды? Я лично соскреб ее с дороги и взвесил!

– Весы, небось, у бабок возле метро конфисковал?

– Тебе-то какое дело?!

– Там все безмены на двести граммов в плюс переделаны, – сообщил майор. – Так что с весом ты лажанулся. Перевесим твои «вещдоки» и прокурору нашему стуканем. Он и влепит тебе триста третью*. Для начала.

– Ты меня триста третьей на понт не бери! – закричал Совков. – Ученые!

– А что до того, что кто-то там полз, – так это его личное дело. Хотел – полз, не хотел бы – не полз. – Соловец продемонстрировал коллеге, что разговор окончен.

– Ах ты так?!

– Да, так!

Они вскочили, уперлись друг в друга животами и взглядами, пыхтя и щуря презрительно уголки глаз...

Первым не выдержал Абрам Иванович. Достав из кармана платок и акт судебно-медицинской экспертизы о том, что труп был мертв, он вытер платком лоб, а бумажку протянул Соловцу.

– Вот, бери и помни, Абрам зла не держит, – сказал Совков, поворачиваясь к выходу.

Соловец попытлся для приличия, но акт взял и буркнул вслед уходящему незваному гостю:

– Ты, это... Иванович... может, по рюмочке, за дружбу отделов?

– А что, есть?!

– Нет, но сбегает... для дела.

– Ну, разве что для дела.

---

* Статья 303 УК России – «Фальсификация доказательств».

Глава 11

ОХОТА НА ПОРОСЕНКА, ИЛИ ГОНКИ ПО ГОРИЗОНТАЛИ

За несколько дней до того, как Андрею передали с оказией в виде замызганного беспризорника письмо Дукалеса, ситуация в Бейкер-стритском офисе сыскной конторы складывалась драматически.

После выходки Уотсона со взрывпакетами Ларину, как он ни пытался, так и не удалось уговорить Холмса остаться в Лондоне и помочь в поисках Мориарти. Великого сыщика не убедили в этом ни обещания помощи в раскрытии других дел, ни напоминание о том, что под видом Уотсона под носом у «девонширских» батрачит оперативник. Ни, наконец, весьма недвусмысленный намек, что Холмсу неплохо бы держать данное слово. По поводу последнего замечания сыщик, ничуть не смутившись, заметил, что он обещал лишь помочь в поисках, чем и занимался на свою голову все последние дни.

— Теперь же, как я говорил, мы уйдем на север, — попытался закончить неприятный разговор великий сыщик. — А вы, думаю, очень скоро встретитесь со своим Мориарти.

— Послушайте, Шерлок, — окончательно разозлился Ларин, — что вы заладили: «на север» да «на север»! Все равно дальше Льюиса не убежите и больше года не пробегаете. А «девонширские», если они такие крутые, какими вы их считаете, отыщут вас и там. И образцово-показательно... Как там, блин, по-английски «мочить»? «To wash», что ли? Или, может, «watering»?.. Ох, не зря же говорят: «Учите, ребята, материальную часть — там бьют больно»... Ну, в общем, убьют. Вы понимаете?

Упоминание о возможных кознях Мориарти и его поделельников отнюдь не привело Холмса в доброе настроение. Правда, собирая вещи, он милостиво разрешил Андрею, если тот, конечно, хочет, бежать с ним вместе от греха подальше и заметил, что путешествие долго не продлится.

– И бегать в течение года нам не придется. Доживем до понедельника, а там Мориарти обязательно поймают наши бобби. Мне по секрету сообщил Лестрейд, что начальник городской полиции объявил борьбу с «девонширскими» делом своей чести, потому и операция названа символически: «Чисто "Тайд"»^{*}. Он так и сказал: «Девонширцы проникли во все властные структуры и в полицию. Пора кончать их!»

– Кого кончать? – не понял Ларин. – Полицию?

– Н-не знаю, – чуть смутившись от неожиданного вопроса, замялся Холмс, но тут же нашелся: – Я говорю, что с безобразием будет покончено. И я верю в это, нутром чую! Если бы вы читали мою монографию об органах осязания у сыщиков...

Закончить мысль Холмс не успел: на середину комнаты на четвереньках выполз проснувшийся Уотсон, перед тем с грохотом свалившись со стула.

Доктор услышал конец разговора и решил принять в нем участие.

– Джентльмены, а известна ли вам старинная индийская мудрость: «Досадно попугаем жить, гадюкой с длинным ве-еком»? – старательно икнув, изрек он. – Дав-вайте побегаем, Энди. Все равно все в землю ляжем, все прахом будет, но лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

– Вот и встаньте, Уотсон. – Андрей помог мудрецу подняться и дотащил его до кресла. – Вы бы поберегли свое здоровье. Нельзя же так резко вскакивать.

Но доктора, как говорится, уже несло.

---

^{*} Видимо, это наиболее удачный перевод названия операции. Дело в том, что «Cleanly» (англ.) – чисто, но «Tide» может означать «взрыв общего чувства» (фигур.) или «плыть по течению» (устар.). Таким образом, при дословном переводе название грандиозной операции попросту дискредитируется. Действительно, никому же не приходит в голову переводить, например, название джипа «паджеро» (одно из значений этого слова в испанском разговорном языке – педик)...

Он принялся развивать мысль о тленности бытия и мудрости жителей Индии, где несколько лет ему пришлось прослужить.

— А вы знаете, как славно мы охотились на крокодилов в пенджабских степях? Мы пытались сначала глушить их с помощью пороховых зарядов. Грохот, скажу вам, стоял страшный! По сравнению с ним моя сегодняшняя шутка — детский лепет. Так вот, кидаем мы заряды, а крокодилы не вылезают. Гадюки там разные, скорпионы — те лезут, а этих тварей не видно. Хорошо, что нам местные подсказали, как охотиться следует. Вырываешь яму, маскируешь ее листьями лотоса, затем берешь поросенка, привязываешь на веревку и тащишь за собой. Крокодил, услышав визг, выползает из засады и — следом. Тут главное — не торопиться: у земноводных лапы не приспособлены для быстрого бега, значит, надо следить, чтоб не отстал «my favourite». Ну, а когда крокодил до ямы доползает, то в нее — хлоп! Тут-то его и забивают, как мамонта.

— А поросенок? — невольно вырвалось у Ларина, которого вдруг осенила некая мысль.

— А что поросенок? Бежит себе дальше по своим свинским делам, хвостиком виляет, похрюкивает радостно, — миролюбиво ответил доктор.

— Это вы похрюкиваете, когда перепьете, — сварливо оборвал его Холмс. — Прекращайте рассказывать байки и скорее собирайтесь. Мы уходим прямо сейчас. Энди, так вы идете с нами?

— Безусловно, — неожиданно согласился Андрей. — Я восхищен вашей проницательностью и уже готов к походу хоть в Альпы, хоть через Альпы.

Великий сыщик, казалось, был несколько смущен столь поспешным согласием, но, как истинный джентльмен, виду не подал, хотя и радости особой не проявил.

Оперативник не стал объяснять причину своего решения, хотя была она предельно проста: охота на «поросенка».

«Вот те раз! — размышлял Ларин, слушая хвастливый рассказ пьяньенкого Уотсона о фантастической охоте на крокодилов в пенджабских степях. — А ведь в этом бреде есть рациональное зерно. Что мы имеем? Мориарти заинтересован в устранении оперативников и, не исключено, самого Холмса, который после общения с ментами тоже стал потенциально опасен. Организовать убийство в Лондоне или, что немногим лучше, проблемы с полицией — не проблема. Подтверждением тому являются и происшествие в бифштексной, и убий-

ство в "Нортумберленде", и даже последняя выходка Уотсона, вернее, провокация со взрывпакетами...»

Андрей вынужден был признать, что сам он давно уже засадил бы в клетку потенциальных преступников, на которых уж очень сильно смахивали обитатели дома номер 221-Б по Бейкер-стрит. Лишь весьма неординарное мышление инспектора Лестрейда и его личное знакомство с Холмсом помешали в конкретном случае осуществлению дьявольского плана преступников.

По расчету Ларина, лидер «девонширских», как крокодил из докторского рассказа, услышав истошный визг, должен был выползти из своего укрытия и броситься в погоню за жертвой. Причем естественно, что погоня не будет напоминать поход короля Артура. Андрей усмехнулся про себя, на миг представив, как из лондонских трущоб, словно тараканы, вылезают толпы бандюганов, выстраиваются в походную колонну и, помахивая дубинками, с походной песней направляются в сторону Альп.

«Нет, братцы, — размышлял оперативник, — вы все останетесь здесь. Кто же в противном случае будет снимать дань с нищих и трясти местных барыг? А это значит, что Мориарти поползет за нами сам, ну, в лучшем случае, с двумя-тремя помощниками. Извести всех "девонширских", окопавшихся в Лондоне, не помогут ни "Чистые руки", ни "Чистые зубы", ни "Чистые уши"* . Зато даже без участия "масокшоу" можно взять бандитского лидера, когда его братва будет прохлаждаться в столице. Шок — это по-нашему».

* * *

Как-то раз Сысой Мартышкин напился со своим сокурником по школе милиции.

Причем — сильно.

Можно сказать, в мясо.

А у отца этого самого приятеля имелась оставшаяся от умершего родственника двухдверная машина-«инвалидка» с тарахтящим мотоциклетным двигателем и большим круглым знаком на переднем стек-

---

* Названия известных операций по борьбе с преступностью, авторство которых, соответственно, приписывается бывшему начальнику ГУВД по СПб и области Анатолию Пониделко, а также Андрею Кивинуву («Целую, Ларин») и братьям Питерским («Юрист. Дело о продаже Петербурга»).

ле, где на белом фоне красной краской был схематично изображен человек в коляске.

И вот, изрядно накушавшись, Мартышкин с приятелем отправились, как водится, к женщинам. Ехали весело, пели песни, никого не трогали, и тут вдруг маячивший впереди гаишник махнул жезлом. Остановливал-то он другую машину, но водитель инвалидного тарантаса подумал, что именно его. И запоздало дал по тормозам.

Инвалидка боком прошла метров двадцать, стукнулась о поребрик тротуара и замерла.

Мартышкинский приятель, пьяный вумат, распахнул дверцу, вывалился на асфальт и на четвереньках пополз к дорожному инспектору в надежде вымолить у того прощение.

Глаза испуганного гаишника чуть не выпали из орбит, он принялся отчаянно махать полосатым жезлом и кричать:

– Езжайте, товарищ инвалид, езжайте!!!

Именно такими стали глаза Грубецкого, когда младший лейтенант расположился в кресле напротив генерального директора «Фагота» и зловещим шепотом выдохнул:

– Нам все известно, Василий Акакиевич! Так что рекомендую вам начать говорить правду.

Издатель сделался белым, как лист хорошей финской бумаги для ссерокса, и беззвучно зашевелил губами.

– Ну, как? – продолжил Сысой, от цепкого взгляда которого не ускользнул испуг издателя. – Будем говорить или в камере подумаем? – Недавний удар по башке окончательно раскрепостил сознание Мартышкина, и он начал вести себя, как полагается оперу со стажем – нагло, цинично и подозревая потерпевшего-заявителя во всех смертных грехах. – Так куда вы дели Б. К. Лысого? На даче спрятали или?.. Может быть, его уже и в живых нет? А?!

– Я-я-я... – начал Трубецкой, но стажер не дал ему договорить, разразившись демоническим смехом.

– Сокамерникам у параша будешь мозги вкручивать! – Младший лейтенант вскочил, схватил кружку с остывшим за время совещания чаем и выплеснул ее содержимое в лицо издателю.

Генеральный директор тоненько взвизгнул и выпал из кресла на пол.

– Я тебя расколю, урод! – Боевой клич Сысоа разнесся по всему издательству, заставив сотрудников замереть над гранками текстов и клавиатурами компьютеров. – Бей сынов Акакия!

ОХОТА НА ПОРОСЕНКА, ИЛИ ГОНКИ ПО ГОРИЗОНТАЛИ

Подавляющее большинство работников «Фагота» злорадно ухмыльнулись.

Мартышкин примерился, чтобы проверить на вкус и на жирность ухо издателя, но тут в кабинет ворвались трое мужчин в строгих костюмах во главе с начальником охраны «Фагота», похожим на унылого арабского террориста, и вывели разбушевавшегося стажера вон.

* * *

Получив согласие Ларина на побег из Лондона, великий сыщик начал менторским тоном проводить инструктаж о том, как лучше это осуществить, чтобы избежать возможной слежки *.

– Вы должны внимательно выслушать мои инструкции, – потребовал Холмс, – и следовать им буквально, так как нам предстоит вести борьбу против самого талантливого мошенника и самого мощного объединения преступников во всей Европе. Итак, слушайте. Энди, вы Нынче ночуете вместе с Уотсоном. У него есть еще одна квартира, он ее у жены при разводе отсудил. Свой багаж, не указывая на нем станции назначения, следует сегодня же вечером отослать с надежным человеком на вокзал «Виктория».

Андрей, взяв лист бумаги, старательно конспектировал талантливые наставления сыщика. Правда, попутно оперативник записывал и свои мысли, разлиновав бумагу в виде таблицы. В результате получился следующий документ:

№ № п.п.	Тезисы наставлений Холмса	Результат (версия Ларина)
1	Найти надежного человека (сегодня вечером); отослать с ним багаж на вокзал «Виктория»; не указывать станцию назначения.	Во время поисков «человека» люди Мориарти, если они ведут наружное наблюдение, обязательно его вычислят (инструкций по «найти надежного человека» не дано) и, соответственно, проследят дальнейшие действия. Будет, во-первых, зафиксирован факт передачи багажа, во-вторых, установлен вокзал, куда багаж будет доставлен. Отсутствие указания станции назначения – повод для организации дополнительного наблюдения уже на самом вокзале и

---

* Последующие наставления тоже не выдумка: подобные дает герой А. К. Дойля в «Последнем деле Холмса».

		<p>сигнал к усилению слежки за домом на Бейкер-стрит (на это у «девонширских» вся ночь впереди).</p> <p>Учитывая дурные наклонности Мориарти и его братвы, есть шанс, что «надежный человек» будет схвачен сразу же после поездки на вокзал и допрошен с пристрастием со всеми вытекающими последствиями...</p>
2	<p>Утром послать слугу за кэбом, предупредив, чтобы он не брал ни первого, ни второго экипажей, которые ему попадутся.</p>	<p>Если слежка ведется, то за всеми находящимися в доме, и действия слуги обязательно будут проконтролированы. Рассчитывать, что в проходящих «такси» люди Мориарти – глупость.</p> <p>Кроме того, откуда можно знать, в какую сторону пойдет ловить «тачку» слуга? Гораздо эффективнее и проще иметь в запасе хотя бы два экипажа и вести на них слежку за тем, который будет нанят.</p>
3	<p>На кэбе поехать в Стрэнд, к Лоусерскому пассажиру, дав письменный адрес кучеру и предупредив, чтобы тот не выбрасывал записку.</p>	<p>В этом случае все предыдущие наставления вообще теряют смысл: наблюдение будет вестись непосредственно за мной и Уотсоном, когда мы сядем в кэб. Записка с адресом, которую, видимо, «грузчики»[*] получают от кэбмена, – лишний повод усомниться в истинности легенды маршрута, особенно с учетом предупреждения «не выбрасывать» (водила это обязательно расскажет).</p>
4	<p>Расплатиться с кэбменом заранее и, когда тот остановится у пассажира, немедленно бежать туда, чтобы в четверть десятого оказаться на другом конце, где будет ждать экипаж.</p>	<p>Предварительная оплата тут же насторожит преступников: кэб, где кучер сидит снаружи, – не закрытое такси, и передача денег будет моментально зафиксирована «девонширскими» и заставит их усилить бдительность. Если в наше время в Англии за «объектом» ходит до 60 (!) машин^{**}, то организовать пару десятков кэбов – не проблема.</p> <p>Остановка кэба: еще до того, как оттуда выйдем мы с Уотсоном, часть «грузчиков» подтянется ближе и успеет</p>

^{*} Грузчик (*проф. сленг*) здесь – лицо, непосредственно осуществляющее слежку, наружное наблюдение, следующее за «объектом».

^{**} Факт. Английская контрразведка не лыком шита...

ОХОТА НА ПОРОСЕНКА, ИЛИ ГОНКИ ПО ГОРИЗОНТАЛИ

		<p>за нами пройти через пассаж (особенно с учетом того, что бегущий «объект» прекрасно виден в толпе). Скорость кэбов невелика. Поэтому, если попараллельной улице пойдет еще один экипаж «наружки», при остановке у пассажа к нему успеет подбежать кто-то из наблюдателей первого кэба, предупредив: «Встречайте»!</p> <p>Точно рассчитать время прибытия при пользовании общественным транспортом невозможно. Значит, могут быть накладки с ожиданием очередного экипажа, и следящие успеют перегруппироваться.</p>
5	<p>На указанном экипаже ехать на вокзал, чтобы попасть на поезд, следующий в направлении континента. Встреча с сыщиком в вагоне.</p>	<p>Все предыдущие меры предосторожности пойдут прахом: «наружка» экипаж вычислит, конечный пункт – вокзал – известен заранее. Кроме того, там наверняка уже работает страшущая группа наблюдения...</p>

– Ну что, вы все записали, Энди? – закончив наставления, спросил Холмс у Андрея. – Тогда желаю удачи. Забирайте доктора и в добрый путь!

Ларин радостно подтвердил, что все будет сделано точно по инструкции, отметив про себя правильность собственного расчета: только самый тупой наблюдатель сумеет при таких условиях упустить «объект», особенно с учетом того, что Уотсону, судя по всему, ни разу не приходилось сталкиваться с методами работы «наружки».

«То есть, – размышлял Андрей, выходя с доктором из конторы сыщика, – что мы имеем? Холмс сейчас "засвечивает" запасную квартиру доктора, подставляет его "надежного человека", нас аккуратно "пасут" до вокзала и сажают в поезд. А там будет поджидать Мориарти. Если, конечно, его люди не "доведут" нас до укромной "норки" в Альпах, где Шерлок рассчитывает дожить до понедельника. Все это, за исключением проблем с носильщиком багажа, лично меня вполне устраивает. Что ж, будем готовиться к отъезду».

На следующее утро обитатели Бейкер-стрит, как и рассчитывал Ларин, благополучно добрались до вокзала «Виктория». Там они сели на поезд и поехали в сторону континента. Сам Холмс появился в каком-то жутком наряде, очевидно, призванном изображать старика-священника. При этом он страшно гордился собой – как, мол, здорово

ему удалось провести Мориарти, улизнув с утра из квартиры, которую, кстати, злоумышленники умудрились-таки поджечь еще ночью.

Андрей не стал оскорблять великого сыщика недружелюбными репликами относительно сообразительности людей Мориарти: только круглый идиот, по мнению оперативника, ведущий длительное наблюдение за квартирой с единственным входом-выходом, «проспал» бы вышедшего из дома святошу. С не меньшим эффектом можно было нарядиться в костюм папуаса и попытаться незаметно проскочить в палату лордов. Тем более, где это видано, чтобы затрапезный поп перемещался в купе повышенной комфортности, а не в обычном вагоне?

Что же касается поджога офиса сыщика — эта акция лишь укрепила Ларина в его подозрениях насчет планов бандитского «папы».

Глава 12

ТАЙНА РЕЙХЕНБАХСКОГО ВОДОПАДА

Как Ларин и предполагал, люди «профессора преступного мира» не дремали.

Холмс вынудил своих спутников оставить багаж в поезде, покинуть вагон и пересест в другой состав. Мудрость сего трюка была достойна великого сыщика: «грузчики», следовавшие вместе с беглецами по железной дороге, не позарились на бесхозный багаж, а продолжали вести наблюдение за его владельцами. Поэтому в данном случае смена транспорта была на руку разве что клеркам стола находок.

Тем не менее беглецам удалось-таки попасть в Страсбург. Шерлок дал оттуда телеграмму в лондонскую полицию, на которую вскоре пришел и ответ. Доблестным бобби, увы, не улыбнулась удача задержать Мориарти – он предусмотрительно скрылся.

«Неудивительно, если тут все работают, как Холмс с Лестрейдом», – решил Андрей, услышав это известие.

А сыщик бежал все дальше и дальше, надеясь уйти от длинных рук «девуонширских».

Холмс со спутниками осмотрели Женеву.

Затем они зачем-то посетили долину Роны, потом, миновав Лейк, направились через перевал Греми дальше – через Интерлакен – к деревушке Мейринген. Уотсон, перепробовав по пути все местные напитки, счел, что «это была чудесная прогулка – нежная зелень внизу и белизна девственных снегов наверху». Этот пассаж Андрей успел

прочитать, случайно заглянув в открытую страницу путевого блокнота доктора, интригующе озаглавленную «Последнее дело Холмса».

Местная гостиница с претенциозным названием «Англия» оказалась последним прибежищем на пути наших друзей. Хозяин этой лачуги, прежде знакомый с сыщиком, почему-то все время настойчиво рекомендовал гостям осмотреть Рейхенбахский водопад, находящийся где-то в самой глуши. Сыщик с благодарностью принял его предложение. Уотсон чуть ли не захлопал в ладоши, обрадовавшись возможности выпить на природе. Ларин тоже не стал возражать. Но доктору явно не повезло. Когда вся троица выходила из гостиницы, к ним бросилась какая-то всклокоченная фрау, у которой под глазом красовался весьма живописный сине-зеленый фингал, слегка желтеющий по краям.

— Битте! Плииз! — запричитала она, отчаянно жестикулируя и тыча пальцами в сторону Андрея и Уотсона. — Я знаю, вы есть цвай доктор! Вы мне помогать! Шнеллер! Я сейчас защищаться от мой хазбенд. Он на меня сейчас напасть, подбить лицо. Я защищалась. Он теперь лежать молча. Натюрлих. Дас ист террибл!

Ларин попытался успокоить фрау, предложив ей поискать врача в гостинице или, на худой конец, полицейского в ближайшем околотке, но та не унималась, требуя немедленно доктора. При этом она пыталась еще и еще раз убедить всех в собственной невинности.

По словам женщины выходило, что она, сущий ангел во плоти, сегодня вечером мирно лежала дома в постели и смотрела в окно на изумительный закат альпийского солнца. В это время появился с работы муж и нагло начал требовать, чтобы ему подали ужин.

Фрау якобы совершенно вежливо ответила, дескать, она имеет право досмотреть закат, а если кто хочет кушать, так пусть идет на кухню и готовит сам. Но на «негодяя» эти добрые слова почему-то произвели ужасный эффект, он начал орать, а заодно и врзал своей благоверной в глаз.

Правда, Андрею удалось понять, что и дражайшая половина довольно удачно запустила тарелкой прямо в физиономию «этого изверга», но сие действие было исключительно «защита мой непорочный честь как мюттер унд фройлайн*».

— А раньше этот гад никогда не смел поднять на меня руку. Никогда!

---

* Видимо, с немецкого: «как матери и девушки» (авт.).

Ларин со товарищи отчаялись успокаивать разбушевавшуюся фразу, в результате чего вынуждены были выслушивать ее угрозы насчет того, что, мол, запросто лишатся лицензии на занятие врачебной практикой и вообще окажутся за решеткой, если немедленно не помогут мужу.

– Извините, – попытался вставить хотя бы фразу Андрей, – а как же он позволил вам выйти из дома, раз он такой злобный?

– Еще бы не позволил, – торжественно отозвалась женщина. – Их же бин говорить, что тарелку об его голова бить. Он сразу умывальник бежал осколки смывать... Не смей задавать мне дурацкий квешчн! Я буду лишать вас аусвайс!

– Мы должны отменить прогулку, – обреченно промямлил Уотсон, – без лицензии мне оставаться не хочется, да и помочь человеку – долг каждого врача.

– Безусловно, доктор, – поддержал говорившего Ларин, – у меня тоже нет никакого желания связываться с местными властями. Мы с Холмсом подождем вашего возвращения у водопада. Правда, Шерлок?

Сыщик усердно закивал в ответ.

Несмотря на требование фразы, чтобы ей выделили в помощь двух человек, Уотсон двинулся в сторону деревни один, Холмс же с Лариным остались обсуждать происшествие.

– Уверен, что она солгала, Энди, – заметил Шерлок, – хотя рациональное зерно в ее словах было. Я, например, тоже терпеть не могу, когда кто-то спит, в то время как я бодрствую. Поэтому, чисто теоретически, скандал мог произойти. Только мой метод говорит, что эта леди, поссорившись с мужем, хочет, простите, наставить ему рога. Впрочем, не исключено, что ей просто нужно алиби на случай квалификации ее действий как непредумышленных.

– Может, вас заинтересует другая версия? – поинтересовался Ларин. – В доме этой гражданки лежит труп, а непойманных убийц поджидает полиция. В результате Уотсона хватают и сажают в камеру. Таким образом, дорогой Шерлок, вы остаетесь открытым со всех сторон.

– Я как-то об этом не подумал, – замялся Холмс, но тут же вышел из положения. – Мои уроки вам явно идут на пользу, но не до конца – полиции в этих местах днем с огнем не сыскать. Все-таки готов держать пари, что Уотсон будет нынче образцово-показательно

поженен. Хотя об этом мы узнаем чуть позднее. Давайте не будем терять времени и отправимся к водопаду.

Андрей согласился пройти пешком и, нащупав в кармане револьвер, двинулся по тропинке вслед за великим сыщиком, размышляя о том, что их ждет в ближайшее время.

По всем прикидкам выходило, что фрау откровенно лгала: внешний вид синяка ну никак не соответствовал ее рассказу о происшествии. Хоть и не с отличием, но все же закончив некогда мединститут, Андрей прекрасно знал, что синяк на лице, или, по-умному, гематома, в зависимости от времени, когда он был нанесен, имеет определенную последовательность расцветки: сначала – красноватый, затем – багрово-синий, позднее – зеленеющий и в конце – желтый. В советские времена говорили, что цвет синяка меняется от червонца к рублю – по цвету тогдашних денежных купюр.

По словам же фрау, травму она получила непосредственно перед обращением за помощью. Значит, фингал мог быть лишь багрового цвета, в крайнем случае начать синеть. Но ни зеленого, ни тем более желтого оттенков быть не могло – они появляются не раньше шестивосьми дней после травмы. Вывод из всех размышлений следовал однозначный: долгожданная встреча с «профессором преступного мира» должна была вот-вот состояться.

И Мориарти должен был прийти на нее один, в лучшем случае с напарником.

«Если я ошибаюсь, – размышлял Ларин, – то какого черта было отсылать меня и Уотсона? Нас бы всех троим успешно уложили у водопада».

* * *

Соловец вышел на крыльцо родного РУВД, посмотрел на высыпающие по небу звезды и поплотнее запахнул пуховик.

К вечеру сильно похолодало.

Мимо майора по тротуару рысцой пробежал какой-то раскрасневшийся мужичок, весело крича:

– Ничего, Сереженька! Скоро будем дома, сынок!

За ним на длинной веревке болтались пустые санки.

Соловец проводил взглядом папашу, вспомнил, что сам уже давным-давно не гулял с собственными отпрысками, и решил в ближайшее воскресенье, вместо того чтобы с Лариным и Дукалисом пить

пиво, выбраться с семьей в какой-нибудь парк и там от души показаться на лыжах или на санках.

Из двери РУВД показалась голова Чердынцева.

– Георгич! Эй, Георгич!

– Ась? – не оборачиваясь, спросил Соловец.

– Давай дуй обратно. На рынке два трупа!

– Черт! – Майор поглубже натянул шапку на уши. – Скажи Мухомуру, что я уже ушел.

– Не могу. Он в окно смотрит, – грустно сказал начальник дежурной части.

– Вот блин! – Соловец развернулся лицом к зданию РУВД и поднял глаза на освещенное окно кабинета Петренко, на фоне которого маячил силуэт подполковника. – Я когда-нибудь вовремя попаду домой или нет?

– Есть такая профессия – милиционер, – с пафосом сказал уже хлопнувший рюмочку коньяку Чердынцев, тем самым отметив благополучный уход проверяющего.

Соловец зашел внутрь околотка, стащил с головы шапку и молча побрел наверх.

Ему на память отчего-то пришел давний случай, когда над ним, зеленым еще лейтенантом, подшутили Ларин и Казанцев.

Накануне Дня Победы троица недавних выпускников питерских вузов, по зову горячего сердца, пересохшего горла и пустого кармана пошедших работать в МВД, пьянствовала в компании приглашенных Казановой пэтэушниц на квартире Соловца. К утру, как водится, они допились до полной зюзи.

И то ли у Ларина, то ли у Казанцева родилась гениальная мысль разрисовать наголо обритуго голову Соловца.

Сказано – сделано.

На лоб и темя пьяного товарища написали следующее: «Да, я такой. Я – голубой». Закончив манипуляции фломастерами над мирно храпящим Соловцом, товарищи по оружию легли спать и не слышали, как лейтенант, никем не остановленный, вышел на улицу, дабы съездить в ближайший гастроном за пополнением запасов спиртного.

Встречные фыркали и крутили пальцем у виска. Кто-то громко вслух высказался, дескать, совсем обнаглели меньшинства.

Конец мучениям Соловца положил участковый, отволокнувший его в помещение пункта народной дружины. Там лейтенант наконец посмотрел на себя в зеркало и поведал пожилому капитану грустную

историю о том, как на него напали в подворотне трое юнцов в черных кожаных куртках, треснули чем-то по затылку и дальше он ничего не помнит.

Капитан сочувственно покивал, вымыл голову Соловца керосином и отпустил восвояси.

На друзей лейтенант не обиделся – он был отходчивый...

В предбаннике кабинета Петренко майор столкнулся с выходящим Мухомором.

– Мартышкина задержали, – подполковник обреченно махнул рукой на телефон с гербом России на диске, соединявший РУВД с Главком. – Транспортный отдел метрополитена. Первый зам. лично позвонил, «поздравил»... Еду разбираться.

– Как? За что, Николай Александрович? – поразился Соловец.

– Напал на заявителя, – печально промычал Петренко.

– Ларина не видели? – поинтересовался Соловец.

– Видел, – буркнул Мухомор, снимая с вешалки шинель.

– Где? – обрадовался майор.

– Бегал тут по двору, как в жопу ужаленный, «барабана» своего дожидался, – объяснил подполковник. – Ну, всё, я за Мартышкиным, а ты на рынок жми. И побыстрее!

* * *

И все-таки Андрей недооценил Мориарти.

Когда до Рейхенбахского водопада оставалось два-три десятка метров, за спинами наших туристов раздался зловещий хохот лидера «девонширских». Ларин решил, что сразу же извлекать из кармана револьвер рискованно, и медленно повернулся назад.

«Профессор преступного мира» стоял на единственной тропинке, ведущей меж скал в направлении деревушки, и, широко расставив ноги, делал какие-то странные пассы руками, ужасно при этом гримасничая и шипя по-гадючьи.

– Вы что, нездоровы? – участливо поинтересовался Ларин. – Может, требуется помощь врача? – Он попытался шагнуть к злодею.

Тот в ответ еще сильнее задержался, будто невидимый кукловод под джазовую мелодию начал дергать за ниточки, на которых болталась марионетка.

Холмс схватил своего спутника за пальто. На лице сыщика застыл неподдельный ужас.

– Не подходите близко! Это приемы смертельной борьбы баррицу, которой в совершенстве владеет Мориарти!

– Да? А я думал, что у профессора начинается эпилептический припадок. Послушайте, Мориарти, вы уверены, что вам не нужен врач?

От такого непочтительного отношения к его персоне лидер «де-вонширских» перестал дергаться и остановился.

– Это кто тут гавкает? – поинтересовался он.

– С тобой, собака, не гавкают! С тобой разговаривает капитан милиции Ларин, – твердо отозвался оперативник. – Руки в гору, и медленно ко мне!

– А боббика-мусорка своего ты нам в подарок оставишь? – ехидно осведомился Мориарти. – Который сейчас к фрау домой побежал?.. Подождите, – вдруг спохватился «профессор», – а вы-то что здесь делаете? Вы же должны быть сейчас у фрау вместе со вторым спутником Холмса!

– Ага, вот вы и проиграли пари, – вступил в беседу великий сыщик, – я же говорил, что причина отсутствия моего спичрайтера исключительно женщина!

– Если только профессор сам ей не разукрасил физиономию недели полторы назад, – возразил Ларин и обратился к Мориарти: – Я думаю, что вас уже давно ждалась уютная клетка с видом на реку. Не возражайте, мой юный друг.

И Андрей извлек из кармана револьвер.

Вид оружия, казалось, не произвел на злодея особого впечатления. Гримасничать он, правда, перестал.

– Послушайте, неразумный бобби! – сказал «профессор» со смехом. – Неужели вы думаете, что вам удастся засадить меня за решетку? Меня будут защищать лучшие адвокаты. Что вы сможете доказать в суде присяжных? Я чист перед законом.

– А что вы скажете по поводу убийства хозяина бифштексной? – Профессиональный интерес Холмса заставил его забыть о смертельной борьбе баррицу. Да и револьвер в руке Ларина показался сыщику достаточно весомым аргументом. – А о похищении Энн Глюк? О гибели ее спутника в отеле? О баскервильских делах, наконец? Вам не выкрутиться.

– Забудьте, Холмс, – возразил Мориарти. – Тауэр не для меня. Присяжные в жизни не согласятся с этой версией. Кстати, положи руку на сердце, скажу, что последнее – это частная инициатива

Степлтона. Экссесс исполнителя, так сказать. Что же касается Петербурга... Да, признаю, я убил там человека, причем на глазах вашего бобби. Но это был мой человек. Он, подлец, хотел сбежать от девонширских конкретных джентльменов. Только у нас длинные руки. А попробуй кто-нибудь из вас заявить, как вы здесь появились, – сразу окажетесь в дурдоме. Вместе с милейшим Шерлоком. Ну да ладно, забудем. Я не зверь. Пишите письма мелким почерком. Я готов подождать несколько минут, перед тем как убить вас обоих. А вы, джентльмены, не станете же стрелять в безоружного?

– Он прав, – прошептал Холмс, – я успею написать несколько строк доктору. – И достал свой блокнот.

Андрей, продолжая держать злодея под дулом револьвера, усмехнулся:

– Нет, Мориарти! Вы слишком часто ошибаетесь. Это не я буду убеждать местных врачей, что я – нормальный. Это вы будете пытаться доказать нашим медицинским светилам, что не косите под дурака. И, ради бога, не думайте, что окажетесь в Тауэре. Я-то подразумевал вид на Неву из Крестов. Так что вставайте-ка в позу, приличествующую случаю: руки – в гору, ноги – шире плеч. И вообще, с чего это вы взяли, что после предупредительного выстрела в воздух я не могу вести стрельбу на поражение при задержании преступника?

– Нет у вас способов бороться с Мориарти! – не очень уверенно, но очень зло возразил лидер «девонширских». – А у меня есть право на адвоката.

– Чего-чего? Ай дон'т андестенд. Ай дон'т спиик инглиш, – парировал Ларин. – Это типа: «"Стой, стрелять буду!" – "Стою". – "Стреляю"». На случай, если кому-то вздумается махать руками. А что касается способов...

Андрей еще раз улыбнулся и извлек из кармана портативный диктофон, позаимствованный на днях у знакомого журналиста, приходившего в «убойный» отдел за информацией для газеты. Правда, информация оказалась для акулы пера неподъемной, в результате чего пришлось договариваться с дежурным из вытрезвителя и отправлять спецтранспортом бесчувственное тело домой.

Диктофон же дожидался в кармане возвращения корреспондента.

– Вы знаете, что это такое? – поинтересовался Ларин, с удовлетворением отметив, как глаза Мориарти округлились, а длинные узловатые пальцы произвольно потянулись к диктофону. – Будешь сидеть, я сказал!

– Я все расскажу, только отпустите меня! – заканючил «профессор». – Это все Степлтон. Это он хотел, чтобы вас посадили! Я помогу вам вернуться. Честное благородное сло...

Но закончить свою мысль лидер «девонширских» не успел: почти неслышно из-за шума водопада хлопнул одинокий выстрел. Пуля, попав в глаз, снесла на выходе полголовы Мориарти и столкнула тело со скалы в бездну.

Ларин не стал ждать очередного выстрела и бросился к каменной стене.

Не менее расторопным оказался и сыщик, положивший блокнот на землю и живо последовавший примеру оперативника.

– Все, Шерлок, уходим!

Но очередной выстрел, грохнувший откуда-то сверху, заставил обоих вжаться в холодный камень.

Когда Уотсон, сумевший освободиться от своей пациентки, добрался до водопада, то обнаружил лишь записку в блокноте великого сыщика: «Дорогой мой Уотсон! Я пишу эти строки только благодаря любезности Мориарти...»

Что же касается обитателей Девоншира, то они ничего не знали об альпийских событиях, а потому продолжали мирно заниматься своими делами.

Дукалис, отрабатывая версию о киллере, скрывающемся в трясине, снова отправился к наблюдательному мистеру Френкленду, чтобы воспользоваться его подзорной трубой и оценить ценные наблюдения прошлых дней. Дабы не оставлять без присмотра Генри и Лерсона, он взял обоих сэров с собой, к их общему удовольствию.

На этот раз владелец трубы был гораздо более приветлив, чем во время первой встречи. Он радостно сообщил, что видел на болоте ка-торжника.

– Впрочем, посмотрите-ка сами! – Мистер Френкленд подтолкнул Дукалиса, плохо понимающего быструю английскую речь, к трубе. – Во-он там, у гранитных столбов!

Оперативник взглянул в указанном направлении. Сквозь клочья тумана, окутывающего окрестности, в кустах неподалеку от груды камней, неведь откуда появившихся в здешних местах, можно было увидеть странную фигуру скрывающегося там человека.

Решив, что с одним-то злодеем при помощи бульдога и пистолета справиться можно всяко, Дукалис, поблагодарив радушного хозяина, бросился вниз по лестнице. По дороге к нему присоединился и

Генри, уже окончательно соскучившийся в девонширской глуши. Сэр Лерсон явно не разделял их намерения бегать по трясине, но тем не менее мужественно поковылял следом, недовольно ворча и похрюкивая.

Вдруг с той стороны, куда направлялись оперативник и оба сэра, раздался ужасный вой.

Дукалис и Генри остановились. Сэр Лерсон, наоборот, пришел в благодушное настроение и живо припустил по болоту. Брыли его при этом развевались по ветру, словно вывешенное на просушку белье, обнажая влажно-белые острия клыков.

– Генри! Заходи слева! – крикнул Дукалис Баскервиллю, в глубине души надеясь, что тот окажется не таким быстроногим, как стремительно несущийся Лерсон.

Добровольный помощник не заставил себя упрашивать и живо сменил направление под аккомпанемент ужасающего воя с болота, а оперативник ринулся следом за собакой.

Каково же было расстройство Дукалиса, когда, домчавшись до заветных камней, он обнаружил там одного бульдога!

Сэр Лерсон, напрочь забыв о погоне, обхватил передними лапами здоровенную кость, неведь каким образом очутившуюся в этих безлюдных местах, и старательно сдирал с нее остатки мяса. Анатолий хотел было высказать бессовестному животному все, что он думает о его деловых качествах, но не успел. Со стороны, откуда должен был появиться молодой Баскервиль, раздались какие-то крики. Мысленно плюнув на безответственного пожирателя мяса, Дукалис бросился в нужном направлении и, пробежав пару десятков метров, наткнулся на клубок из двух тел, нижним из которых оказался сэр Генри.

Верхнее, обряженное в лохмотья, тело, вцепившись в несчастного англо-канадца, истошно вопило о необходимости вора сидеть в тюрьме и одновременно нещадно трясло противника за одежду. Самым ужасным было то, что крики раздавались на русском языке и перемежались выражениями, которых нет ни в школьных, ни в инстинктивных словарях.

– Ты понял, ...ля, что тебе сказано?! ...а! ...ть! Должен сидеть!.....ть! ...ть!.. Сам ...ля!.. Без ансам-бля!..

– Стоять! Всех перемочу! Я – контуженный! – не растерявшись, тоже по-русски заорал Дукалис, наставив свой ПМ на клубок сцепившихся тел. – Уголовный розыск! У меня справка есть!

ТАЙНА РЕЙХЕНБАХСКОГО ВОДОПАДА

– Ро-озыск? – эхом отозвалась верхняя часть клубка, медленно поворачивая чумазую физиономию в сторону оперативника. – Ой, мамочки! Толя-ян, ты?!

Через миг на шее обескураженного Дукалеса, радостно смеясь и заливаясь счастливыми слезами, повис... Вася Рогов!

Глава 13

«МИРНЫЕ ДНИ»

Когда радость первых минут встречи улеглась, а сэр Генри был более-менее приведен в чувство после объятий Рогова, настало время вопросов и ответов. Правда, для проведения беседы в рамках протокола пришлось воспользоваться «нательной» фляжкой с виски, которая, к счастью, оказалась у Баскервиля, а затем скормить вновь обретенному товарищу сандвич, предназначенный для внепланового кормления сэра Лерсона. Впрочем, последнему до сандвича дела не было: все внимание бульдога было занято найденной на болоте костью.

Вася поведал, что с ним произошло после того, как в парадном была обнаружена жертва Мориарти. Когда приехала следственная бригада, он потихоньку ускользнул с места происшествия, где любой начальник только и думал, чем бы озадачить празднующего День чекиста оперативника. Но, как честный человек, Рогов в отдел не вернулся, а отправился во двор, чтобы разыскать исчезнувших там товарищей и, в случае удачи, разделить с ними радость поимки опасного преступника со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Какая-то сердобольная старушка из окна первого этажа указала на вход в подвал, где скрылись Ларин с Дукалисом, и Вася полез за ними. Проплутав в темном и сыром лабиринте, он наткнулся-таки на комнату размером с шкаф и, естественно, нажал кнопку «Exit».

Видимо, после неожиданного появления на берегах Темзы Ларина и Дукалиса прошло уже достаточно времени, так как Рогова встретил только сторож.

– Роб Дьерк? – переспросил Дукалис. – Понятно! Попил водки на халяву, утащил нас на Бейкер-стрит, а сам, гад, оказывается, обратно на рабочее место свалил!

– Вот и я говорю, что гад, – радостно поддакнул Вася. – Он, как меня увидел, давай лопотать что-то по-своему. А я по-местному, сам знаешь, ни бум-бум. Только и разобрал, что Толь'ян да Эньды. Ну, я понял, что вы здесь были, и потому поддался на эту провокацию.

Вася мотнул головой, отгоняя внезапно подступившие слезы, и отхлебнул из фляги, чтобы хоть немного успокоиться. Дукалис, понимая состояние друга, постарался отвлечь его от грустных воспоминаний, переведя разговор на события последнего времени:

– А болото? Что ты на болоте делал?

– Болото... – одичавший Вася глубоко вздохнул и снова вытер грязной ладонью глаза. – Это просто «писец» какой-то! Я же говорю, что не понимаю по-английски ни слова. Вокруг какие-то мужики на конях с винтовками. Бежать некуда. Ну вот я и спрятался здесь...

Дукалис, тронутый искренним рассказом товарища, восхитился его мужеством и постарался подбодрить, заметив, что лишь настоящий опер способен высиживать более недели на одном месте без еды, причем в то время, когда поблизости бродит страшный болотный дьявол.

– Какой дьявол? – удивился Рогов. – Где бродит?

– Как какой? Ты что, не слышал этого ужасного загробного завывания? – вопросом на вопрос ответил Толян. – Вон, даже храброго сэра Генри до костей пробрало.

Вася нервно рассмеялся.

– А что мне оставалось делать? – поинтересовался он. – Я же говорю: кругом – мужики с ружьями, я – ни слова по-английски. Того и гляди повяжут. Ну, я и придумал. Как кто появляется поблизости – повою немного, все стороной и обходят. К тому же ты не представляешь, как тяжело одному. Посидел бы с мое, еще не так бы взвыл! И бежать некуда. Я раз попробовал – едва из трясины выбрался! Это ...дец натуральный! Но я верил, что вы меня найдете. – И Вася очередной раз смахнул скупую мужскую слезу.

– «Peace days»... Что он говорит о «мирных днях»?* — вмешался в разговор сэр Генри, но Дукалис лишь отмахнулся:

---

* Непереводимая игра слов: напомним, что Баскервиль ни слова не понимает по-русски, а потому воспринимает на слух одно из специфических выражений

– Подожди, я объясню позднее. Вася, пойдем, тут недалеко. Мы тебя умоем, накормим и переоденем.

* * *

В кабинете дознавателя находились сильно помятый охранника-ми «Фагота» Мартышкин, прикованный наручниками к батарее, и молоденький лейтенант милиции.

– Что он натворил? – Подполковник прервал приветствие лейтенанта на полуслове и в упор посмотрел на несчастного Сысою.

– Нападение на гражданина и нанесение побоев, – отрапортовал лейтенант. – Есть свидетели.

– Кто?

– Сам потерпевший и охранники из его конторы.

– Кто терпила?

– Генеральный директор издательства «Фагот». Грубецкой Василий Акакиевич. Сейчас в травмпункте, фиксирует синяки и ушибы, – скороговоркой доложил дознаватель, с почтением взирая на погоны с двумя просветами.

– Туфта, – безапелляционно выдал Петренко.

– Почему? – обиделся лейтенант.

– Свидетели – подчиненные этого вашего потерпевшего.

– И что?

– А то, что они будут сознательно клеветать на моего сотрудника. Терпила – директор, свидетели – его работники. Ну, включи мозги, лейтенант. – Проработавший в МВД почти четверть века Мухомор безошибочно угадал звание дознавателя, несмотря на то что тот был в штатском.

Лейтенант смутился и виновато посмотрел на Сысою:

– Думаете, подстава?

– А у тебя есть другое мнение? – Петренко по-хозяйски уселся за стол дознавателя, достал очки и прочел первую строчку из протокола опроса свидетеля: – «Настоящим подтверждаю, что, когда я зашел в кабинет, гость г-на Грубецкого...» «Г-на» – это что?

– Господина, – ответил лейтенант.

– А я другое подумал, – оскалился Мухомор. Мартышкин клекотуще засмеялся шутке начальника РУВД.

Спустя секунду к нему присоединился и дознаватель.

– Так что делать будем, товарищ подполковник?

– Это, – Петренко бросил на стол листы протокола, – в корзину. А когда явятся потерпевший и свидетели, отправь их ко мне. Своего человека я забираю. – Начальник РУВД мотнул головой в сторону стажера. – Нечего ему здесь париться. У нас два убийства в районе, а людей не хватает. Пусть потрудится на благо отчизны, свидетелей расспросит, если силу девать некуда.

Лейтенант расстегнул наручники на запястье Сысоя и в нерешительности замялся.

– А как же я объясню, что подозреваемого отпустил?

– Под мою ответственность, – гордо заявил Мухомор и выплыл из кабинета, подталкивая в спину младшего лейтенанта. – Скажешь руководству, что приезжал прокурор Приморского района Баклушко и забрал невинно оклеветанного сотрудника с собой. Ты им фамилию свою называл? – прошипел Петренко на ухо Мартышкину.

– Называл, Николай Александрович. Гиббонов, – радостно зашептал стажер, наученный коллегами-операми, что в щекотливых ситуациях следует представляться чужим именем, и вдруг начал трястись в приступе захлебывающегося хохота.

– Вот тут ты молодец, – похвалил Мухомор, продвигаясь к выходу из линейного отдела милиции и пытаясь успокоить младшего лейтенанта.

* * *

Каково же было удивление Дукалеса, когда Френклэнд, увидев Рогова, неожиданно забрюзжал, что, мол, всегда не сомневался в умственных способностях полицейских.

– Я же вам говорил, что на болоте скрывается каторжник! – возмущался наблюдательный джентльмен. – А вы привели в мой дом какого-то неизвестного бродягу и теперь надеетесь получить премию. Но я разоблачу вас! Народ должен знать своих героев! Завтра же напишу в «Times», как наша полиция вместо того, чтобы ловить убийц, расправляется со свободными гражданами!

– Подождите, – недоуменно перебил поборника справедливости Толян. – Вы же сами показали мне этого господина. Там, на болоте...

– Не надо меня путать, Уотсон! – снова возмутился Френклэнд, подходя к подозрительной трубе. – Если вы слепы, то можете взглянуть еще раз. Ну вот, так я и знал! Посмотрите, этот каторжник спокойно сидит, где сидел, а какой-то мальчишка ему еще и еду таскает...

Дукалис заглянул в окуляр и увидел, что в пелене тумана по болоту с кочки на кочку перескакивает пацаненок, несущий в руках узелок.

– Что он говорит? – поинтересовался Рогов. – Он не хочет, чтобы я оставался в доме? Но я больше не выживу в этой проклятой трясине. Не бросай меня, я еще пригожусь!

– Не беспокойся, он говорит не о тебе, а о каторжнике, – постарался успокоить друга эрзац-Уотсон. – Где-то там местный бандюган ползает. Его-то, кстати, полиция и ищет.

– Вот скотина, – возмутился Вася, – я же этого гада уже один раз поймал.

– Как поймал? – не на шутку удивился Дукалис – Где он?

– Ну, где он сейчас – не знаю, – замялся Рогов. – А когда я только попал на эти болота, смотрю, мужик какой-то шарится неподалеку, будто бы ждет кого-то. Ну, я затаился, жду, что будет. Через некоторое время непонятно откуда тетка явилась. Положила неподалеку от этого чувака узелок и обратно пошлепала. А из узелка тако-ой запах!..

Из дальнейшего рассказа Васи можно было понять, что, почувствовав запах еды, он позабыл про все остальное и направился к узелку. В том же направлении двинулся и незнакомец, но, увидев Васю, развернулся и попытался скрыться.

– Кто же бежит в присутствии опера! – самодовольно заметил Вася. – Я инстинктивно бросился за ним и... ну, в общем, повязал. А этот гад улучил момент, пока я ел, и сумел удрать.

– Ладно, теперь не удерет. – Дукалис решительно направился к выходу. – Мы возьмем его прямо сейчас!

Оба оперативника, сэр Лерсон и увязавшийся за ними Генри снова отправились на болото, по следам мальчишки. Но того и след простыл. Проплутав некоторое время среди камней, кустов и кочек, троица наткнулась на небольшую пещеру, из которой явно тянуло запахом костра.

– Граждане бандиты! – крикнул Толян в глубь пещеры. – Вы окружены. Выходите по одному! Оружие складывать у входа!

– Ruff! Ruff*! – поддержал сэр Лерсон справедливое требование. Но пещера хранила молчание.

Тогда Дукалис, снова достав пистолет, осторожно шагнул внутрь. Следом за ним, прихватив валявшуюся поблизости палку,

---

* Здесь: стоять, волки позорные! Пасти порву! (англ., собач.).

проследовал и Рогов. Однако в пещере посторонних не оказалось. Гостей встретил лишь догорающий костер, рядом с которым на земле лежал узелок, очевидно оставленный мальчишкой. Естественно, оперативники поинтересовались его содержимым.

Поверх буханки хлеба, нескольких огурцов, зелени и куска хорошо прожаренного мяса лежал клочок бумаги с корявой надписью: «Доктор Уотсон уехал в Кумб-Треси».

– Блин! Я так и думал, что «девонширские» следят за нами! Вася, мы, кажется, не слабо влипли! – И оперативник, резко повернувшись, направил пистолет в сторону входа в пещеру, откуда послышался странный шорох.

Вася Рогов поднял свою дубину, словно бейсбольную биту, приготовившись отражать нападение.

* * *

В два часа ночи майор Соловец вышел из лифта, достал ключи от своей квартиры и тут заметил, что из мусоропровода идет дым.

Соловец подумал, что какой-то идиот бросил туда окурки, от которого загорелся мусор, и, будучи примерным гражданином, сходил домой, тихо, чтобы не разбудить жену и детей, набрал там ведро воды и вылил ее в мусороприемник.

Дым вроде прекратился.

Но только Соловец собрался уходить с лестничной площадки, опять потянуло паленым.

Майор сбегал домой, еще раз набрал воды и вернулся к мусоропроводу

Вылил полведра – дымить перестало.

Покурил минут пять – дым снова пошел.

Так Соловец провел возле мусоропровода почти три часа, заливая начинавший тлеть мусор и бегая домой пополнять запасы воды. Потом ему это надоело, он плюнул на всё, вылил из ведра остатки воды в темное жерло мусороприемника и ушел спать.

Наутро у подъезда его остановил дворник, знавший, что примерный гражданин Соловец служит в милиции.

– Прикинь, Георгич, – сказал дворник, дыша перегаром. – Ночью к нам сварщик приезжал, рассекатели в мусоропроводе ставить. Ну, бутылки чтоб бились, банки... Короче, чтоб не застревали. Только он приступил к работе, какой-то идиот вылил ему на голову ведро воды. Мужик озверел, но немного подождал и снова за электрод взялся.

Только начал варить – ему опять вода на башку льется. Остановился – прекратилось. Опять включит аппарат – снова полведра, как, блин, специально. До пяти утра мучался. Уехал злой, мокрый, грязный, как свинья. Теперь в соседние подъезды идти отказывается. Говорит, у нас в доме чертовщина какая-то творится. Георгич, ты эту сволочь, что с водой развлекается, случаем, не знаешь?

– Не знаю, дом большой, – холодно ответил невыспавшийся майор и, скромно потупив взор, устремился к остановке автобуса.

* * *

– Эй, в пещере, не стреляйте! – раздался снаружи до боли знакомый голос – Толян, убери ствол.

На выходе из пещеры появились два темных силуэта, и вскоре Дукалис и Рогов уже обнимались с Лариным, а сэр Генри фамильярно похлопывал по спине Холмса. Сэр Лерсон тоже выразил свою радость. От полноты чувств он подбежал к вновь прибывшим и, подняв лапку, быстро пометил штанину великого сыщика.

Правда, выразить подобным же образом свое расположение к Андрею ему не удалось, тот успел вовремя отскочить в сторону.

Некоторое время все обменивались последней информацией. Ларин с Холмсом коротко рассказали об альпийских приключениях, о гибели Мориарти и о том, как они были вынуждены, оставив Уотсона в объятиях горячей фрау, бежать, спасаясь от духового ружья, на выручку Дукалису.

– Ты понимаешь, Толян, этот «профессор» успел расколоться, сказал, что Степлтон работает на него. Значит, тебя тут могли запросто замочить. Но мы не знали, каким образом. Потому решили, что немного посидим в засаде на болоте, последим за этим ботаником. Ты же не зря писал, что он тут ошивается. Вряд ли он дома «волыну» держит или еще что криминальное. Скорее всего, где-то в районе трясины у него норка есть. Вася, а ты в этих краях посторонних не встречал?

Рогов отрицательно помотал головой и с куском мяса во рту попросил объяснить, что происходит.

Андрей коротко подвел итоги.

Судя по всему, Мориарти не мог или, скорее, не желал перекрывать «канал доставки» гостей из Питера в Лондон. Поэтому, чтобы сохранить тайну, ему следовало обязательно устранить проникших сюда оперативников. Для этого он сначала попытался их скомпроме-

тировать в глазах местной полиции, втянуть во всякие криминальные разборки. Потом, когда это не удалось, лидер «девонширских» принял решение убить ментов. Но, на всякий случай, решил убрать их подальше от заветного входа. Именно поэтому были организованы проблемы с Баскервиль-холлом. Только оказалось, что Ларин с Холмсом остались в Лондоне. Тогда Мориарти пошел на прямые провокации, стал угрожать убийством, правильно рассчитав, что великий сыщик решит бежать.

По прикидкам Ларина выходило, что именно теперь, когда они находятся далеко от столицы, «девонширские» начнут физическое устранение нежелательных свидетелей. Первая такая попытка оказалась неудачной для самого Мориарти: кто-то из его поделщиков испугался, когда «профессор» начал говорить лишнее, и застрелил главаря. Теперь рассчитывать можно было только на помощь Степлтона, являвшегося, как предполагал Ларин, ближайшим помощником покойного Мориарти.

Андрей специально для Дукалиса пояснил, что мнимая жена Степлтона на самом деле не кто иная, как разыскиваемая ими Энн Глюк, бывшая осведомительница великого сыщика.

– Шерлок ее узнал, когда мы наблюдали за их домом, – пояснил Ларин. – Думаю, именно ее знакомство с Холмсом и объясняет, что Энн посылала предупреждение, а во время Толиного визита просила его убраться из Девоншира. Кстати, я теперь начинаю догадываться и о мотиве убийства спутника Глюк в отеле «Нортумберленд». Скорее всего, Степлтон, который у «девонширских» никак не меньше бригадира, приревновал рядового «быка» к своей подруге. Но сейчас это не важно. Главное, что после гибели Мориарти если кто и может восстановить «канал доставки» для нашего перемещения в обратном направлении, так только ботаник.

– Ты все понял, Вася? – переспросил Андрей, закончив свой грустный рассказ. – Если мы не возьмем этого козла, то никогда не сможем вернуться назад, в Питер.

– Постой-ка, Андрюха, – перебил товарища Дукалис, – ты говоришь «козла»? У меня тут возникла интересная мысль...

Но закончить он не успел: со стороны болот раздался истошный крик, который позднее доктор Уотсон назвал в своих воспоминаниях «страшным воплем ужаса и муки».

Все бросились в том направлении, но было поздно. Метрах в двухстах к западу от пещеры среди обломков камней распростерлось

тело человека. Его голова была повернута вбок, глаза широко раскрыты, а на мертвом лице отпечатались гримаса боли и ужаса.

– Это он, мужик, которого я пытался задержать, – прошептал Вася.

Оперативники обступили убитого. Ларин, некогда закончивший мединститут, а потому считавшийся в отделе непревзойденным специалистом в области медицины, попытался нащупать на шее потерпевшего хотя бы тоненькую ниточку пульса. Все попытки оказались тщетными.

– Проклятье! – вскричал Холмс. – Посмотрите: метка дьявола! Болотная гадюка!

И великий сыщик ткнул длинным пальцем в направлении ягодиц убитого.

Действительно, сзади, на ткани штанов каторжника, виднелись два маленьких прокуса, окрашенных кровью.

– Какого дьявола?! При чем здесь гадюка? Это же фантазии местных сказочников, – обескураженно пробормотал Ларин. – Таких гадюк не бывает. Мы это в школе проходили.

– Еще как бывает! – возразил Холмс. – Вы что, не верите своим глазам?

– Блин, козлы девонширские! Это их проделки! Не знаю, как они это умудрились сделать, но ботанику точно не поздоровится. – И Андрей взвел курок револьвера.

– Правильно, Андрюха, – поддержал друга Дукалис. – Только не козлы, а козел. Один козел.

– Ну, пусть один – все равно не жить этому гаду! – продолжал возмущаться Ларин уже по-английски.

– Что ты сказал? Я не понимаю, – заволновался Рогов.

Но в этот момент совсем неподалеку от места происшествия раздался тяжелый топот, и из тумана прямо на Васю неожиданно выскочило мохнатое существо с ярко светящимися в начинающих густеть сумерках глазами. Оно неслось прямо на оперативника, угрюмо наклонив голову и выставив вперед страшные длинные рога, а из-под копыт чудовища в разные стороны летели камни и комья болотной грязи.

* * *

Для инспектора по делам несовершеннолетних лейтенанта Волкова и его приятеля, дознавателя Чукова, эта ночь тоже была полна приключений.

Хорошо выпив после осмотра места происшествия на рынке и не найдя оружия, из которого завалили двоих армян, коллеги пошли по домам, благо жили неподалеку. Но, по совершенно несчастливому стечению абсолютно случайных обстоятельств, путь в родные гнезда неадекватных окружающей действительности «скворцов»^{*} проходил мимо парка, где возвышалась древняя карусель. С деревянными скамеечками, подвешенными на цепях, и раскрашенной лошадкой на куполе.

Чукова прошибла ностальгия по тем временам, когда он, одиннадцатилетний ученик первого класса начальной школы, наряженный в костюм матроса, катался на этой карусели вместе с мамочкой. И дознаватель предложил Волкову вспомнить детство золотое.

Приятели зашли в парк, нашли рычаг, который эту самую карусель заводит, и стали спорить, кому первому начинать кататься. Спорили они, спорили, пока наконец Волков не родил рационализаторское предложение, как это осуществить на пару.

– Давай, – сказал покачивающийся от порывов ветра лейтенант, – найдем веревку, привяжем к рычагу, сядем на карусель, дернем и поедем. И никому не обидно!

На свою беду, веревку они нашли...

Пришедший к восьми утра на работу механик, занимавшийся профилактикой оборудования в зимний период, снимал их с помощью вызванного из ближайшего строительно-монтажного управления крана.

Измученных, трезвых, покрытых инеем, не способных самостоятельно ни ходить, ни стоять.

Да еще к тому же без ботинок и пистолетов, коими они пытались, в очередной раз пролетая мимо будочки карусельщика, попасть в этот проклятый рычаг.

Еще они громко кричали, но глухой ночью их никто не услышал.

* * *

Все замерли от неожиданности.

---

^{*} Сотрудник милиции (жарг.).

Только одичавший на болотах Рогов с диким криком «Бей девонширских козлов!» размахнулся дубиной и что было сил опустил свое оружие промеж длинных рогов.

Чудовище, пролетев по инерции еще несколько метров и едва не зацепив Васю, рухнуло на землю. Запоздало грохнули револьвер Ларина и пистолет Дукалис. Их пули чуть ли не в нескольких сантиметрах просвистели над сэром Лерсоном, который с боевым воплем «Ruf-fl!!!»^{*} отважно прыгнул на чудовище и вцепился ему в загривок.

— Ну вот и все, — выдохнул Дукалис, изумленно разглядывая поверженную тушу. — А вы: «Гадюка, гадюка!» Я же говорил — козел.

Когда эмоции чуть улеглись и сэра Лерсона удалось убедить, что ужин его дожидается совсем в другом месте, великий сыщик осторожно поинтересовался:

— Скажите, Дюк, а как вы догадались... Ну, что это — козел?

— Да, расскажи народу, — поддержал великого сыщика Ларин, услышав вопрос.

— Элементарно, Шерлок, — самодовольно заметил Дукалис. — Ни в каких огромных гадюк и болотных дьяволов я, естественно, не верю. Это — сказки для сопливых курсантов. Но доктор Мортимер уверял, что рядом с трупом Чарльза Баскервиля были обнаружены отпечатки копыт, а ранения напоминали следы «укуса большой гадюки». Только я отбросил эмоции и попытался представить, на что это похоже. Андрюха, помнишь, ты еще прикалывался насчет коровы, а доктор сказал, что следы меньше. Какие еще бывают парнокопытные? Свинья, коза. Но у свиньи нет рогов... А когда я был у Степлтонов, Энн дала мне козьего молока. Тут ботаник, я тебе об этом сообщал в отчете, вдруг заволновался и начал поить меня виски. Это была ошибка. Спиртное после молока — никакой имодиум не поможет! Тут-то я и подумал, что ботаник пытается направить мои мысли в другом направлении.

Дукалис победно взглянул на все больше хмурящегося Холмса и, догадавшись о причине его расстройства, поспешно добавил:

— Но все это стало возможным только благодаря гениальному методу нашего замечательного Шерлока и его урокам!

Затем Анатолий, как истинный джентльмен, торжественно склонил голову перед великим сыщиком.

---

^{*} Здесь: рога поотшибаю! (англ., собач.)

– Вы молодец, Дюк, – величественно заметил Холмс, – у достойного учителя должны быть достойные ученики. Впрочем, продолжайте.

Дукалис, пожав плечами, сказал, что продолжать, в общем-то, нечего. Ну, разве что за исключением нескольких незначительных подробностей.

– Это – самое главное! – торжественно изрек Холмс, поучающе воздев к небу указательный палец с обгрызленным ногтем.

Оперативник не стал спорить, решив до конца удовлетворить интерес слушателей.

– Ну, предположив, что в деле замешан какой-то козел, я навел справки у местных и покопался в библиотеке Баскервильей. Оказывается, в давние времена в этих краях разрабатывалось некое секретное оружие, на которое правительство выделило колоссальные средства. Как водится, денежки исчезли, а попытки создать новое средство уничтожения окончились крахом. Но мне удалось выяснить, что речь шла не о чем-нибудь, а о специальных боевых козлах. Они неприхотливы, не требуют дополнительной заправки, кроме небольшого количества скипидара, которым им смачивают определенные места непосредственно перед атакой. А что касается «техобслуживания», то надо лишь слегка подточить рога и смазать их ядом болотной гадюки. Нападение практически всегда оканчивается гибелью противника. Любое ранение – смертельно. Ну, и кроме того, в старину люди знали, что там, где пехота не пройдет и кэб с братками не промчится, козел всегда тропу найдет и ничего с ним не случится. Во всяком случае, так было записано в книгах.

Друзья с восхищением смотрели на Дукалиса, а он тем временем продолжал:

– Да, джентльмены, в болотах нет лучшего воина, чем козел. Об этом наверняка догадался Мориарти со своими людьми. А в современных условиях козлы просто неоценимы. Как выяснилось, с их помощью можно развести кого угодно, и причем совершенно безопасно: все списывается на мифических гадюк и прочую нечисть. Надо просто взять, например, ботинок...

– А мои башмаки, они тут при чем? – удивился сэр Генри.

– Посмотрел бы я на вашу реакцию, дорогой Баскервиль, – вмешался Холмс, – если б вам скипидару на задницу и одновременно сапогом в морду. Что же касается запаха серы, который учуял Морти-

мер, то понюхайте, какой дрянью с болот несет. Ну, еще, может, непроизвольная дефекация... Вот и Степлтон...

– Что Степлтон? – неожиданно раздался голос вынырнувшего из тумана человека, держащего в руках сачок. – Что тут произошло с доктором Уотсоном?

– Peace days, – невпопад вспомнил роговское выражение сэра Генри.

Глава 14

ВОКРУГ ОДНИ КОЗЛЫ...

– Мирные дни! – вскричал сэр Генри, и перед глазами изумленных джентльменов предстал не кто иной, как ботаник, с которым они так мечтали познакомиться.

Заметив, что Дукалис жив и здоров, а у его ног покоится туша козла, Степлтон осекся.

– Ой, доктор, я так рад, что вы живы...

– Обрадовались Вы, как же! – ехидно ответил Холмс. – Боюсь, вскоре вы отправитесь или в тюрьму, или вслед за вашим главарем. А чтобы вам жизнь медом не казалась, замечу: сэр Дюк не доктор, а полицейский. Поэтому вас ждет не клизма, а в лучшем случае – кандалы.

Оперативники угрюмо обступили Степлтона со всех сторон, а Ларин успел для профилактики похлопать по карманам ботаника и отобрать у него сачок.

– Какие кандалы? Что вы от меня хотите? – возмущенно спросил бандит. – Я ничего не сделал!

– Вы задержаны по подозрению в убийствах и прочих гадствах, – объявил Ларин. – У вас нет права хранить молчание и пользоваться услугами адвоката. Второе в здешних краях невозможно, первое – абсолютно бесполезно. Не правда ли, сэр Лерсон?

– Ruff! – радостно подтвердил проголодавшийся бульдог.

– Ах вы, бобби позорные! – не вынес подобного оскорбления Степлтон. – Что это вы удумали? Из добропорядочного человека и основателя движения «Гринпис» козла отпущения делать? Не выйдет!

– Послушайте, Степлтон, – твердо стоял на своем Ларин, – во-первых, не все козлы одинаково полезны. А потом, если бы проводился мировой конкурс козлов, то лично вы заняли бы на нем лишь второе место.

– Почему второе? – удивился ботаник.

– Да потому, что вы – полный козел! Кто рога полировал этому чудовищу, не напомните? – Андрей указал на повергнутую тушу. – А про отпечатки пальцев – забыли?

– В Англии еще никто про это не знает! – возразил Степлтон. – Это все ваши фантазии, а отвечать за всякого бродячего козла я не намерен!

– Так вы незнакомы? – искренне удивился Дукалис. – Ну-ка, Андрюха, помоги мне...

И Толян, подскочив к задержанному, крутанул тому за спину руку, подталкивая Степлтона поближе к отполированным, смазанным ядом и фосфором рогам.

– Что вы делаете? Ку-уда? – прохрипел ботаник.

– Сейчас мы поставим вам на ягодицы небольшой козлиный значок, – честно ответил Дукалис, – а потом – катитесь на все четыре стороны!

– Не имеете права! Это убийство! Рога отравлены! Не-е-ет! – истошно заорал бандит, пытаясь упасть на землю.

– Ну вот вы и попались, – удовлетворенно констатировал Холмс, в то время как оперативник отпустил руку ботаника. – Если бы козел был бродячий, вы бы не знали, что у него на рогах яд. Теперь попробуйте-ка уверить присяжных в обратном. Но я абсолютно убежден, что показания свидетеля, почтенного сэра Генри, в присутствии которого вы только что признались в убийстве, покажутся большому жюри более весомыми, нежели ваши гнусные измышления.

– Бобби позорные! – вскрикнул Степлтон и, неожиданно вскочив, стремительно бросился в сторону трясины, разбрасывая во все стороны грязь.

– Стоя-ать! Буду стрелять! – запоздало крикнул вслед беглецу Ларин и, виновато взглянув на друзей, опустил револьвер. – Не могу в спину...

– Взять его! – Дукалис попытался подключить к погоне сэра Лерсона, но в ответ услышал возмущенно-обиженное: «Ru-u-uff»*.

---

* Здесь: ты что, совсем сдурил? Да чтобы я, по доброй воле, полез в трясины за

Тем временем бандит все дальше и дальше уходил по болоту, перепрыгивая с кочки на кочку. В какой-то момент зыбкая почва ушла у него из-под ног, и он по пояс провалился в трясину. Беглец попытался хвататься за траву, но та выдергивалась из хлипкой почвы и обжигающе резала ладони. Тогда Степлтон начал кричать, безуспешно призывая на помощь. Рогов бросился спасать тонущего, но, не добежав, сам провалился в болото и был извлечен оттуда только благодаря самоотверженному сэру Лерсону, вцепившемуся в воротник Васиного пиджака.

Степлтон же, в последний раз булькнув: «Помогите!» – исчез в трясине.

* * *

Майор Чердынцев сидел в своей каморке, прихлебывал утренний чай и смотрел телевизор.

Выпуск питерских новостей был посвящен демонстрации прокоммунистически настроенных граждан, прошедшей накануне вечером в Василеостровском районе.

Сначала минут пять показывали колонны митингующих, целенаправленно бредущих по Большому проспекту к памятнику Ленину, что стоит напротив здания бывшего райкома комсомола, потом дали организатору мероприятия сказать пару слов в микрофон и на середине недосказанной фразы микрофон убрали, затем опять камера заскользила по лицам собравшихся – медленно, под большим углом, чтобы зритель не понял, сколько на самом деле народу собралось на очередной «марш трудящихся». Корреспондент взалхлеб вещал о двух тысячах демонстрантов, но, по оценке Чердынцева, их было человек сто.

Репортаж закончился фразой ведущего, способной согреть душу любого мало-мальски здравомыслящего человека с минимальным чувством юмора:

– И вот, когда демонстрация завершилась, на проспекте остались только милиция и мусороуборочные машины...

В окошечко дежурки просунулась голова дознавателя Гекова.

– Что у нас сегодня? – спросил Геков и обвел мутным взглядом стены каморки.

– Продолжаем работать над вчерашней мокрухой, – спокойно ответил Чердынцев, не имевший никакого касательства к оперативной работе и которому была по барабану любая раскрываемость. – Скоро Мухомор явится и определит вам фронт работ.

– Хочешь, историю расскажу. Смешную, – пообещал Геков.

– Ладно, – согласился Чердынцев.

– У меня сын в детский садик ходит, в подготовительную группу. Ну вот, вчера у них спрашивали, кто из родителей может помочь садику. Отремонтировать там, покрасить, денег дать, – объяснил дознаватель. – Ну, один киндер сказал, что папа у него сантехник, может трубы поменять, другой – что штукатур, может стенку подремонтировать, третий – что водитель грузовика, может что-нибудь привезти... Мой подумал и говорит: «А мой папа может повара в тюрьму посадить». Во как! Растет смена, растет... Ну, ладно, я пойду.

За спиной дознавателя грохнула входная дверь, и в РУВД ввалился подполковник Петренко, отряхивающий снег с шапки.

* * *

– Все, приплыли. – Дукалис обреченно опустил на камень. – Теперь нам крышка. Мориарти мертв, его подручный тоже. Обратной дороги нет. – Оперативник горестно застонал.

Сэр Лерсон, глубоко сочувствуя его горю, поднял морду вверх и завыл, предоставив жителям близлежащих «холлов» и «хаузов» пищу для новых пересудов о болотном дьяволе. Пригорюнились и остальные джентльмены.

Вдруг Ларин хлопнул себя рукой по лбу:

– Ну-ка, Вася, Расскажи-ка еще разок, как тебя сюда занесло. Кажется, у меня есть одна идея.

Рогов недоуменно пожал плечами:

– Чего тут еще говорить? Никуда меня не занесло, а охранник этот гадский привез. И оставил на съедение козлу. А сам, вражина, удрал.

– Вот! – Андрей чуть не захлопал в ладоши. – Вот он – выход! Толян, давай вспоминай, как мы с этим Робертом Дьерком водку пили!

– А фигли тут вспоминать? – недовольно отозвался Дукалис. – Как обычно, из горлышка, только закуски сначала не было.

– Нет, я не о том, – досадливо махнул рукой Ларин. – Ты помнишь, что Дьерк говорил о своей работе? Во-первых, он уверял, что

живет у машины и никуда не может отлучаться. Так? – Дукалис кивнул. – Говорил, что он – простой сторож. Так? – Толян кивнул еще раз, явно не понимая, куда клонит товарищ. – А тогда, спрашивается, какого хрена он поперся с Васей Девоншир? Лапшу он нам на уши вешал, вот что! Дьерк этот не просто сторож! И никакой он не бомж. Бомжу бы не то что сложную технику, ему бы пустой сортир охранять не доверили! А с учетом того, что Роб этот проболтался, что он инженер... В общем, думай, Толян, думай!

– А что тут думать? – вскочил на ноги обрадованный Дукалис. – Надо ехать, брать подонка. Кто, кроме него, мог навести на наш след Мориарти? Кто завел Васю точнехонько к козлу Степлтону? Я уверен, что и машину он починил!

– И, думаю, правильно уверен, – поддержал друга Ларин, – иначе какого рожна было нас убирать в эту тмутаракань? Только для того, чтобы мы не засветили канал транспортировки. Причем именно действующий канал! Послушайте, Холмс, мы должны срочно ехать в Лондон.

Великому сыщику хватило такта не задавать никаких вопросов, он лишь кивнул головой:

– Поехали!

И широко зашагал в сторону дороги, ведущей к вокзалу.

* * *

Летучка в кабинете Мухомора проходила в полном соответствии с давно установившимися традициями.

Разве что в это утро народу было совсем немного.

Петренко начал совещание с краткой информации для внутреннего пользования.

– Волков и Чуков в больнице с обморожением. Казанцев дома, прислал записку от родителей. Безродный задержан охраной Большого Дома. При попытке проникнуть во внутренний двор здания Управления ФСБ. Сидит у них в изоляторе. Говорят, сознался в том, что работает на китайскую разведку. У Мартышкина нервный срыв. Сейчас в Скворцова-Степанова*. Ларина, Дукалиса и Рогова я что-то тоже не вижу. Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?!

Подчиненные тактично промолчали.

Ничего из ряда вон выходящего в происшедшем они не видели.

---

* Самая известная психиатрическая больница в Санкт-Петербурге.

– Теперь о вчерашнем убийстве на рынке, о котором мне сообщили только что. – Петренко взял лежащую перед ним справку. – Согласно распоряжению второго заместителя начальника ГУВД от седьмого декабря этого года, третий и четвертый ряды лотков рынка относятся к территории соседнего райотдела. Так что, майор Соловец, передавайте все бумаги Совкову, и пусть он сам с ними возится. И не скалься! – Мухомор строго посмотрел на расплывшегося в улыбке начальника «убойного» отдела. – У тебя за месяц четыре «глухаря». С ними-то что делать будешь?

– Справимся, Николай Александрович! – Майор потер слипающиеся глаза. – Уже есть наметки.

– Смотри у меня! – Подполковник по-отечески погрозил Соловцу пальцем. – Не вздумай в «самоубийства» переводить. Мне того случая, с трупом без головы и топором в спине, хватило.

Глава «убойщиков» приложил руку к сердцу и закивал.

– Всё, – подытожил Петренко. – Идите на рабочие места и приступайте... Да, Соловец! Выпусти задержанных из клетки, сними объяснения и гони в шею. Но чтоб всё было грамотно.

– Ясно, Николай Александрович. – Майор поднялся. – Типа сами в «обезьянник» залезли?

– Вроде того. – Мухомор вялым взмахом руки распустил подчиненных.

* * *

Для Роберта Уильяма Дьерка визит оперативников в сопровождении сыщика оказался явно неожиданным.

При виде этих джентльменов у бедного инженера даже случился острый приступ медвежьей болезни, отчего заветная хибара наполнилась страшной вонью. Правда, благодаря приступу Дьерк счастливо избежал близкого знакомства с сэром Лерсоном, который сначала плотоядно хрюкнул, поглядывая на задницу охранника, но, поведя носом, потерял всякий аппетит и благоразумно отступил назад.

– Только не по голове, господа! – умолял приспешник Мориарти, ожидая скорой и безжалостной расправы за свою подлость. – По голове нельзя – гадить буду!

– Ты уже и так нагадил сверх всякой меры, – оборвал его причитания Ларин. – Но если ты, козел, сейчас же не отправишь нас обратно, то тебе никакой имодиум не поможет. Вкупе с элениумом и виагрой. Считаю до трех, два уже было.

Насмерть перепуганный инженер суетливо закивал головой и распахнул дверцу транспорта.

– Не волнуйтесь, господа! Все будет в лучшем виде! Счастливого пути!

– Это вы не волнуйтесь, Дьерк. – В голосе Шерлока Холмса прозвучал металл. – Джентльмены уезжают, а мы с сэром Лерсоном остаемся, и, видит Бог, если вы вздумаете выкинуть какую-нибудь пакость, вас уже ничто не спасет.

– Нет-нет! Никаких пакостей! – еще сильнее затрясся Роберт Уильям. – Все будет в лучшем виде. Нажмите, пожалуйста, красную кнопку.

Друзья тепло попрощались с великим сыщиком.

– Приезжайте к нам еще, джентльмены, – любезно предложил Холмс оперативникам, – а то Уотсон вконец меня замучает вопросами о наших последних приключениях.

– Нет уж, лучше вы к нам, – ответил за всех Дукалис, физиономию которого уже полностью обслонявил расчувствовавшийся сэр Лерсон, не желавший расставаться со своим новым другом.

* * *

– А закусывать чем будем? – спросил Плахов, когда группа «убойщиков» в количестве двух человек и примкнувшие к ним дознаватели Чуков и Удодов собрались в кабинете у Соловца, дабы отметить окончание рабочего дня.

– Курятиной, – ответил майор, ковыряющий лезвием ножа пластмассовую крышку на бутылке водки «Сыдорчук».

Старлей покрутил головой, заметил лежащее на столе нечто, завернутое в промасленную бумагу, и рядом картонную упаковку с яркими надписями: «Христос воскрес!» и «Яйцо крупное. 10 шт. Дай Бог каждому!» – и успокоился.

– Ну, за нас! – Соловец щедро разлил каждому и поднял свой стакан. – И за скорое возвращение Андрюхи, Васи и Толика!

– А курятина где? – обеспокоился Плахов. Удодов протянул старшему лейтенанту тлеющую «беломорину»:

– На, братишка, покури...

ЭПИЛОГ

– Давай, давай потихонечку! Да поднимай же его, о донна Роза! – хрипел Дукалис, с трудом удерживая за один угол громоздкий шкаф с приборами.

– погоди, щас перехвачу. Уф, тяжелая зараза! – Вася Рогов пытался поудобнее взяться за другой угол шкафа и был бы наверняка раздавлен, если бы не своевременная поддержка Ларина, подставившего плечо под заваливающуюся на товарища аппаратуру.

– Слушай, а что мы дежурному скажем? – поинтересовался Рогов у товарищей, когда шкаф с грехом пополам все-таки был извлечен на улицу из подвала.

– Что, что! Вещдоков, что ли, не видел? – сплюнул Дукалис – Нет, ребята, без транспорта мы эту хреновину в контору не довозим. Послушай, Андрюха, давай хлебом чего-нибудь да тормознем тачку.

Опять в разговор вмешался неверующий Василий, рассуждая, зачем, мол, мучиться с аппаратурой, если она вряд ли заработает без специалиста.

– Почему не заработает? – удивился Толян. – Ну хорошо, Андрюха – доктор по специальности. А мы-то с тобой инженеры или кто? Разобрать сумели, значит, и собрать сможем. Думаю, за пару часов с помощью лома и чьей-то любимой мамочки все это хозяйство запустим.

– А мамочка тут при чем? – захлопал ресницами молодой оперативник.

– Исключительно для связки слов, – хохотнул Дукалис. – Идите ловите машину, а я тут поохраняю...

Минут через сорок после этого разговора к «убойному» отделу подъехал огромный дорожный каток, на капоте которого аккуратно покоились «вещественные доказательства» в виде напичканного приборами шкафа и какой-то странной аппаратуры.

Продолжение следует...

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	Ну ни фи́га себе пельмешка	6
Глава 2	Дринк со свидани́цем	27
Глава 3	Метод дедукции	42
Глава 4	Рашен-ярд	56
Глава 5	Лучше подло, чем никогда	66
Глава 6	Месть дохлого червяка	76
Глава 7	Гадюка выходит на охоту	92
Глава 8	Любовник охранника	102
Глава 9	Устрицы из Крыжопля	115
Глава 10	Чукча-писатель	126
Глава 11	Охота на поросенка, или гонки по горизонтали	138
Глава 12	Тайна Рейхенбахского водопада	147
Глава 13	«Мирные дни»	158
Глава 14	Вокруг одни козлы	171
	Эпилог	178

*В 2002 году
издательство «Валери СПД»
выпускает новый роман Д. Черкасова
«Реглан для братвы»*

Предлагаем читателям отрывок из романа

Дмитрий Черкасов
«РЕГЛАН ДЛЯ БРАТВЫ»

*Альтернативный криминальный
роман*

Пролог

– Ну, блин, вы и забрались! – Антон, осторожно ступая по раскисшей грязи своими начищенными до блеска штиблетами из змеиной кожи, которые обошлись ему в полторы тысячи долларов, обошел застрявший в десятке метров от лесной опушки роскошный темно-синий «BMW X5 4.4i» и грустно обозрел полностью вывешенное правое заднее колесо и на треть зарывшиеся в землю передние.

– Я тебя предупреждал, что здесь на твоём шоссейном монстре делать нечего, – веско заявил Денис Рыбаков, хлюпая по луже высокими резиновыми сапогами, кои он предусмотрительно нацепил ещё в городе. – Ты не послушался...

– Кто ж знал?! – печально забубнил Антон, перепрыгнув на более-менее сухую обочину проселочной дороги. – Всего-то три километра от городской черты...

– Это не аргумент. – Денис покачал головой. – Вон, Горыныч на своём «Навигаторе» в ста метрах от Невского проспекта умудрился в траншею сверзиться.

– Так то в траншею. – Горе-водитель присел на корточки и заглянул под днище «бомбы-внедорожника»^{*}. – К тому же Данька был такой пьяный, что вообще непонятно, как он в этом состоянии из Дюн^{**} приехал... Его ж в машину отволокли, чтобы поспал. И ключей у него не было.

– Горынычу отсутствие ключей не помеха. – Рыбаков дошел до кормы столь совершенного на асфальте, но пасующего на серьёзном бездорожье изделия баварских инженеров и подергал сдвоенный хро-

---

^{*} «Бомба» – «BMW» (*жарг.*). (Здесь и далее – примечания автора.)

^{**} Дюны – комплекс отдыха и развлечений в нескольких километрах от Санкт-Петербурга.

мированный патрубок глушителя. – Самец, однако... А я и не знал, что Данька был выпивши. Он утверждает, что это гнусные наветы гаишников.

– Щас! – Антон распрямился. – Когда его из тачки выволокли, он даже сам стоять не мог. И песни пел...

– А что пел?

– Говорят, арию Мистера Икса... «Уста-а-ал я греться у чужого огня, ну где же сердце, что полюбит меня-я...» – приятным баритоном пропел Антон, которому в далекой юности прочили карьеру солиста Мариинского театра. Если бы не увлечение боксом, то сейчас достойный бригадир* прозябал бы на нищенскую зарплату, выступал бы с концертами по всему миру и был бы женат на какой-нибудь балерине. – Паваротти, блин...

– Может, это у него от шока было? – предположил Денис, сохраняя каменное лицо.

– Шок был позже. И не у него, а у ментов.

– Да, бить мусорят в их собственном заведении – это слегка чересчур, – согласился Рыбаков, наслышанный о похождениях Горыныча, бодро разгромившего ближайший к месту аварии отдел милиции, куда неуправляемое тело опрометчиво доставили сотрудники ДПС**.

Большой ошибкой стражей порядка было то, что они сочли гражданина Колесникова неспособным оказать достойное сопротивление по причине бурлящего в крови братка алкоголя и принялись сразу по приезду в околоток оскорблять пребывавшего до сей поры в добродушном расположении духа и одаривавшего окружающих широкой улыбкой стотридцатикилограммового верзилу, называя того «виновником ДТП***», «террористом» и «сволочью», ибо на маршруте «Дюны—траншея» джип Горыныча четырежды бил мощной хромированной решеткой хлипкие «Жигули» ментозавров, зачем-то пытавшиеся перегородить дорогу весело несущемуся по ночному городу двухтонному чуду американской технической мысли.

Потрясенный вероломством людей в форме, которых с момента извлечения из салона «Линкольна Навигатора» и до приезда в райотдел Даниил считал милейшими ребятами, решившими просто помочь

---

* Здесь: бригадир – руководитель группировки (*жарг.*).

** Дорожно-патрульная служба.

*** Дорожно-транспортное происшествие.

ему добраться до дома и поддержать его пение хоровым бэк-вокалом, браток вскипел и принялся бросать как тяжелые предметы в стражей порядка, так и их самих о стены и в окна. Переход Горыныча из ослабленной заторможенности в состояние Терминатора, которого цинично обозвали «томагочи», был столь быстр, что близко стоявшие к дотоле спокойно сидевшему на стуле верзиле милиционеры не успели поднять свои дубинки и в считанные секунды были сметены, затоптаны и морально раздавлены.

Колесников вырвался на оперативный простор коридора, примыкающего к кабинету, куда его затащили, и продолжил разгром хоть и превосходящих его по численности, но физически неподготовленных к такой битве сил противника в лице десятка прапорщиков и сержантов патрульно-постовой службы. Пэпээсники пытались было порскнуть в стороны, однако не успели, ибо Горыныч использовал методику игрока в американский футбол: наклонив бритую шишковатую голову и широко расставив длинные руки, он ринулся на кучку блюстителей правопорядка и сгреб их в украшенный двумя фикусами тупичок-курилку, лишив тем самым возможности применить огнестрельное оружие.

В тупичке Даниил уже не торопясь и с чувством набил морды тщедушным и хилым «скворцам»*, непривычным к физическим нагрузкам, а тем более – к рукопашному бою, отобрал имевшиеся у них в наличии три коротких автомата и один «Макаров» и привел их в полную негодность, поочередно зажимая стволы между косяком и мощной стальной дверью в дежурное помещение и сгибая их почти под прямым углом. Напоследок Горыныч смачно плюнул на ворочавшуюся под упавшими фикусами кучу-малу и с гордо поднятой головой убыл из отделения, растворившись во тьме зимней питерской ночи и лабиринте проходных дворов.

Взвод ОМОНа, прилетевший по звонку единственно успешшего спрятаться в одном из кабинетов перепуганного заикавшегося сержанта, прочесал окрестности, отловил трех бомжей и пятерых вооруженных потертыми пистолетами ТТ** «лиц кавказской национальности»,

---

* Скворец – сотрудник МВД, обычно – патрульный милиционер (*жарг.*)

** ТТ (Тула-Токарев) – автоматический пистолет конструкции Ф. В. Токарева. Калибр – 7,62 мм, снаряженная масса — 940 граммов, общая длина – 195 мм, длина ствола – 116 мм, начальная скорость пули – 420 м/сек, емкость магазина – 8 патронов, рабочая дальность стрельбы – до 50 м. По причине

предотвратив тем самым разбойное нападение на квартиру помощника представителя президента по Северо-Западному административному округу. Но виновник торжества так и не был обнаружен, о чем омоновцы и пришедшие в себя пэпээсники из райотдела составили коллегиальный пространный рапорт, попавший на стол аккуратно к самому начальнику ГУВД. Пузатый генерал-лейтенант в рассказку о братке-одиночке не поверил, вызвал к себе руководителя опозоренного отдела милиции и долго кричал на подполковника в своем кабинете, обвиняя в попытке скрыть правду о коллективной ночной пьянке, закончившейся дракой между участниками и порчей казенного имущества. Подполковник багровел, икал, кашлял, пукал и лепетал что-то невразумительное, чем лишь подтвердил подозрения генерала, вынесшего в конце беседы строгий выговор начальнику РОВД и приказавшего вычистить стоимость пришедшего в негодность оружия из зарплат патрульных...

– Блин, – Антон почесал в затылке и бросил взгляд на росшие всего в десятке метров от дороги тополя. – Завязли конкретно. И лебедки нет. Не предусмотрена, блин. А то б прицепились к дереву и рванули...

– Надо было «Хаммер» у Кабаныча взять, – вздохнул Денис. – Я тебе предлагал. Или «ниссан патруль» у Циолковского. У него их всё равно два. Причем обоими он не пользуется...

– Надо было... Но поздно уже. Сколько до места-то?

– Если напрямки, – Рыбаков махнул рукой в сторону раскинувшегося слева от дороги заливного луга, – то километра два всего. По дороге все пять будет, она в объезд свинофермы идет.

Антон достал из нагрудного кармана куртки серебристый мобильник «Siemens SL45» и набрал номер Гугуцэ.

– Боря! Слушай, мы тут застряли... Ну... – Невысокий бригадир сплоченного братанского коллектива поджал губы. – Диня то же самое говорит... Да, я в курсе... Угу... Ребят пришли, пусть мою «бомбу» из грязи вытянут и к точке подгонят. Мы пешочком доберемся... Я закрывать не буду, ключи под передним пассажирским креслом брошу... Да, под коврики... Лады, давай, – Антон выключил телефон и полез в «BMW».

своей надежности, простоты и мощности ТТ советского производства пользуются заслуженным доверием в криминальной среде, чего нельзя сказать об образцах, изготовленных в Китае, Венгрии и других странах.

Рыбаков засунул руки в карманы куртки и выбрался на обочину.

– Начался весенний призыв в Вооруженные силы нашей любимой Родины, – бархатным голосом сказал диктор любимой всеми правильными пацанами радиостанции «Азия-минус». – Армия – это такое место, где вы можете познакомиться с огромным количеством новых, интересных людей и убить их...

– Именно, – себе под нос буркнул Денис.

Антон закончил возиться в салоне внедорожника, вылез, захлопнул дверцу и посмотрел на старого приятеля.

– Я готов...

– Тогда пошли. – Денис указал рукой на развалины в полукилометре от дороги. – Ориентир — останки водонапорной башни...

Глава 1

В ОЖИДАНИИ ЛАВЭ*

Капитан Геннадий Андреевич Опоросов бодро взбежал на крыльцо своего родного райотдела милиции номер тридцать пять **, распахнул сильно обшарпанную входную дверь и шагнул в узкий коридорчик, ограниченный слева свежеекрашенной стеной в желтых разводах подсыхающей темперы, а справа – забранным толстенной решеткой окном комнатухи дежурного, едва видного сквозь мутный и поцарапанный плексиглас.

На опера тут же накатила волна знакомых запахов.

В коридорчике, как, впрочем, и во всем здании отдела, стоял тяжелый дух перегара, мокрых шинелей и чеснока, чуть приглаженный ароматом польской туалетной воды «Hugo Boss», коей обожали пользоваться дознаватели и сержантский состав РОВД. Причем как в качестве наружного средства, так и для облегчения похмельного синдрома. Туалетной воды было много, грузовик с нею был задержан глазастыми пэпээсниками всего месяц назад, крикливый барыга-азербайджанец так и не смог представить документы на товар, в связи с чем коробки со спиртосодержащей жидкостью были конфискованы в пользу правоохранителей и складированы в подвале, откуда двухсот-

---

* Лавэ – деньги (*жарг.*).

** Напоминание для озабоченных престижем Министерства внутренних дел читателей в форме и в штатском: вы держите в руках художественное произведение, и указанные в нем номера районных отделов милиции, фамилии и звания действующих лиц, телефоны и прочее не имеют никакого отношения к существующим в действительности.

миллиграммовые пузырьки мог взять любой желающий из числа сотрудников.

Излишне говорить, что этой халявой пользовались все.

Дошло до того, что именины недавно переведенного из Выборгского района в Приморский дознавателя Яичко* по кличке «Глухаридзе», выпавшие на канун получки, когда стражи порядка в тридцать пятом РОВД бродили с остекленевшими от безденежья и голода трезвыми глазами, прошли под лозунгом «Hugo Boss – не дай себе засохнуть!». В качестве закуски именинник выставил на стол кулек засохших до состояния гранита сливочных ирисок, а коллеги притащили две коробки с туалетной водой. Отмечали весело, праздник затянулся до глубокой ночи, расчувствовавшийся Яичко даже сочинил хвалебную оду неизвестным польским работягам, залившим во флаконы столь живительную влагу, и прочитал ее осоловевшим и частично отключившимся товарищам...

Немного уставший после ночного допроса пойманного с поличным карманника, в процессе которого дознаватель подкреплялся вермутотом из носимой у сердца фляги и потому пошатывался, Опоросов аккуратно, чтобы не измазаться в ядовито-желтой краске, миновал коридорчик и ступил на линолеум квадратного холла, куда выходили двери дежурной части, помещения для задержанных и постоянно запертого на огромный навесной замок туалета для посетителей и открывался проход к лестнице на второй и третий этажи.

В холле за бутылочкой пива коротали время сержанты Погорельцев и Баянов.

Опер небрежно кивнул опохмелявшимся коллегам, сурово посмотрел на неподвижно лежащего посередине холла в позе морской звезды ефрейтора Дятлова, но ничего не сказал и двинулся дальше.

– Слушай, Леха, – Баянов возобновил прерванный появлением Опоросова разговор и попытался сфокусировать взгляд на изрытом оспинами лице Погорельцева. – А что б ты выбрал: один раз заняться любовью с Машкой или два раза с Пасюком?

– С Пасюком? – немного удивился сержант, представив себя в объятиях грузного усатого старшины.

– Да! – Баянов с пьяной настойчивостью мотнул головой.

---

* Капитан Александр Александрович Яичко – персонаж романов Д. Черкасова (ТМ) «Шансон для братвы» и «Косово поле. Эпизод второй – Россия». – *Примеч.ред.*

– Ну-у... – протянул Погорельцев. – Даже не знаю...

– Нет, ты ответь! Ведь ты мне друг?

– Друг, – подтвердил сержант.

– Тогда ответь!

– Знаешь, Рома, – задумался Погорельцев. – Машка – это, конечно, круто, но два раза – это два раза.

– Вот! – Баянов погрозил товарищу пальцем. – А в баню со мной идти отказываешься...

Опоросов не стал дослушивать содержательную беседу пэпээсников и потопал вверх по лестнице. Личная жизнь сержантов его волновала гораздо меньше, чем предстоящий долгий рабочий день и назначенное на послеобеденное время медицинское освидетельствование сотрудников РОВД.

В коридоре второго этажа, где располагался десяток кабинетов дознавателей и оперативников местного ОУРа*, было относительно тихо. Лишь из комнатки, поделенной между Яичко, Землеройко и Палиндромовым, доносились невнятные крики Глухаридзе, запертого вчера вечером в стенном шкафу и теперь рвавшегося наружу, и ругань его соседей по кабинету, разыскивавших ключ от шкафа и обвинявших друг друга в потере этого маленького, но столь нужного кусочка металла.

Геннадий Андреевич добрел до двери с криво прикрученной шурупам эмалированной табличкой, на которой значилось: «кап. Опоросов Г. А., старш. лейт. Самобытный К. Г.», и попытался войти.

Но безуспешно.

Хотя в кабинете явно кто-то был. Из-за двери раздавались невнятный шепот и музыка из стоявшей, как помнил Опоросов, на сейфе огромной ярко-красной магнитолы «Panasonic», проходившей как вещественное доказательство по делу о квартирной краже трехлетней давности.

– Кирия! – Капитан пару раз стукнул кулаком по филенке и сморщился от приступа головной боли, вызванной слишком громким звуком. – Кирия! Открывай! Я знаю, что ты там!

Шепот за дверью на секунду стих, но тут же возобновился.

– Кириллушка! – проникновенно сказал Опоросов. – Если ты сейчас же не откроешь, я тебе пасть порву...

---

* Отдел уголовного розыска.

Недовольство капитана было объяснимо и понятно любому русскому человеку.

В кабинете, за наваленной в углу кучей ржавых стволов, изъятых у «черных следопытов»*, ждала своего часа маленькая заначка в виде бутылочки жидкости для обезжиривания поверхностей, прозванной в народе «Красной шапочкой» за цвет пластмассовой крышки. Единственная надежда страдающего от жажды опера, отрада измученного организма.

Несчастный Опоросов еще раз поскребся в дверь:

– Ну, Киря! Ну, открывай!

– Не нукай, не запряг! – неожиданно громко и четко произнес голос старшего лейтенанта Самобытного.

Капитан поискал источник звука и понял, что голос доносится из широкой щели между нижним обрезом косяка двери и полом.

– Киря! – Опоросов бухнулся на колени, просунул в щель пальцы и попытался схватить за нос лежавшего с другой стороны двери Самобытного. – Не вынуждай!

Старлей проворно отодвинулся, прищурился, глядя на шевелящиеся в щели пальцы, и со всего размаха треснул по ним отломанной от стула ножкой.

Визг капитана пронизал здание РОВД сверху донизу, заставил дежурного пролить кипяток из чайника себе на ногу и спугнул пристроившихся на ближайшем дереве Ворон. Через мгновение к воплям Опоросова присоединились и крики дежурного, ошпарившего себе полбедр.

– Ах ты, скотина! – заорал опер и смачно вlepил носком сапога по двери.

Расхлябанный замок не выдержал удара, дверь распахнулась и заехала точно по носу не успевшего подняться Самобытного.

Старлей заверещал, откатился на середину кабинета и схватился за лицо.

Опоросов, аки разъяренный коршун, влетел в служебное помещение и первым делом треснул сокамерника** ногой под ребра.

Самобытный разверещался еще пуще.

---

* Черные следопыты – индивидуумы, промышляющие сбором оружия и сохранившейся амуниции на местах боев времен Великой Отечественной войны (сленг).

** Здесь – сосед по кабинету (милиц. сленг).

Капитан ринулся в угол, разгреб груды запчастей к ППШ*** и винтовкам Мосина, кучу ржавых штык-ножей и пустых магазинов к немецким автоматам, и тут ему стало понятно нежелание коллеги открывать дверь.

Заначка исчезла.

Белый как мел Опоросов внятно сказал: «Сука!», повернулся к притихшему старлею, рванул воротник несвежей рубахи и полез за пистолетом.

Но Самобытный не стал дожидаться суда Линча в исполнении старшего товарища и на четвереньках рванул через открытую дверь в коридор.

— Куда?! Стоять! — страшным голосом возопил капитан и погнался за улепетывавшим воришкой, своротив по пути магнитолу с сейфа.

Старший лейтенант выкатился в коридор, в три прыжка достиг лестницы и помчался вниз. В спину ему дышал неопохмеленный Опоросов, разборка с которым грозила обернуться для Самобытного минимум пулей в ногу.

Расхитителей спиртосодержащей собственности капитан не жалел...

* * *

Михаил Грызлов, широко известный в оперативно-следственных кругах Северной столицы да и всей России в целом как весьма асоциальный и склонный к оказанию сопротивления при задержании тип по кличке Ортопед, забросил последнюю лопату цемента в урчащую бетономешалку, рассчитанную на полтонны раствора, с удовольствием пощупал свои налитые недюжинной силушкой бицепсы, объемами более всего смахивающие на бедра годовалого бычка, отер тыльной стороной ладони выступивший на лбу трудовой пот и подсел к раскладному походному столику, за которым Денис, Глюк и Комбижрик расправлялись с привезенными заботливым Клюгенштейном пиццами, запивая их апельсиновым соком прямо из пакетов.

— Эх, — молвил бетонщик-энтузиаст, отламывая себе нехилый кусочек от «блина с колбасой», как гордость итальянской кухни именовал прославившийся далеко за пределами своей Родины брател-

---

*** Пистолет-пулемет Шпагина.

лю Циолковский. – На воздухе, блин, лепота. Весна, птицы орут, зелень... В городе киснешь. Не то что здесь...

– Надо чаще на природу выезжать, – согласился Глюк, в последнее время сильно занятый приведением в чувство разболтавшихся за время его вынужденной отлучки коммерсантов* и потому днями напролет не вылезавший из душных прокуренных офисов. – Например, блин, на речку...

– На речку не надо, – сказал Комбижирик, отрывая уголок у очередного тетрапакета с соком. – Там, блин, непредсказуемо всё.

– Это почему? — заинтересовался Денис.

– Да, блин, был я осенью в круизе, – надулся браток. – По Волге...

– И что? – осведомился Ортопед, открывая очередную коробку с яркой крупной надписью «Пицца-экспресс». – О, а эта, блин, с анчоусами и оливками!

– Я каждого сорта по две взял. – Глюк ткнул пальцем в свой джип «Асуга MDX» цвета червонного золота, стоявший у крыльца фанерного домишки, должного сыграть одну из главных ролей в предстоящей через несколько дней операции. — В багажнике лежат.

– В общем, еды нам хватит, – резюмировал Рыбаков и повернулся к Комбижирику. – Ну, так что там, Гоша, в круизе-то случилось?

– Так, блин, ничего особенного, конечно... Но поучительно. – Браток влил в пасть пол пакета сока, похлопал себя по пузу и откинулся на спинку собранного из титановых трубок стула. – Мы тогда в Астрахань ходили... А в устье Волги, блин, есть райончик, где калмыцкие рыбаки бомбят проходящие теплоходы.

– Бомбят**? — удивился Глюк.

– Не в том, блин, смысле. – Комбижирик махнул широкой мозолистой ладонью. – Икру по дешевке толкают. Набраконьерят, блин, осетров набьют и продают...

– А-а, ты в этом смысле, – успокоился Аркадий.

– Ага. – Рассказчик неторопливо закурил тонкую вишневую сигариллу. – На полном ходу, блин, подходят на моторках к пароходам и лезут, блин, в нижние иллюминаторы с банками икры и осетри-

---

* Подробнее об отлучке Аркадия Ключенштейна читайте в романе «Канкан для братвы».

** Бомбить – одно из значений: «грабить» (жарг.).

ной. У меня там как раз каюта и была... Сдвоенная, – уточнил педантичный браток. – И никто ж, блин, меня не предупредил об этом народном обряде! Ну, выпили мы под вечер, как водится, я спать пошел... Сплю, блин, и вижу дивный сон: кто-то ломится в иллюминатор! Открываю – а оттуда на меня харя узкоглазая смотрит, типа, блин, японец... Всё, думаю, доигрался, уже рожи самурайские мерещатся... А харя на ломаном русском меня и спрашивает: «Икра надо?» Ну, прикинул я, это ж, блин, всё равно сон, чего ж не взять-то? «Надо, – говорю. – Давай...» Тот опять по-русски: «Сколько надо?» – «Давай всё, чё есть», – отвечаю. Сон же! Этот штрих желтомордый сует мне трехлитровую банку, потом еще одну, и еще... Я ставлю их под стол, принимаю еще парочку осетров, кидаю в угол, закрываю, блин, иллюминатор и заваливаюсь на шконку* ... Тут опять стук в окно, уже понастойчивее, чем в первый раз. Открываю, а там, блин, вместо будки самурайской – ствол обреза. Двадцаточка, вертикалка**, ижевского завода. – Многоопытный Комбижирик, повидавший за свою насыщенную разными событиями жизнь тысячи стволов, поднял палец. – И голос: «Дэнги давай или икра назад!» Ну, думаю, наглый какой черт попался! Во сне с меня еще бабки требует! Хотя, блин, всё равно ж сон... Ладно, думаю, дам ему в морду и икру выкину. Пусть, блин, подавится, животное... Так, типа, и сделал. Обрез вырвал, в харю двинул, банку метнул, потом вторую... Тут снизу крики, звон стекла, матюги, стрельба началась! Я иллюминатор закрыл и больше, блин, на шум не реагировал... Утром просыпаюсь – на столе обрез, под столом – икра, у двери рыбины валяются... Поспал, блин!

– А браконьеры что? – осведомился Денис. – Так всё и проглотили?

– Не знаю, – браток пожал плечами. – Может, их менты повязали или рыбнадзор. Они ж такой, блин, фейерверк устроили ночью, что только слепой не увидит.

– Со мной тоже был аналогичный случай, – вспомнил Глюк.

– В круиз ходил? – поинтересовался Ортопед.

– Не, дома у себя... Помните, год назад я с наркодилерами с Некрасовского*** сцепился?

---

* Шконка – койка (*жарг.*).

** То есть обрез двуствольного ружья двадцатого калибра с вертикальным расположением стволов.

*** Имеется в виду Некрасовский рынок в Санкт-Петербурге, одно из самых

– Как не помнить! – улыбнулся Денис. – Тебя ж потом ОБНОН* разыскивал. Дабы отблагодарить за разгром лаборатории по производству экстази...

– Это потом было, – хмыкнул Аркадий Ключенштейн. – А тот случай – чутка раньше, в самом начале.

– Ну, поведай, – предложил Грызлов.

– Мне тогда, блин, семена конопли под видом орегана вручили. – Глюк пошевелил густыми бровями, вспоминая прошедшие денечки. – Перепутали коробки, типа. Я травкой шашлычок на даче и обсыпал... Вкус – специфический! Но плохо потом – не передать!

– Само собой, – согласился Комбижирик.

– Поехал разбираться, блин, – продолжил двухметровый борец за здоровый образ жизни. – Нашел, блин, торгаша давешнего, что коноплю подsunул, дал в дыню... Тут кореша его набежали, во главе с папиком ихним. Ну, слово за слово, жопой по столу... Те вообще оборзели, орут, что травка, блин, дороже орегана будет и я, типа, им еще должен! Это они, блин, мне! Прикидываете?

– Прикидываем, – за всех ответил Ортопед.

– Конечно, я не стерпел. – Ключенштейн всем своим видом выразил презрение к наглому барыге-наркоторговцу, посмевавшему хамить уважаемому братану.

– Верим, — кивнул Рыбаков.

– Соответственно, – Аркадий засунул в рот очередной кусок пиццы и пожевал, – я дал ему в фанеру** ... Но! У этого чудака, блин, во внутреннем кармане пиджачка лежал пакет кокса*** эдак на полкило... В общем, блин, через секунду всё вокруг покрыто тонким слоем порошка...

– Душераздирающее зрелище, – согласился Денис.

– Барыга лежит, его кореша – врассыпную, мусора, что рядом случились, рты пораззявили, я весь в коксе, торчки местные уже нацелились меня нюхать, на халяву. – Глюк отпил сока. – Картина Репина «Приплыли»! Ну, ОМОНа ждать я не стал, блин, дал деру. Кое-как до дома добрался, шмотье всё на помойку вынес, сам отдраился под ду-

---

бойких мест по торговле наркотиками в городе.

* ОБНОН – отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков ГУВД Санкт-Петербурга.

** Фанера – грудь (жарг.).

*** Кокс – кокаин (жарг.).

шем и спать бухнулся... Три часа ночи, тишина. – Браток понизил голос и немного наклонился вперед. – Вдруг – звонок в дверь... Открываю... Бли-и-ин! На лестничной площадке стоят хомячок, небольшой такой жираф и здоровенный синий попугай. И хомячок мне говорит: «К нам поступила информация, что здесь злоупотребляют галлюциногенами!»...

Рыбаков подавил смехок и сжал зубы. Идея подшутить над Глюком принадлежала ему.

Вместе с Гоблином, Мизинчиком и Нефтяником он заехал в магазин игрушек, где были приобретены прекрасно изготовленные французские куклы трех вышеперечисленных представителей фауны. Хомячка, жирафа и попугая разместили перед дверью квартиры Аркадия, позвонили, и, когда сонный хозяин распахнул дверь, прятавшийся за углом Денис тонким голосом произнес заранее подготовленную фразу.

Реакция Ключенштейна оказалась непредсказуемой.

Вместо того чтобы вступить в разговор со зверюшками или хотя бы попытаться пнуть их ногой, браток захлопнул дверь и более к ней не подходил, несмотря на настойчивый стук в нее и звонки по телефону, на которые Глюк тоже не отвечал. Так спустя полчаса четверка шутников и убыла несолоно хлебавши, а Аркадий втайне от друзей месяц посещал психоаналитика...

– Да, блин, дела-а, – протянул не знавший о розыгрыше Комби-жирик.

Но долго ли, коротко ли текла беседа, однако, так как в числе собеседников был гражданин Ортопед, разговор в конце концов коснулся и еврейского вопроса.

– Я тут, блин, кой-чего почитал. – Михаил вытащил из заднего кармана джинсов перетянутую резинкой потрепанную записную книжку в кожаной обложке, весьма похожую на ту, что постоянно таскал с собой Харрисон Форд в киноэпопее про Индиану Джонса. – Мне чувак один статейку перевел. Амеровского конгрессмена, от Луизианы. Дэвидом Дюком* кличут... Наш человек, надо будет как-нибудь познакомиться, в Россию, блин, пригласить. – Браток прочистил горло. – И нашел я в ней, блин, интересные местечки из талмуда...

– Изложи, – предложил Денис, поудобнее устраиваясь на стуле.

---

* Для знающих английский язык пользователей Интернета – www.davidduke.com.

– Вот. – Ортопед послунывил палец и нашел нужную страницу. – Слушайте... «Только евреи являются людьми, неевреи – это животные» * ...

– Это как так? – возмутился Клюгенштейн.

– А так, – бесстрастно сказал Рыбаков. – Мишель просто зачитывает то, что в синагогах по сто раз на дню повторяется.

– Слушайте дальше. – Ортопед воздел вверх сжатый кулак. – «Даже лучшие из неевреев должны быть убиты **»... «Если еврей найдет вещь, потерянную неевреем, то нет необходимости ее возвращать ***»... «То, что еврей получает воровством от нееврея, он может сохранить ****»... «Евреи должны уничтожить книги христиан §»... И далее, блин, в том же духе... Или вот еще: «Еврейские священники воскресили Валаама из мертвых и казнили его §**»... Вот тут я, блин, не совсем въехал... Какого-то Валаама казнили, блин, четыремья разными способами...

– Валаам – это Иисус, – объяснил Денис.

– Какой? – тупо спросил Глюк.

– Христос, разумеется...

– Не понял, – помрачнел Клюгенштейн. – Они что ж, нашего Иисуса четыре раза мочили?

– Угу. – Рыбаков прикурил от поданной Комбижириком зажигалки. – Согласно существующим в иудаизме описаниям, после смерти Христа его по указке раввинов оживил какой-то еврейский фокусник, и пархатые всласть над ним еще поизмывались. Типа, на кресте, с их точки зрения, он маловато мучений принял... Варили в дерьме, душили, еще там чего-то делали... И это официальная позиция и даже гордость ортодоксов. У них там даже до сих пор религиозный спор идет, какая из хасидских сект больше усилий приложила, чтобы Христу максимальные страдания доставить. Причем на полном серьезе. Вот так то...

---

* Талмуд, Баба Мециа, 114а – 114в. Здесь и далее приводятся реальные цитаты из талмуда по изданию Talmud, Soncino Edition, 1935.

** Вавилонский Талмуд, Funk and Wagnalls Jewish Encyclopedia, 1907, Gentile, New York, стр. 617.

*** Талмуд, Баба Мециа, 24а, стр. 666.

**** Талмуд, Санхедрин, 57а, стр. 388.

§ Талмуд, Шаббат, 116а.

§** Талмуд, Гиттин, 57а.

– А почему его тогда Валаамом называют? – хмуро осведомился Ортопед.

– Это типа псевдонима для нас, гоев. Чтобы такие, как ты, после прочтения талмуда не пошли убивать всех жидов подряд, – спокойно выдал Денис. – Ибо это самая первая реакция любого нормального человека... Кстати, потому талмуд ты нигде и не купишь, в отличие от тех же Библии или Корана. Его вообще крайне неохотно показывают необрезанным посторонним. Интереснейшая книжечка, если вдумчиво прочесть... Сразу многое на свои места становится. На месте наших горе-патриотов я бы вместо занудных призывов к еврейским погромам и выпуска тупых листовок просто собрал бы деньги и издал хороший перевод талмуда на русский. Причем можно с минимальными комментариями, только чтоб объяснить, кого каким именем в этой книжке называют, и что слово «кьютин», которое в настоящее время обычно переводится как «язычник», – это просто «нееврей», и не более того. Тираж надо было бы сделать массовым – миллиончик-другой экземпляров – и очень дешевым, в простой мягкой обложке. Дабы допечатывать по мере необходимости, если братья-пархатые начнут скупать свой талмуд партиями и где-нибудь потихоньку сжигать... А они будут, можете мне поверить! В принципе это очень элементарное и здравое решение еврейской проблемы. Если народ будет знать, о чем жида меж собой в синагогах талдычат и каких жизненных принципов они на самом деле придерживаются, то и отношение к ним станет соответствующее... Заодно и тему холокоста навсегда придавим, немцам житуху облегчим. Фрицы только счастливы будут. Все долги разом спишут да еще и безвозвратные кредиты дадут, чтобы мы остальным европейцам задолженность погасили...

– Напечатать талмуд – это можно. – Грызлов подбросил на ладони свою записную книжку и сурово посмотрел вдаль. – Ради такого дела, я думаю, не запахло... А лимон экземпляров – это сколько денег надо?

– Не запахло, – подтвердил Комбижирик.

– В бакинских* тысяч триста-триста пятьдесят, – прикинул Рыбаков. – Чем больше тираж, тем меньше себестоимость одного экземпляра.

---

* Бакинские – доллары США (жарг.).

– Это, блин, реально, – пожал плечами Комбижирик. – Мы вон с тех сундуков, что в прошлом году вырыли*, пять лимонов зелени получили...

– Нет базара, – кивнул задумавшийся о чем-то своем Ортопед. – А где, блин, хороший перевод взять?

– Сделаем, если надо, – отмахнулся Денис. – За пять штук баксов я десять переводчиков с иврита найду. Месяц работы. Тем более что переводы-то кое-какие есть, их просто надо в единый стиль свести и комментарии грамотно расставить. Ну, и список использованной литературы подготовить. Дабы книжка была по-настоящему научной и беспристрастной и чтобы избежать обвинений в разжигании межнациональной розни... Но это не кардинальное решение вопроса.

– А какое кардинальное? – тут же спросил Ортопед, отвлекшись наконец от своих кровожадных планов по истреблению живущего с ним в одном доме семейства Кацев, один из юных представителей которого учился на раввина и вот уже полгода веселил соседей своим прикидом, состоявшим из длинного черного сюртука и широкополой черной же шляпы. За глаза будущего ребё называли «Зорро без мас-ки».

– Изменение процента по банковским кредитам. – Рыбаков затушил окурок. – Достаточно снизить ставки рефинансирования до пяти и меньше процентов, как еврейскому капиталу в такой стране станет просто неинтересно и он потянется туда, где ростовщичество приносит больший доход... Только это должно быть введено законом, обязательным для исполнения всеми банками. Возьмем, к примеру, Японию или Ближний Восток...

– Возьмем, – кивнул Комбижирик.

– Там процент минимален, а чаще его нет вовсе... И, соответственно, наши «особо избранные» носато-кучерявые друзья туда не лезут. Объективно не лезут, им там ловить нечего. Ибо даже те максимальные пять процентов, которые они могут заработать на выдаче кредитов, почти целиком уходят на техническое обслуживание банков и зарплату персоналу, а владельцу денег достаются жалкие крохи...

– Блин, неужели всё так просто? – удивился Глюк.

– Проще не бывает. – Денис зевнул и посмотрел на заходящее солнце. – Только таких действий со стороны нашего правительства

---

* См. роман Дмитрия Черкасова «Канкан для братвы» – *Примеч. ред.*

мы вряд ли дождемся. «Консультанты» не дадут, любые взятки сунут, чтоб не допустить этого... Они ж ученые, в Чили генацвале Пиночет совсем недавно именно так и поступил... Кстати, Мишель, у тебя уже раствор давно готов. Давай-ка за работу. О тонкостях низведения иудеев мы с тобой сможем позже поговорить...

* * *

Начальник тридцать пятого РОВД подполковник Николай Андреевич Козьявкин не предполагал, что день начнется для него с вывихнутой ноги. Он мирно шел себе по лестнице, обдумывая планы на ближайшую неделю, и не был готов к тому, что на него сверху упадет хоть и не очень тяжелое, но обладающее большой инерцией тело старшего лейтенанта Самобытного.

Опер врезался в подполковника на полной скорости, даже не пытаясь затормозить, и вместе со Козьявкиным пересчитал ступеньки до площадки первого этажа. Портфель подполковника улетел в одну сторону, фуражка и очки – в другую. А сам он к тому же как следует приложился затылком о лестничные перила и на минуту потерял сознание, что позволило Самобытному удрать в подсобку, где уборщица хранила свой инвентарь. Перепуганный насмерть и сильно пьяный старший лейтенант заклинил дверь шваброй, сел на перевернутое ведро и залился горячими слезами...

А первое, что увидел очнувшийся Козьявкин, было мрачное и одутловатое лицо оперуполномоченного Опоросова.

И уверенности в завтрашнем дне оно подполковнику совсем не прибавило.

– Что это с вами, Николай Андреич? – спросил капитан, обдав начальника РОВД крутым перегаром.

Если бы где-нибудь проводились конкурсы на мощь «выхлопа после вчерашнего», Опоросов явно занял бы одно из призовых мест.

– Уйди, – тихо попросил Козьявкин и посмотрел на свою вывернутую под неестественным углом ногу. – И вызови «скорую»...

– Зачем? – Оперативник тоже обратил внимание на несколько странно выглядевшую нижнюю конечность подполковника. – Ой! У вас же с ногой что-то!

– Знаю. – Начальник РОВД не желал вступать в дискуссию с капитаном или, тем паче, испытывать на себе познания Опоросова в медицине, а особенно в деле оказания неотложной помощи. – Ты вызовешь врача или нет?!

– Бегу! – Оперативник заметался по маленькой лестничной площадке, наступил на пальцы левой руки стоически промолчавшего подполковника и выскочил в холл.

«Скорая» приехала довольно быстро, минут через сорок.

К приезду медиков в тридцать пятое РОВД, помимо Козьявкина, образовался еще один пострадавший – капитан Яичко, которого случайно задела ломом по голове в процессе вскрытия шкафа. Врачи вправили подполковнику ногу и забрали с собой, дабы сделать рентгеновский снимок в близлежащем травмпункте.

Замотанного бинтами и потому похожего на спившегося индийского факира Яичко оставили в отделе.

После отъезда начальника немногочисленные остававшиеся на рабочих местах сотрудники решили отметить сие знаменательное событие, заперли входную дверь РОВД, повесив снаружи валявшуюся в дежурке табличку «Переучет», и принялись уничтожать запасы «Hugo Boss», причем без всякой закуски. Под вечер в одном из кабинетов на втором этаже возник пожар, его долго пытались тушить, таская воду стаканами из туалета в противоположном конце коридора, пока наконец дознаватель с весьма подходящей для своей внешности фамилией Пугало не протянул от крана шланг и не залил пламя струей кипятка. Горячая вода быстро просочилась сквозь деревянные перекрытия вниз до электрощита в подвале, и РОВД погрузилось во тьму. Что, впрочем, процессу поглощения польской парфюмерии не помешало.

До глубокой ночи из зияющего черными провалами окон трехэтажного здания райотдела доносились тосты и здравицы в честь сотрудников Министерства внутренних дел и нестройное пение, затихшие лишь часа в три.

А наутро brave стражи порядка опять встали на защиту законности...

* * *

Глюк убыл первым, получив от Дениса задание купить и доставить к следующему полудню четыре городских скутера^{*}.

---

* Имеются в виду маленькие мотороллеры, развивающие скорость до 90 км/час, для управления которыми не требуются «права» и которые не нужно регистрировать в ГИБДД (ГАИ).

А сам Рыбаков, Ортопед и Комбижирик после окончания работ по подготовке места будущей операции загрузились в новенький снежно-белый вездеход «Mercedes-Benz G 500» гражданина Грызлова и отправились кружным путем в город.

Минут пять занятый управлением машиной Ортопед молчал, но затем опять обратился к любимой теме:

– Слышь, Динь. – Могучий браток вывел внедорожник с раскисшего проселка на гравийную дорогу и снял одну руку с обтянутой светло-серой перфорированной кожей баранки. – Я вот тут, блин, Гоблина попросил мне документы по планам решения «еврейского вопроса» в Германии достать, а он не смог... Говорит, всюду, блин, искал и не нашел. Типа, их вообще нет... Ты не знаешь, где посмотреть можно?

– А нигде. – Рыбаков пожал плечами. – Правильно Димыч говорит.

– Жиды уничтожили? – предположил сообразительный Ортопед.

– Не, Мишель, не жиды. – Денис чуть приоткрыл боковое стекло «мерседеса». – Их просто-напросто никогда не существовало. Сейчас это уже вынуждены даже специалисты по проблеме холокоста признать. Все вопли о планах фюрера по истреблению иудеев – фикция. Послевоенные выдумки...

– Что, нигде даже словечка нет? – огорчился Грызлов, надеявшийся на то, что можно будет почитать первоисточники и выписать оттуда пару полезных цитат.

– Не-а... Есть документы о том, что в Третьем Рейхе одобряли сионистское движение и даже помогали расчищать палестинские территории для еврейских поселений, почему и с англичанами на Ближнем Востоке махались. Но вот бумаг о том, что кому-то из руководства тогдашней Германии приходило в голову планировать уничтожение именно пархатых, не существует. Хотя иудеи в принципе входили в список «неполноценных рас», генетическое смешение с которыми нежелательно... Вместе со славянами, кавказцами, французами, балканскими народами и прочими «унтерменшами»*. Однако «нежелательность» и избирательная зачистка – разные вещи. Спонтанные погромы, конечно, были. Куда ж без них? Тем не менее общегерманского приказа вырезать евреев не было... Если б был, то, зная педантичность немцев, сынов Соломоновых ликвидировали бы меся-

---

* Untermensch – недочеловек (нем.), термин 1934-1945 годов.

ца за три. Всех, подчистую. И не было бы никакого Израиля... А так – мы имеем то, что имеем.

– Жидкам сейчас туго приходится. – Общительный и стоящий на аналогичных с Ортопедом позициях Комбижирик поддержал разговор, имея в виду очередные взрывы палестинских террористов-самоубийц в израильских кафе и на дискотеках.

– А что ж ты хотел? – Денис открыл перчаточный ящик и достал запечатанную оранжевую пачку «Camel medium». – У арабов терпение лопнуло. Евреи им всё обещали, что уйдут с оккупированных территорий, но вместо этого стали новые поселения строить да еще и ужесточать политику по отношению к гастарбайтерам*. Палестинцы и не стерпели... Им терять нечего, житуха и так не фонтан, а посредством самоподрыва можно семью на десять лет вперед обеспечить. Родственники камикадзе капусту на следующий день получают, даже если полицейские исполнителя завалят до того момента, как он взорвется.

– Двадцать штук зеленым – смешные деньги, – заявил Ортопед, весьма осведомленный в вопросах финансирования интифады. – Но ведь и за них, блин, на смерть идут...

– Это для тебя смешные, – возразил Рыбаков. – Там это целое состояние, два дома купить можно, машину и на мебель с едой еще останется. Плюс не забывай о том, что самоубийца тут же становится национальным героем, как и все его родственники...

– На фиг нужен такой героизм, – констатировал Комбижирик. – Жмуру** без разницы, герой он или не герой...

– Не скажи, брателло, – не согласился подкованный Михаил. – Для мусульманина посмертный престиж, блин, не менее важен, чем при жизни. Вот ты ж, Гоша, тоже, типа, хочешь, чтоб на твоей могиле не крестик какой-нибудь занюханный стоял, а стела гранитная.

– Я что-то туда не тороплюсь, – хмуроотреагировал Георгий. Мне и здесь неплохо...

– Не, я в общем плане.

– И в общем не хочу. Мне, блин, прыжков на мотоцикле с обрыва хватило...

Денис развеселился, вспомнив прошлогодние приключения двух верных корешей.

---

* Гастарбайтер – рабочий-иностранец.

** Жмур, жмурик – покойник (*жарг.*).

Выезд на пикник, в котором приняли участие почти все члены братанского коллектива, сопровождался массой полуспортивных состязаний, ибо Ортопед с Комбижириком прибыли на него не на обычных и даже в чем-то приевшихся внедорожниках, а на спортивных мотоциклах «Kawasaki ZX 12-R Ninja» и «Suzuki GSX-R1000». После обильного полдника с морем разнообразных горячительных напитков было решено слегка расслабиться и погонять на сверкающих разноцветным лаком двухколесных монстрах, способных достигать скорости сто километров в час всего за две с половиной секунды.

Мотоциклы опробовали все, и почти все остались довольны. Исключением был Парашютист, которого изрядно укачало.

После езды по прямой дистанции и «змеек» между деревьями некто вбросил в сознание масс удивительную своей новизной мысль о том, что достойным финалом выходного дня было бы соревнование между владельцами байков в том, кто из них дальше прыгнет с обрыва в речку. Победитель забирал мотоцикл проигравшего.

Спустя пять минут идея охватила всех собравшихся, и Ортопед с Комбижириком отъехали от обрыва метров на пятьсот, чтобы как следует разогнаться.

Стартовали по очереди.

Жребий прыгать первым выпал Собинову. Браток как следует порычал двигателем, вызывая одобрительные вопли зрителей, прыгнул и понесся навстречу судьбе...

Продолжение следует...

**Дмитрий Черкасов
Андрей Воробьев**

**НА БЕЙКЕР-СТРИТ ХОРОШАЯ ПОГОДА,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВЕСЕЛЫХ МУСОРОВ**

Ответственный редактор *Александр Етоев*
Художественный редактор *Сергей Азарнов*
Корректоры *Нина Тюрина, Лариса Ершова*

Изд. лиц. № 065642 от 22.01.98.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.07.2002.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8- Доп. тираж 10 000 экз.
Заказ № 756 .

Издательство «Валери СПД».
191002, Санкт-Петербург, а/я 24. Тел./факс: (812) 316-68-24.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ордена Трудового Красного Знамени «Техническая книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,

«Мартышкин вылез из сверкающего черным лаком “Запорожца” за квартал до нужного дома, добрал до пивного ларька напротив парадного, где, по последним сведениям, проживал Беркасов, и, чтобы не привлекать к себе внимание прохожих, по-пластунски пересек улицу и залег в сугробе возле металлической входной двери.

Следующие час и пятнадцать минут младший лейтенант провел в ожидании кого-нибудь из жильцов, так как самостоятельно справиться с кодовым замком у Сысоя не получилось».

Книга Д. Черкасова и А. Воробьева открывает новую, убойно смешную детективную серию, которая так и называется: «Убойно Смешной Детектив».